

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ
НАЗАХСТАНА

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КАЗАХСТАНА

Издательство «НАУКА» Казахской ССР
АЛМА-АТА · 1978

Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, «Наука» КазССР, 1978.

214 с.

Книга посвящена новым достижениям в области археологии, нумизматики, палеозоологии и археологической технологии. Рассматриваются основные направления первобытной и средневековой археологии Казахстана, большое внимание уделяется итогам раскопок Отрара, изучению земель древнего орошения вокруг него, городских некрополей. Интерес представляют древние памятники Центрального Казахстана.

Книга рассчитана на археологов, этнографов, нумизматов, историков и всех интересующихся историей материальной культуры Казахстана.

Ответственный редактор

К. А. АКИШЕВ

А $\frac{10602-121}{407(07)-78}$ 108—78

© Издательство «Наука» Казахской ССР. 1978 г.

ОСТАТКИ ОСЕДЛЫХ ПОСЕЛЕНИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

А. Х. МАРГУЛАН

Многие проблемы истории средневековой культуры Казахстана еще мало изучены. Одной из них является оседлая культура Центрального Казахстана, исследование которой началось в последнее тридцатилетие. Один из знатоков археологии М. П. Грязнов писал, что «неравномерная изученность памятников иной раз недостаточно учитывалась исследователями и приводила их к неправильным заключениям по некоторым вопросам истории культуры древних племен Казахстана»¹.

В результате систематического изучения памятников на территории северных степей Казахстана в настоящее время накоплен огромный научный материал. Археологические исследования выявили остатки оседлой культуры не только в районе Сырдарьи и Каратау, но и в речных горных долинах Центрального Казахстана.

В Центральном Казахстане обнаружены следы цивилизации, существо-

¹ Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. — СА, 1952, XVI, с. 129; Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. — КСИИМК, вып. 61, 1956, с. 8.

Рис. 1. Карта средневековых поселений Центрального Казахстана

вавшей еще с эпохи бронзы до позднего средневековья. Памятники эпохи поздней бронзы сохранились в виде развалин поселений древних рудокопов и металлургов, каменных гробниц типа Бегазы, культовых и поминальных сооружений. В этом районе немало следов очень высокой культуры древних коневодов, живших полуседло (Кара-Агаш, Боровский клад, Канат-Тас, Тасмола и др.). От тюркского времени дошли до нас остатки рудников, каменные изваяния, поминальные ограды, храмовые строения типа Уйтас и Домбагул, каменные башни — дынг и др.

Средневековые городища, обнаруженные в Улутауском и Джезказганском районах, в бассейнах рек Кенгира и Сарысу, свидетельст-

вуют об оседлой культуре, о поливном земледелии, наличие которых в этом районе до недавнего времени отрицалось (рис. 1). Значительные следы оседлых поселений, построенные из камня, глины, сырцового кирпича, сохранились на р. Ишиме, в группе Аккайрақты и Жаксы-Жангызтау, описанные И. П. Шангиным², на реке Нура в виде руин Ботагая, Жаксы-Карт³, в нижней части р. Селеты (Кара-Оба, Тулпар-Тас), отмеченные в трудах академика И. П. Фалька⁴. Особенность оседлых поселений Центрального Казахстана заключается в том, что они появлялись там, где до них стояли надгробные каменные сооружения дынгы, уйтасы (каменные дома) и архитектурные памятники типа Алаша-хан, Джучи, Джансеит, Сырлы-там, Сулу-там⁵ и др. Наиболее ранние сооружения типа дынг с каменными изваяниями относятся ко времени тюркского каганата (VI—VIII вв.), остальные принадлежат кипчакам, канглам и казахам. Основная масса погибших поселений Центрального Казахстана возникла в период кипчаков, особенно при владетелях Ак-орды (XIII—XV вв.) и во время сложения Казахского ханства (XV—XVI вв.).

Из сохранившихся остатков оседлой культуры наиболее значительным является городище Домбагул в горах Арганаты Улутауского района, отождествляемое нами со средневековым городом Орда-базар, в котором тридцать лет правил Дешт-и-Кипчаком хан Абулхаир и здесь чеканил свои монеты⁶.

Другим важным укреплением было городище Алаша-хан⁷ на берегу р. Каратала у северного подножия горы Улутау. Заслуживает внимания городище Ногербек-дарасы (рис. 2) и небольшое укрепление Баскамыр с сильными фланкирующими колоннами⁸, Аяккамыр — средневековый замок на р. Джезды, возле мавзолея Аяккамыр, городище Аксай в устье реки одноименного названия, впадающей в Кенгир, остатки средневековых замков вблизи мавзолея Джучи-хана, известные по описанию Хафыз Тыныша как Сарайлы и Турайлы⁹. Эти поселения зарождались в Центральном Казахстане

² Шангин И. П. Извлечение из описания экспедиции, бывшей в Киргиз-кайсацкой степи в 1816 г. — «Сибирский вестник», 1820, IX, кн. 3, с. 74—75.

³ Спасский Г. И. Древности Сибири. — «Сибирский вестник», 1818, ч. III, табл. XV—XVI.

⁴ Фальк И. П. Полное собрание путешествий по России, т. VII. Записки путешествия академика Фалька. СПб., 1825, с. 58.

⁵ Спасский Г. И. Древности Сибири, ч. III, табл. XVI.

⁶ Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII вв. Алма-Ата, 1969, с. 155 (далее МИКХ).

⁷ Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950, с. 93, рис. 55.

⁸ Там же, с. 96, рис. 56.

⁹ Хафыз Тыныш. Абдулла-наме. ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. Рукоп. отд. Ц. Н. С., ф. 205, л. 257.

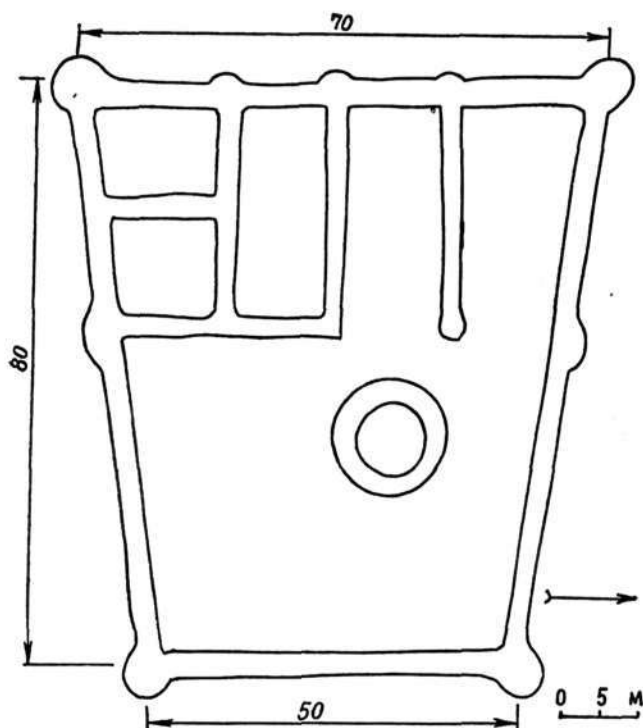

Рис. 2. План городища Ногербек-дарасы

на основе постоянного экономического развития полuosедлого скотоводства и поливного земледелия, характерного для хозяйственного уклада кипчаков, канглов и казахов XV—XVII вв. С. П. Толстов верно заметил, что «роль кочевников в формировании среднеазиатского города может быть прослежена на большом материале. Соединение двух хозяйственных систем — скотоводческого хозяйства степей и земледелия оазисов — составило основную черту городов»¹⁰. Остатки оседлых поселений Центрального Казахстана с большой яркостью свидетельствуют о значении сращения скотоводства и земледелия в становлении этих поселений.

Об очагах оседлой культуры Центрального Казахстана IX—XI вв. упоминают Ибн ал-Факих¹¹, анонимный автор сочинения

¹⁰ Толстов С. П. Древний Хорезм. М.—Л., 1948, с. 275.

¹¹ Ибн ал-Факих. Китаб ахбар ал-Булдан. ИВ АН СССР, ф. В. 202, л. 176а.

«Худуд ал-Алам» («Рассуждение о стране кимаков и их городах») ¹², Махмуд Кашгарский («мискан кипчак — жилища и поселения кипчаков») ¹³, Тамим ибн Бахр ¹⁴ и др.

По описанию арабского географа ал-Идриси, кимаки имели 16 городов, которые располагались на торговых трассах, по берегам озер, рек, в неприступных горных долинах, в местах разработок руды. Важным торговым центром была столица хакана. Она была окружена укрепленной стеной с железными воротами. В городе имелись базары и храмы. В горах кимаки имели замки-крепости, окруженные рвами, заполненными водой ¹⁵. Конфигурация замков, остатки которых находятся в Улутауской степи, подобна описанным ал-Идриси.

Во времена ал-Идриси в кипчакской степи обитали три крупных племени: кипчаки, канглы, огузы, которых ал-Идриси объединяет под названием гузы. По его описанию, города гузов многочисленны, они тянутся друг за другом на север и восток. На восток от озера (Аральского моря) лежит страна хандагов — гузских народов, храбрых, независимых. Главный город их называется Хиям (Киян). Это неприступная крепость на вершине горы с трудным подъемом ¹⁶.

Не исключена возможность, что название Хиям происходит от имени знаменитого родоначальника Кияна или Киян-Домбаула (VIII в) ¹⁷, мавзолей которого находится на р. Кенгир.

Ал-Идриси дает историческую топографию Тургайской и Улутауской степи. «Эти горы (находятся) на берегу большой реки, идущей из страны гузов, с востока, с гор называющихся Аскарун (по-казахски Аскар. — Ает), эта река называется р. Руза... по ней ездят от озера к г. Хияму, а затем к г. Джаджану (Чачан). Между Хиямом и Джаджаном 7 дней (пути). Город Хиям расположен на север, а Джаджан на юг от реки, оба они маленькие города, в высшей степени укрепленные... Ниже г. Хияма впадает (в р. Рузу) большая река, текущая с севера от этой реки с больших гор, отделяющих страну гузов от страны басджиртов (башкир). Эти горы называются горы Мургар (очевидно, Мугоджары. — Ает.) ¹⁸.

¹² Бартольд В. В. Худуд ал-Алам. Л., 1930, л. 186.

¹³ Махмуд Кашгарский. Лугат-ат-тюрк. т. I. Стамбул, 1916, с. 296.

¹⁴ Тамим ибн Бахр. См.: *Mjorsky V. Tamim ibn Bahr's Journey to the Uyghurs. Bulletin of the School of Oriental Studies*, vol. XII, pt. 2, 1948, p. 281.

¹⁵ Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, с. 99.

¹⁶ Ал-Идриси. Нузхат Ал-Муштак Фи Ихтирак ал-Афак. — В кн.: Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I. М.—Л., 1939, с. 221 (в дальнейшем МИТТ).

¹⁷ Архив АН СССР, ф. 778 (акад. Х. Д. Френ), оп. 1, д. 122, лл. 46—48; *Потанин Г. Н. Казах-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки. — «Живая старина», 1917, вып. II—III, с. 47—49.*

¹⁸ Ал-Идриси. Нузхат ал-Муштак. — МИТТ, т. I, с. 221.

Далее ал-Идриси пишет о двух городах, название одного Нуджах *نوجه*, другого Бадагах *باداخ*, «между ними день пути. В промежутке между ними выходит большая река, текущая на запад и впадающая там в большое болото (Аксакал-Барби)... Там много плодородных (мест) и пастбищ, где турки проводят... лето и весну. Между этим болотом и Хорезмским озером 6 дней пути, оно (болото) находится на север от него (озера)... У подножия упомянутых гор лежат 2 города, название одного из них Даранда (*درنده*), другого — Дарку (*درقو*). Даранда находится на запад от Дарку, меж ними расстояние три дня пути. Это два маленьких города, в них есть рынки, ремесла и превосходные товары»¹⁹.

С топографией Улутауских гор ал-Идриси связывает бассейн Большого Тургая, впадающего в озеро Гургуз (Иргиз-Шалкар). Он перечисляет населенные пункты, расположенные в низовьях Тургая — в районе Приаральских песков и Нижней Сарысу, жители которых враждовали с населением Таласа²⁰.

Арабский географ хорошо передает историко-топографический фон района Улутау и Джезказгана, как важнейшего центра древней металлургии, население которого занималось не только скотоводством, но и добычей и выплавкой руды, золота, серебра, меди, а также торговлей²¹.

По словам ал-Идриси, «в 3 милях от г. Гарбиана (Гурбаян) находятся рудники серебра. Выгода от них высока... Из этих рудников добывают много (серебра). Шашские купцы отправляются к ним с товарами для обмена, покупают там у них много верблюдов с большим количеством товара (т. е. серебра) и вывозят его во все страны»²².

По сведениям ал-Масуди, на Иртыше расположены зимовья (кыстаки) и летние стоянки кимаков²³. По анонимному сочинению «Худуд ал-Алам», в мирное время кимаки на зиму идут на Сырдарью, к огузам. «Районы по Сырдарье и к северу от Каспийского и

¹⁹ *Ал-Идриси*. Нузхат ал-Муштак. — МИТТ, т. I, с. 221.

²⁰ Там же, с. 222.

²¹ Маргулан А. Х. Джезказган — древний металлургический центр. — В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973; Сагпаев К. И. Доисторические памятники в Джезказганском районе. — Избр. труды. Алма-Ата, 1970, т. 5, с. 43—49; он же. Перед созданием Большого Джезказгана. — Там же, с. 30, 31; Валукинский Н. В. Древнее производство меди в районе Джезказгана. — «Изв. АН КазССР. Сер. археол.», 1949, вып. 1, с. 33—39; он же. Раскопки в урочище Милыкудук в южной части рудника Джезказгана. — «Изв. АН КазССР. Сер. археол.», 1948, вып. 2, с. 122—125.

²² *Ал-Идриси*. Нузхат ал-Муштак. — МИТТ, т. I, с. 222.

²³ *Ал-Масуди*. Китаб ат-Танбих. — МИТТ, т. I, с. 166.

Аральского морей, покинутые гузами (1030 г.), были заняты кипчаками»²⁴.

Степные просторы к северу от Сырдарьи были известны под именем Дешт-и-Кипчак, ставшим очень популярным со времени поэта Насир-и Хусрау (XI в.)²⁵. В арабской и персидской литературе Дешт-и-Кипчак упоминается как одна из ведущих областей раннего средневековья на территории нынешнего Казахстана. А. Ю. Якубовский отмечал, что «в Дешт-и-Кипчаке, в том числе и в степях Ак-Орды, основную массу кочевого населения составляли кипчакские племена»²⁶. В XV в. они положили основу консолидации казахского общества²⁷. Основную часть Дешт-и-Кипчака составлял современный Центральный Казахстан.

О городских поселениях кимаков-кипчаков X—XII вв. сообщают многие арабские писатели и географы, в частности Ибн-ал-Варди, Ибн-Саид, Ибн-Ийаса²⁸.

Интересные данные о населенных пунктах Западного и Центрального Казахстана содержат итальянские карты XIV—XV вв., в частности Каталонская карта мира²⁹, составленная в 1375 г., карта братьев Пицигани (1367 г.)³⁰ и Фра-Мауро (1459 г.)³¹.

Эти карты сделаны с практической целью как дорожники для итальянских купцов, торговавших с Дешт-и-Кипчаком, Средней Азией и Восточным Туркестаном. На них нанесены все кишлаки, города, существовавшие в XIII—XIV вв. на р. Яик, в Северном Прикаспии, на Сырдарье, в Центральном Казахстане и Семиречье. Примерно в низовьях р. Тургая на Каталонской карте показан населен-

²⁴ Бартольд В. В. Соч., т. V, с. 525.

²⁵ Там же, с. 401.

²⁶ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая орда. М.—Л., 1950, с. 299.

²⁷ Бартольд В. В. Соч., т. V, с. 213.

²⁸ Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам, с. 98—108.

²⁹ Carta Catalana. Ed.: Notices et Extraits des Manuscrits de la Bibliothèque du Roi, t. XIV. Paris, 1742; Бруно Ф. Перипл Каспийское море по картам XIV столетия. — «Записки Новороссийского университета», т. IX. Одесса, 1873; Шмидт Ю. А. О Каталонской карте мира, найденной в библиотеке г. Модены. — Юбил. сборник ЗСО РГО, 1897, с. 112.

³⁰ Большая карта Франциска и Доминика Пицигани (1367). Факсимильное издание Иомарда: Jomard. Les monuments de la géographie, N. X, 3; Lelewel Joachim. Géographie du Moyen Age, II, Bruxelles, 1852, p. 35—36.

³¹ Карта Фра Мауро (1459). Факсимильное издание Сантарема на 6 листах. Santarem. Atlas de Mappemondes et de Cartes hydrographiques et historiques depuis de XI-e jusqu'au XVII-e Siècle; Munzer. Gli mappemonde di Fra Mauro. Venezia, 1869. Имеется русское издание Археографической комиссии. Материалы для историко-географического атласа России. Спб., 1871.

ный пункт Конгликет (Conglicat), или Канглы-Кент, соответствующий Ханка-Киши ал-Идриси.

В районе низовьев р. Нуры на Каталонской карте находится город Аксикет, соответствующий местоположению городища Ботыгай. Многие поселения, отмеченные на средневековых итальянских картах, уже не существуют. Их уничтожили эрозии, дожди и ветры. Совершенно исчезли постройки из камыша, дерева и тальника. На это в свое время указывали еще Я. В. Ханыков, Ч. Ч. Валиханов, Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин. Ч. Валиханов писал: «Г. Ханыков предполагает, что курганы [укрепления] в Азии образовались на местах древних городов. Наибольшая часть этих городов, состоявшая, вероятно, как и ныне, из глиняных зданий, совершенно исчезла, потому что глиняные здания действительно исчезают без малейших следов. В этом я убедился, посетив северо-западный край Китая, где курганы исчезают перед глазами»³².

Данные итальянских карт подтверждают записи Плано Карпини и Рубрука, которые констатировали, что городская культура в средневековом Казахстане в период нашествия монголов была разрушена и теперь постепенно восстанавливается. Плано Карпини, в частности, обратил внимание на постройку городов на Иртыше и около Алакуля. Он отметил: «Татары построили сызнова только один город по имени Омыль (Эмиль). Император (Гуюк) построил здесь дом, в который мы приглашены были выпить. В этой земле живет Орда (Ежен)³³, старший над Батыем. Он древнее всех князей. Там имеется орда, или двор, его отца (Джучи), в котором живет одна из его жен»³⁴. Остатки подобной ставки и гробница одной из младших жен Джучи находится на р. Кенгир под именем Келин-там.

В 30 км от ставки на С-В сохранились остатки укрепления³⁵ самого Джучи-хана рядом с его мавзолеем, покрытым голубой лазурью. Привлекает внимание в мавзолее скульптурное навершие, напоминающее голову с рогами. Оно выполнено из гончарной глины обжигом. В основании скульптуры на площадке барабана поставлен круглый постамент в виде фигурной плиты диаметром 34 см. На постаменте возвышаются две крупные вазы, высотой 30 см, вставленные одна в другую. Они закреплены друг с другом при помощи дере-

³² Валиханов Ч. Ч. Аблакетские сопки. — «Тобольские губернские ведомости», 1857, № 35, с. 363.

³³ У А. Ю. Якубовского *Орда Ичен*. См.: Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая орда и ее падение. М.—Л., 1950, с. 310.

³⁴ Плано Карпини. История монголов. Пер. А. И. Малеина. Спб., 1911, с. 51.

³⁵ Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана, с. 115, рис. 75.

вянного стержня, зацементированного внутри; соединительная трубка в виде горловины вставлялась в нижнюю вазу. В плечевой части верхней вазы прикреплены два бычьих рога. Культ быка, восходящий к древнейшим традициям, бытовал еще в первой четверти XIII в. У тюрко-монголов бык был одним из сильнейших тотемов. Образ быка в течение веков символизировал силу, власть и могущество. Сивый бык часто ставился в ряд с голубым небом. У казахов существуют астрологические мифы, по которым земля держится на спине сивого быка³⁶.

Не меньший интерес представляют данные Рубрука о топографии Центрального Казахстана. Через эту землю он проезжал дважды (1253—1254). Первый раз он ехал с Волги на Улуту, потом двинулся на юг до р. Чу, а затем через р. Или проследовал на Алтай и Каракорум. По карте В. В. Рокхилля и Ф. М. Шмидта, его обратный путь из Каракорума в Сарай Бату проходил через Центральный и Западный Казахстан³⁷. Он писал: «Туда мы ехали зимой, а возвращались летом и по гораздо более высоким северным странам»³⁸. Маршрут Рубрука пролегал там, где он мог получить лошадей, т. е. связан был с летними стоянками коневодов, расположенными в Центральном Казахстане³⁹.

Древнейшим городом Сары-Арки, по Гардизи и Рашид ад-дину, был город Жубин (Жубанч, Анбайдж, Инандж), название которого в литературных источниках искажено. Он находился недалеко от летних яйлаков Ортага и Кертага, принадлежавших огузскому племени уч-ок⁴⁰. Кертаг (но отнюдь не Куртаг), очевидно, нынешний Кызылтау, расположенный к югу от Ортау в 75 км от ст. Агадырь. Гора получила свое название от цвета гранита, известняка или песчаника красно-бурого, ржавого или кирпичного цвета. Ортаг (в современном казахском произношении — Ортау) существует и в настоящее время. Он расположен в 50 км к западу от ст. Агадырь. Редактор нового издания Рашид ад-дина А. А. Семенов смешивает Ортаг и Кертаг с горной цепью Каратау⁴¹, расположенной рядом с Сырдарьей. Это

³⁶ Бекимов М. Н. Почему сложилось мнение у киргиз, что земля держится на рогах быка. — «Средняя Азия». Ташкент, 1911, № 3, с. 107—108; Диваев А. А. Непобесные планеты по воззрениям киргиз. — «Народный университет». Ташкент, 1918, № 3.

³⁷ The Journey of William of Rubruk to the Eastern Parts of the World. Ed. by W. W. Rockhill. London, 1900.

³⁸ Рубрук В. Путешествия в восточные страны. Пер. А. И. Малеина. Спб., 1911, с. 166.

³⁹ Schmidt Fr. M. Über Rubruk's Reise von 1253—1255. «Leitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin», 1885, t. XX, S. 217—255.

⁴⁰ Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 1, с. 80, 86. Пер. с персид.

⁴¹ Там же, с. 80.

глубокая ошибка. Ортаг издавна относилась к северной степи как яйлак огузов и кипчаков. Это верно отражено в работе А. Н. Кононова при новом издании «Родословной туркмен»⁴².

В литературе существует большой разнобой в названии и в определении местонахождения города Жубанч. И. Н. Березин именует его Анабайдж⁴³. А. А. Семенов определяет как Инанч и оговаривает, что такое имя носила домонгольская знать сельджуков Хорезма⁴⁴.

Тоган, ссылаясь на рукопись Рашид ад-дина, пишет *irang* — ابانج и неточно локализует его к северу от Аягуза⁴⁵. Он упоминает о тождестве города *irang* с *Ifang*, упоминаемым Махмудом Кашгари и Джувеини. По его мнению, настоящее название этого города *Jaranci* (Yaran, Earan)⁴⁶.

В современном казахском произношении ему соответствует Жубанш. Развалины древнего памятника под названием Жубанышаулие или Жубан-ана находятся на р. Сарысу, в 50 км ниже впадения в нее р. Атасу и в 120 км к северо-западу от гор Ортау.

От границы Башкирской земли к югу, по Рашид ад-дину, располагался город Улубагыр — «Великий медный рудник». Тоган пришел к неправильному, на наш взгляд, выводу, предположив, что это «великие» Булгары⁴⁷.

Если учесть указания М. Кашгарского о горе медной руды «Бакирлыгтаг»⁴⁸, то под названием, очевидно, скрывается городище Милыкудук, расположенное в Джезказгане.

По свидетельству Рашид ад-дина и Джувеини, в низовьях Тургая, Иргиза и в Приаральских барханах находились уже давно исчезнувшие города (Аксакал-барби, Барсук, Каракорум). Согласно их описанию, наиболее значительной была ставка канглов Каракорум, где в 1215 г. скрывался с войском вождем меркитов Култуган Мерген, преследуемый войсками Джучи и Супатая. По Рашид ад-дину, в начале XIII в. в Тургайском Каракоруме жили тюрки-мусульмане (канглы и кипчаки), позднее относившиеся к улусам Кончи сына Орда-Ежена, владетеля Ак-Орды⁴⁹. «Абульча-хан был степняк: летнее кочевье его было в очень больших и высоких горах Ортаг и Кер-

⁴² Кононов А. Н. Родословная туркмен. М.—Л., 1958, с. 82.

⁴³ Рашид ад-дин. Сборник летописей. Пер. И. Н. Березина. — ТВО, V. Спб., 1858, с. 12.

⁴⁴ Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. I, кн. I. М.—Л., 1952, с. 80, примечание I.

⁴⁵ Togan. Oguz destani, s. 81.

⁴⁶ Там же, с. 87.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Махмуд Кашгарский, т. I, с. 456 (ташкентское издание).

⁴⁹ Рашид ад-дин. Введение в историю тюркских и монгольских племен. — «ТВО, РАО», ч. IV. Спб., 185, с. 13.

таг, в тех пределах город Анбайдж (Жубин). Зимние стоянки были также в тех пределах, в местах, именуемых Барсук, Какьян, Каракорум»⁵⁰. Это примерно пески Борсук, Каракум и низовья Тургая. Рашид ад-дин писал, что «из Янгикента улус Иди с частью войска двинулся в поход на Каракорум, что в Дешт-и-Кипчаке»⁵¹. В. В. Бартольд отметил по этому поводу, что «имеется в виду не монгольская столица Чингиз-хана, но носившая то же самое название ставка канглов (кипчаков), которая упоминается у Джувейна»⁵². А. А. Семенов подчеркнул, что «Каракорум был также в Дешт-и-Кипчаке у тюрков канглы. В этих местах были несомненно Бурсун (Борсук) и Какьян»⁵³. По Шарафуддину Али Язди, Каракорум находился в пределах обширного Яйлака Ортаг и Кертаг⁵⁴.

Хорошо известно, что одним из видов хозяйственных сооружений у кипчаков и казахов были строения из камыша, которые, естественно, в силу своей недолговечности не сохранились до наших времен. Каракорум, вероятно, был построен из такого материала.

Для устройства камышовых строений наиболее выгодными были районы озера Аксакал-Барби, оз. Кургальджино и Теликуль, Камыш-Самарское озеро в долине Яика. Там находились загоны для скота. Шошала — древняя форма казахского жилища — строилась из плетеного лозняка, по форме напоминающего тип жилища алтайцев и шорцев. Загоны и хозяйственные дворы в северных и северо-восточных областях Казахстана зачастую сооружались из плетеного тальника. Толщина стен до 1,5 м, высота более 2 м.

При археологических исследованиях берегов оз. Кургальджино и дельтовой части Нуры встречены многочисленные бугры со следами культуры казахов XV—XVIII вв.⁵⁵

Определенный интерес представляют остатки казахского укрепленного замка, расположенного при впадении р. Кенгир в Сарысу. По конфигурации — это квадрат, обнесенный валом и рвом, размеры сторон 56×52, высота холма — 4,5 м. С наружной стороны вала сохранились следы рва шириной около 2, глубиной 1 м. Основание здания сложено из больших кусков дерна (чим) толщиной 2,5 м, сверху идет кладка из фашии камыша⁵⁶.

⁵⁰ Там же, с. 80—81; Бартольд В. В. Соч., т. I, с. 81.

⁵¹ Рашид ад-дин. Сборник летописей. М.—Л., 1952, т. I, кн. 2, с. 200.

⁵² Бартольд В. В. Соч., т. I, с. 482—483; Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, с. 200; Джувейни. Джахан Куша, рукоп. ГПБ IV, 2, 34, л. 136.

⁵³ Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1, с. 81.

⁵⁴ Шарафуддин Али Язди. Зафар нама. (Персид. текст). Л., 176—18а.

⁵⁵ Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана, рис. 49—53.

⁵⁶ Маргулан А. Х. Археологические разведки в Центральном Казахстане. (1946 г.). — «Изв. АН КазССР. Серия истор.», 1948, вып. 4, с. 133.

По сведениям различных источников, в Дешт-и-Кипчаке существовало немало обжитых культурных урочищ и селений. Хафыз Тыныш называется урочища Бесагаш, Болган-Ана, Талмас-Ата, Жетим-Туранги, Кырык-Кадаклар, Мынбулак, Уш-Коныр, Белен-Ана, Сарайлы, Турайлы, Курук, Бесарык и др.⁵⁷ Упоминает о них и Шарафуддин Али Язди. В его списке мы видим укрепление Орда-Базар, крепость Алтычык, Кошкар-Аргын, Сегиз-Агаш, Улугтаг, Ортаг, Кертаг, летние яйлаки Ак-Зират (Акмола), Бестерек, Далба и др.⁵⁸

Все это косвенно подтверждает, что для кипчаков были характерны полупастбище скотоводство и орошаемое земледелие в речных долинах и оазисах. Выпас и уход за огромными стадами и наличие большого стана, о которых писали Плано Карпини и Рубрук, представляют собой форму полупастбища⁵⁹.

По описанию Ибн-Батуты и ал-Омари, не последнее место в хозяйстве кипчаков занимало и земледелие. Они сеяли пшеницу, ячмень, просо и овес, культивировали засухоустойчивые сорта проса, в частности, сорочинское пшено, по Ибн-Батуте — конак тарыг. Кипчаки развивали только орошаемое земледелие. Об этом свидетельствуют остатки возделанной земли, сохранившейся в Улутауской и Тургайской степях и описанной Н. Рычковым⁶⁰, Г. Ф. Генсом⁶¹, Б. Ф. Германом⁶², И. П. Шангиным⁶³, А. А. Шахматовым⁶⁴ и др. В Улутауской степи еще до сих пор встречаются остатки оросительной системы, гидротехнических и ирригационных сооружений в виде многочисленных плотин (тоган), колодцев и запруд. Кипчаки орошали поля не только водой, выведенной из рек, но и из колодцев и озер путем устройства чигирей, водоподъемных машин. В Тургайской степи одна из рек, вытекающих с гор Улутау, получила свое название Чигырлы (Шыгырлы) от слова чигирь چغر благодаря тому, что она

⁵⁷ Хафыз Тыныш. Абдулла-Наме. — МИХХ XV—XVI вв. Алма-Ата, 1969, с. 23, 274, 128, 108, 113, 158, 175, 261, 275—276, 47, 234.

⁵⁸ Шарафуддин Али Язди. Зафар Нама (персид. текст). Ташкент, 1972. Подготовка к печати, предисловие, примечание и указатели А. Урунбаева, л. 396а, 395а, 455б, 145а, 155б, 210а, 176, 196, 394 а, б, 1079, 115а, 686, 31а, 193б, 200а.

⁵⁹ Рубрук В. Путешествие в восточные страны, с. 96; Ибн-Батутаннин. Дашти-Кипчака Саяхаты. Оренбург, 1911 (на татарск. яз.); Барбаро И. Путешествие в Тану. Библиотека иностранных писателей о России, т. I. СПб., 1836, с. 34—35.

⁶⁰ Рычков Н. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргизской степи в 1771 г. СПб., 1772, с. 58.

⁶¹ Генс Г. Ф. Замечания о древностях в Киргиз-Кайсацкой степи. — «Сибирский Вестник», 1822, ч. XX, кн. 10—12.

⁶² Герман Б. Извлечение из экспедиции в Киргизскую степь. — «Вестник Европы», 1816, с. 146.

⁶³ Шангин И. П. Извлечение из экспедиции..., ч. IX, с. 39, 83.

⁶⁴ Шахматов А. А. Замечание о хлебопашестве киргиз-кайсаков Средней Орды. — «Земледельческий журнал», 1832, № 8.

орошала большую равнину и на ее берегу стояло множество водоподъемных устройств (чигирей). Их было множество в бассейне рек Тургая⁶⁵, Кенгира, Сарысу и Нуры⁶⁶.

С полуоседлым и оседлым бытом кипчаков связаны термины «корук», «юрт», «конг». Корук — первоначально запретное пастбище ханов; пространство, окруженное стеной⁶⁷. В этом значении его употребляют древние усунь и тюркские каганы. Впоследствии корук — обширное ханское имение, переходящее по наследству⁶⁸. Остатки коруков, обнесенные стеной и валом, за которым содержались дикие животные, встречались и в Центральном Казахстане⁶⁹.

Конг — очень древний термин. Он сохранился в географических названиях (реки Жаксы-конг, Жаман-конг) и в исторических преданиях как неприступная крепость с одними воротами (Эргене-конг). Слово буквально означает скопление на одном месте навоза, в переносном значении — двор. В этом значении он употребляется тургайскими и улутаускими казахами в настоящее время.

Многозначно понятие «юрт»: страна, владение, удел, земля, родина, дом. «Кипчак юрты» — страна (земля) кипчаков, «найман юрты» — страна (земля) найманов, юрт Барака, юрт Шейбана, юрт Орда-Ежена и т. д. В последнем случае — владение, удел.

Совершенно оседлый характер имеют места стоянок, засвидетельствованные в литературных источниках. Махмуд Кашгарский⁷⁰ дефференцирует эти места на кишлаки, тураки توراقي, турглиг-йер, очаглыг-йер, ятук (жатак), отрук (отрак).

Исторически точную их интерпретацию дает акад. В. В. Бартольд. По его мнению, они свидетельствуют об оседлом образе жизни огузов и кипчаков, несмотря на их ежегодную перекочевку между яйлаком и оседлыми поселениями. Он обращает внимание прежде всего на термины «ятук» (жатак) — лежачие, «отрук» — сидячие,

⁶⁵ Сейдалин Т. О развитии хлебопашества по бассейну Тургая. — «Записки Оренбург. отд. РГО», 1870, I, 234—257.

⁶⁶ Шахматов А. Замечание о хлебопашестве киргиз-кайсаков Средней Орды; Валиханов Ч. Ч. О хлебопашестве (казахов). — Соч., т. III, с. 22—26; Красовский А. Очерк бассейна р. Сары-Су. — ЦГВИА, ф. ВУА, оп. XIII, д. 3; он же. Область сибирских киргизов. Спб., 1868, с. 254—264; Сладков Л. О земледелии у киргиз Каркаралинского уезда. — «Степной край», 1896, № 63; Чермак Л. К. Об арычном земледелии в Каркаралинском уезде. — «Восточное обозрение», 1903, № 76—80.

⁶⁷ Бартольд В. В. Соч., т. III, с. 207.

⁶⁸ Рашид ад-дин. Собрание летописей, т. I. Изд. Березина, текст, с. 59, 126; Бартольд В. В. Соч., т. III, с. 120; т. I, с. 161; Бичурин Н. Я. Собрание сведений, т. III, с. 75.

⁶⁹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. I, с. 398—399, 695; Джетпымбаев Д. Н. Ров Тамерлана. — ТВ, 1899, № 88; ПТКЛА, 1899, с. 137—138.

⁷⁰ Махмуд Кашгарский (ташкентское издание), т. I, с. 354, 457, 166, 22.

«кишлак» — зимовки. Согласно его трактовке, ятак более узкий термин, означающий оседлость бедноты, не имевшей возможности перекочевывать на джайляу, ибо яйлаком пользовалось лишь обеспеченное население⁷¹. Оседлые ятаки (жатаки) должны были охранять посе́вы и постройки, когда основная масса населения кыстака находилась на джайляу.

Полную оседлость кипчаков выражал термин «отрак» — сидячие, по В. В. Бартольд, это средневековый термин, соответствующий русскому слову оседлый⁷². «Отрак» и его разновидность «отрар» — одно и то же, по-казахски означает оседлость, отсюда и название города — Отрар, место оседлых, неkochующих.

По Махмуду Кашгарскому, оседлые поселения кипчаков именовались по-разному: небольшое село — называлось кишлак (кыстак, кыстау)⁷³, укрепленный лагерь — сенгир⁷⁴, крупный пункт городского типа — кент⁷⁵, кенжек-сенгир — город в пределах кипчаков⁷⁶. Кроме того, были еще резиденции (орда) и укрепленные замки (сарай) феодальной верхушки кипчацкого общества. Махмуд Кашгарский, ал-Идриси, Ибн ал-Факих, автор «Худуд ал-Алам» употребляли термин «кимакские города». Все это свидетельствует о существовании у кипчаков и оседлой городской культуры.

В Центральном Казахстане сохранились раннекипчацкие (VI—IX вв.), домонгольские (X—XII вв.) и монгольские времена (XIII—XV вв.) памятники. Остатки домонгольских поселений, вероятно, тождественны с кипчацкими городами, упоминаемыми ал-Идриси и Махмудом Кашгарским. Как сообщают Плано Карпини, Рубрук и Гетум, основная часть кипчацких городов раннего средневековья в период монгольского нашествия была разрушена.

Основатель улуса Ак-Орда Орда-Ежен, старший сын Джучи и родоначальник казахских султанов, при жизни имел три резиденции: одну в районе Чингизского хребта — Орду (она доставалась ему как инджу)⁷⁷, вторую (она перешла по наследству от отца) на р. Кенгир в Улутауском районе, возле мавзолея Джучи, в 45 км к северо-востоку от рудника Джезказгана⁷⁸, третью — Ала-Камак в семи днях пу-

⁷¹ См.: Бартольд В. В. Соч., т. II, ч. I, с. 294.

⁷² Там же.

⁷³ Махмуд Кашгарский I, 432; III, 314; Бартольд В. В. Соч., т. III, с. 120, 304.

⁷⁴ Махмуд Кашгарский, т. III, 416; Бартольд В. В. Соч., т. III, с. 184.

⁷⁵ Махмуд Кашгарский, т. I, 288, 327, 330; т. III, 164; Бартольд В. В. Соч., т. II, ч. I, с. 210.

⁷⁶ Махмуд Кашгарский, т. I, 444.

⁷⁷ Бартольд В. В. Соч., т. I, с. 459; II, ч. I, с. 59, 70, 258—259; т. V, с. 145.

⁷⁸ Маргулан А. Х. Третий сезон археологических работ в Центральном Казахстане. — Изв. АН КазССР. Сер. археол., 1951, вып. 3, с. 43, рис. 27.

ти от Каялыка⁷⁹. В восточных рукописях Ала-Камак проходит как летняя резиденция Орда-Ежена, расположенная вблизи Алакуля. В литературе не было точных определений этих трех резиденций Белой Орды, или восточного Дешт-и-Кипчака. Лучше охарактеризованы ставки, расположенные в пределах Иртыша и Алакуля. О ставке самого Джучи в районе Улутау нет почти никаких данных. Разрешить этот вопрос помогут дальнейшие археологические раскопки.

Исходя из сообщений Джувейни, Плано Карпини и Рашид ад-дина, В. В. Бартольд считал, что резиденции сыновей Чингиз-хана находились сравнительно близко одна от другой. По Джувейни, коренной юрт Угедая (Орда-Сарай) был на р. Эмиль, недалеко от Алакуля, где в 1389 г. остановился Тимур⁸⁰. Эту ставку в 1246 г. посетил Плано Карпини и описал ее⁸¹. К востоку от Алакуля Плано Карпини поместил другую ставку⁸², очевидно, соответствующую Ала-Камаку и принадлежавшую сыну Джучи Орда-Ежену. Рашид ад-дин показывает одну ставку около Иртыша, точнее в Чингизских горах, в 80 км к западу от Иртыша. Она была основана Чингиз-ханом в 1206 г. после его победы над найманами и кереитами. Название ставки (Орда) и имя основателя запечатлены в топонимике района (гора Хан Чингиз), а также в казахских исторических преданиях. Весьма противоречивы данные литературных источников о местонахождении главной ставки Джучи. Ее обычно путают с Ордой около Иртыша.

Источники отмечают развитие градостроительного дела, особенно в период поздних кипчаков (XIV—XV вв.). В Центральном Казахстане сохранилось немало городищ и археологических памятников этого периода. Из них наиболее крупные городища Алаша-хан (Орда-Конган), Баскамыр, Аяккамыр, Сарайлы (Хан-Ордасы), Торайлы, Топрак-Корган, Айбас-Дарасы, Ногербек-Дарасы, Домбагул, Каратон и др. Они расположены в ущельях и предгорьях Улутау и Арганаты. Такие же городища встречены на р. Ишим. Наиболее известные из них Оркошеги, Ормамбет, Аяккайракты, отмеченные И. П. Шангиным. Масгуд ибн Осман Кухистани, автор «Тарих-и Абулхаирхани» и Махмуд Вали, автор «Бахр ал-Асрар» отмечали обжитость Центрального Казахстана в XIV—XVI вв. Масгуд ибн Осман называет ряд поселений и укрепленных замков (крепостей), расположенных в бассейне р. Сарысу и в горах Улутау, подчиненных Сыгнаку⁸³.

⁷⁹ Бартольд В. В. Соч., т. I, с. 558—559, 596; т. II, с. 64—82.

⁸⁰ Там же, т. V, с. 145.

⁸¹ Там же, т. II, ч. I, с. 83; т. V, с. 145; т. I, с. 460.

⁸² Плано Карпини. История монголов, с. 51.

⁸³ Махмуд Вали. Бахр ал-Асрар. — МИКХ, с. 327.

По описанию Масгуда, самый важный город в Сары-Арке назывался Орда-Базар, он был второй столицей Дешт-и-Кипчака (Ак-Орды) и славой их султанов⁸⁴. Теперь его отождествляют с городищем Домбагул, расположенным у западного подножия горы Арганаты.

Масгуд ибн Осман повествует о том, что столица Орда-Базар была занята Абулхаиром после смерти последнего владетеля Ак-Орды Барака (1429 г.). Он сделал его своей «августейшей ставкой». Там, по свидетельству Масгуда, находился монетный двор⁸⁵. Судя по этим данным и археологическим остаткам, Орда-Базар был важным политическим центром Ак-Орды после Сыгнака.

Пионерами изучения остатков средневековых поселений явились Н. Витзен, Д. Г. Мессершмит, Ф. Страленберг, Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, И. П. Фальк, Х. Барданес, Рычковы (отец и сын), Я. Гавердовский, Г. Ф. Генс, И. П. Шангин, Б. Герман, Г. И. Спасский, А. И. Левшин. Они дали описание исторической топографии Центрального, Северо-Западного и Северо-Восточного Казахстана. Судя по их данным и нашим наблюдениям, следы оседлых поселений встречаются во всех речных и горных долинах Центрального Казахстана. Ими более насыщены горные долины Улутау, долины рек Кенгира, Тургая, Ишима, Нуры и низовья Сарысу. Развалины поселений, построенных из глины и жженого кирпича, отмечены И. П. Фальком на р. Селеты. Он писал: «Против Иртышского форпоста в 30 верстах от Утвы находятся каменные развалины, которые кайсаки называют Туралбаш (точнее: Турпарбас) и Хараба, на территории современного Краснокутского района. Когда в 1746 г. казаки начали искать в них сокровища, то четыре человека были им придавлены, с тех пор оных не раскапывают»⁸⁶. Речь идет о развалинах двух замков из жженого кирпича, расположенных на р. Селеты, один из них называется Караоба, другой — Тулпарбас. Там сохранились следы древней оросительной системы, пни от деревьев, колодцы, выложенные камнем.

Городище Караоба — огромный холм, находится в 50 км выше впадения р. Шидерты в оз. Жалаулы. Это остатки значительного городища, построенного из обожженного кирпича. Двести лет назад, когда его осматривали сотрудники академика И. П. Фалька, внутренние стены его были облиты стеклянной массой синего цвета⁸⁷, т. е.

⁸⁴ Масгуд ибн Осман. Тарих Абулхаир-хани. — МИКХ, с. 155.

⁸⁵ Там же, с. 155.

⁸⁶ Полное собрание путешествий по России, т. VII. Записки путешествия акад. Фалька. Спб., 1825, с. 58.

⁸⁷ Касанье И. Древности киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1911, с. 144.

имели облицовку из глазурованных плит, обломки которых встречаются в Улутауской степи в наши дни.

Городище Тулпарбас (теперь Кызылоба) находится на р. Селеты, в 10 км от старой зимовки Кулнияза, южнее Жаланашской степи. Возле развалин замка сохранились следы каменного моста через реку и оросительной сети на месте впадения р. Букпа в Селеты.

Судя по описанию И. П. Фалька, до середины XVIII в. эти замки имели перекрытия, которыми и были задавлены кладоискатели. В архиве И. П. Фалька обнаружены чертежи и рисунки безымянных городищ на р. Ишиме, сделанные Х. Барданесом в 60-х годах XVIII в. Одно из городищ довольно обширное (342×159 м), с остатками угловых башен, ориентированных по сторонам света. Высота вала 2,8 м. Городище отмечено недалеко от впадения р. Терсаккана в р. Ишим. По казахским преданиям, в этом месте находятся развалины города под названием Урмамбет, построенного Урусханом (Урмамбет — одно из имен Урусхана).

Там имеется и старый оловянный рудник. Недалеко от Урмамбета расположено и другое городище Оркошеги, ориентированное длинной осью юг — север, т. е. вдоль реки Ишим. Его длина 300, ширина — 107 м. Южная стена не замкнута, оставлена в виде широких открытых ворот.

Особенно интересны наблюдения Н. Рычкова в Тургайской и Улутауской степи. С Улутауских гор, читаем мы в его записках, «текут Улу-Жиланчик, Кара-Кенгир, Сары-Кенгир, Жезды-Кенгир, на коей великое множество медных руд, копанных древними обитателями этой страны. Здесь находят признаки золотой и серебряной руды. Кенгиры хотя текут из разных мест, но потом соединяются вместе и впадают в Сарысу. При устье сих соединенных рек находятся славные развалины, именуемые Джан-Ана (Толстая мать). Там поныне видно великое множество каменных развалин и других остатков древних зданий. Сказывают, что тут была столица сыновей Чингизханова»⁸⁸. Кое-что требует уточнения. При слиянии Кенгира и Сарысу находится знаменитый некрополь Болган-Ана с остатками двух поселений; Жан-ана (точнее Жубан-ана) располагается выше по р. Сарысу, в Жана-Аркинском районе.

Н. Рычков был поражен, когда открыл в верховьях Кара-Тургая остатки старинного городища Домбагул, обнесенного валами и рвами. «Город сей сделан наподобие четырехугольного замка, имея во все четыре стороны равное пространство валов. С восточной стороны видны и поныне земляные ворота, открывающие свободный путь внутрь

⁸⁸ Рычков Н. Дневные записки путешествия..., с. 75; Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии, ч. 1. Спб, 1762, с. 242, 261—262.

сего укрепления. Валы упали, рвы прежней глубины не имеют. Это свидетельствует о древности сего места»⁸⁹, — записывал он в своем дневнике.

В двух верстах к югу от городища, на восточном берегу р. Кара-Тургая, Рычков нашел «остатки древнего здания, сделанного из кирпича и плитного камня наподобие храма». Высотой оно более 9 сажень, в длину и ширину по 7 сажень, имело два небольших окна. Вокруг здания множество гробниц, три из которых сделаны с уступами из кирпича. «В форме сооружения видны вкус и нарочитое искусство древних строителей»⁹⁰. При опросе казахи объяснили, что эта земля прежде была собственностью их предков ногайлинцев (т. е. кипчаков); городище и некрополь принадлежали тоже им.

В 1815 г. в местах, посещенных Н. Рычковым, побывал инженер Герман⁹¹. Он также наткнулся на культурный пласт раннего средневековья, нашел значительные остатки возделанной земли, оросительных систем, а также холмы со следами глинобитных строений. Участник экспедиции инженер Г. Генс памятники оседлой культуры Тургая и Улутауской степи сгруппировал в несколько типов: 1) остатки оседлых поселений с глинобитными строениями; 2) развалины замков и крепостей, служивших убежищами местным владельцам; 3) руины храмов; гробницы, построенные из жженого кирпича; 4) земляные валы — остатки более ранних поселений и каменных строений; 5) большие курганы скифского времени. «Знаменитые здания — замки, храмы, гробницы, — отмечал он, — построены из обожженного кирпича и принадлежали владельцам этой страны. Все остальное из глины. Достопримечательные здания были сооружены также из дикого камня с малой частью из кирпича»⁹². Прослеживались толстые высокие стены, украшенные грубой резьбой, с арками, башнями, галереями и малыми окнами, круглые храмы, длинные подземные переходы и устланные плитами площадки.

По характеру сооружений Генс смог установить различия между постройками доисламского и мусульманского времени. «Развалины до введения магометанства построенных, — пишет он, — отмечаются особенно тем, что оные имеют вид карниза. Таковые встречаются от горы Улутау к востоку, по горам до Иртыша, особенно по р. Нура, у оз. Кургальджина и к югу от р. Иртыша (до границы) Малой Бухарии»⁹³. Он отмечает, что «остатки каменных мечетей и селений встре-

⁸⁹ Там же, с. 64.

⁹⁰ Там же, с. 64—65.

⁹¹ Герман. Извлечения из описания экспедиции в Киргиз-Кайсацкую степь. — «Вестник Европы», 1816, № 4, с. 112—113.

⁹² Генс Г. Замечания о древностях в Киргиз-Кайсацкой степи. — «Сибирский вестник», 1822, ч. XX, кн. 10—12, с. 141—148.

⁹³ Там же, с. 143.

чаются на Тургае, Сарысу, также на Сырдарье, между Каспийским и Аральским морями (Устюрт, Мангышлак, Сам), по рекам Эмбе, Хобде, Уилу, Илеку, Уралу и Тоболу»⁹⁴. Говоря о сооружениях и укрепленных поселениях Улутауской степи, Генс подчеркивает, что в середине обширнейших селений находятся каменные замки, обнесенные двумя или тремя стенами⁹⁵. Характерную черту оседлых поселений Улутауской степи, по Генсу, составляют пруды, колодцы, выложенные камнем⁹⁶. Его данные подтвердились раскопками городищ древних рудокопов: Милыкудука, Айнаукуля и Сор-Кудука в Джезказгане. В поселке Милыкудук Н. В. Валукинский открыл большое количество колодцев, обложенных плитами⁹⁷. Генс писал, что «во многих местах замечены признаки больших садов, усаженных деревьями (Ногербек-Дарасы, Домбагул, Каратон). Все это доказывает, что здешняя страна была удобна не для одной кочевой пастушеской жизни»⁹⁸.

Один из ранних исследователей Центрального Казахстана инженер-горняк И. П. Шангин, посетивший этот район в 1816 г., открыл на р. Ишим остатки ряда поселений, часть которых подобна изображенным на чертежах академика Фалька. Особенно замечательны крепостные стены в урочище Байкошкар, возле оз. Жолдыбай, и вал у оз. Жаксы-Жангызтау. И. П. Шангин изучал этот крепостной вал, замыкающий полуостров. За валом в глубине площадки прослежены остатки других строений. Каменный вал по длине одинаков с шириной косы и толщиной около 2,5 м. Стенка крепости сооружена из порфиритовых камней четырехугольной формы. Судя по ним, первоначальная высота стены была значительной⁹⁹.

Большое число остатков оседлых поселений И. П. Шангин нашел в районе слияния рек Аккайракты и Ишима и произвел их топографическую съемку. Среди них была группа укрепленных поселений. Четыре располагались цепочкой на расстоянии 2 км друг от друга, пятое — вне цепочки, против ее середины, у устья Аккайракты, шестое — южнее других, в 2,5 км выше по р. Ишим. Остатки седьмого укрепления осмотрены И. П. Шангиным в 30 в. до брода Тасоткель на р. Ишим. Все они несколько вытянуты с башнями на углах, их размеры 128×64 м¹⁰⁰. Такие же укрепления зафиксированы А. Кра-

⁹⁴ Там же, с. 144.

⁹⁵ Там же, с. 142.

⁹⁶ Там же, с. 146.

⁹⁷ Маргулан А. Х. Джезказган — древний металлургический центр, с. 23—24; с. 11, рис. 1.

⁹⁸ Генс Г. Замечания о древностях..., с. 146.

⁹⁹ Шангин И. П. Извлечение из описания экспедиции..., с. 39.

¹⁰⁰ Там же, кн. 3, с. 74.

зовским в долинах рек Нуры, Жаксы Конга и Кенгира¹⁰¹. Г. Н. Потанин, интерпретируя данные атласа Ремезова, обращает внимание на судьбу исчезнувших городов, существовавших в долинах рек Тургая, Ишима и Сарысу. Он устанавливает по атласу Ремезова каменный город на левом берегу Ишима, между его притоками Тесир-гор и Тылкара¹⁰². Историческая топография долины Ишима сохранилась в памяти народа. В казахских народных преданиях укрепленные поселения, расположенные ниже Атбасара, именуются Оркошегы, Ормамбет, а их появление связывают с деятельностью Урусхана, и Токтамыша, умершего здесь, в районе Атбасара и погребенного на вершине горы Улутау. По наблюдениям И. П. Шангина, на правом берегу р. Нуры беспрерывно тянутся развалины древних городищ и молитвенных храмов. Там был найден кирпич, покрытый зеленой поливой¹⁰³.

Остатки укрепленного поселения обнаружены Л. Ф. Семеновым в 1930 г. близ Акмолинска (ныне Целиноград), в урочище Бузук. Городище представляло собой три площадки неправильной формы, обнесенные валом¹⁰⁴. В районе Акмолинского брода И. П. Шангин обнаружил архитектурный памятник, построенный из белого известняка, а в живописной долине горы Карт, примыкающей к правому берегу р. Нуры, — мощные остатки средневековых крепостных стен с башнями¹⁰⁵. Обширный холм с остатками высоких башен казахские народные предания связывают с легендарным Карабаем — отцом эпической героини Баян-Сулу — и называют «Карабайдын ордасы». Еще один невысокий холм из груды жженого кирпича с орнаментом расположен в горах Жаман-Нияз, в урочище Корпешбулак. Его также связывают с легендой «Козы-Корпеш и Баян-Сулу». Южнее этого поселения, на смежной территории Ульяновского и Каркаралинского районов Карагандинской области, около курорта Жосалы, находится еще одно поселение Аулиебулак, открытое в 1960 г. геологом А. Ж. Машановым. На площадке поселения обнаружена кипчакская керамика XIII—XIV вв.

Один из ранних и талантливых исследователей исторической топографии Казахстана Г. И. Спасский, друг декабристов и известного востоковеда Абея Ремюза, обнаружил в низовьях р. Нуры архитектурные памятники средневекового Казахстана. «Вверх по Ишиму

¹⁰¹ Красовский А. Область сибирских киргизов, т. III. Спб., 1868, с. 261.

¹⁰² Потанин Г. Н. Рецензия на «Чертежную книгу Сибири». — ЖМНП, 1883, ч. 227, июнь, с. 315—319.

¹⁰³ Шангин И. П. Извлечение из экспедиции..., с. 4.

¹⁰⁴ Семенов Л. Ф. Материалы к характеристике памятников материальной культуры Акмолинского округа. — ВЦМК, 1930, № 1, с. 77—78.

¹⁰⁵ Шангин И. П. Извлечение из экспедиции..., с. 6. 7.

при озере Куркульджин, — сообщал он, — находятся развалины города Татигая (Ботагая). Многие здания доньше сохранили остатки прежней красоты и прочности. Там существуют и другие памятники древности»¹⁰⁶. В 1816 г. они зарисованы военным художником Булыгиным в виде таблиц, в 1830 г. описаны А. А. Шахматовым. Рисунки сохранились в архиве Г. И. Спасского и опубликованы им в журнале «Сибирский Вестник»¹⁰⁷. Он описал памятники Аблайкит, семипалатинских зданий, Калбасунскую башню, упоминает о городищах Джетыкала, Жуван-ана, Белен-ана, Татигае (Ботагае). Он великолепно описал «развалины храма в Татигае», приложил рисунки главного фасада, план и надписи, сделанные неизвестным алфавитом, т. е. уйгурским¹⁰⁸. Особой красотой отличались руины двух зданий, покрытых голубой глазурью, обнаруженных на правом берегу р. Нуры (Кургальджинский район). Одно носило Сырлы-там (ковровый мавзолей), другое, по Г. И. Спасскому, — Сырлы-там 2 (более точное название Сулу-там — красивое здание)¹⁰⁹. На правом берегу р. Конг Г. И. Спасский обнаружил развалины двух зданий, описанные еще П. И. Шангиным¹¹⁰.

На основе тщательного топографического исследования Центрального Казахстана А. Красовский и Нифантьев выявили значительное количество остатков древних укрепленных поселений и замков в Улутауской степи, на реках Сарысу, Ишиме и Тургае. Из крепостных стен, по А. А. Красовскому, наиболее грандиозны оборонительные стены, находящиеся недалеко от Каркаралинска. «К югу от селения, — писал топограф, — тянется стена, довольно значительной высоты, в иных местах около 5 аршин и толщиной 2 аршина. Отсутствие башен и пристроек, огромное пространство, занимаемое стеной, указывают на то, что во внутренность огороженной площади сгонялся скот»¹¹¹.

Геодезисты обнаружили след оседлых поселений в северной Бетпак-Дале, в верховьях р. Атасу (Тас-Кора), и остатки крупного укрепления Корган в горах Сартау, южнее Актауского укрепления¹¹². Одно из мощных городищ в Центральном Казахстане, обнесенное крепостной стеной с амбразурой, описано топографом Нифантьевым.

¹⁰⁶ Спасский Г. И. О путешествиях по Сибири (письмо к издателю «Отечественных записок»). — «Сибирский вестник», 1824, ч. I, с. 24.

¹⁰⁷ Спасский Г. И. О древних развалинах в Сибири. — «Сибирский Вестник», ч. III, 1818, табл. V—XVII.

¹⁰⁸ Там же, табл. XV.

¹⁰⁹ Там же, табл. XVI.

¹¹⁰ Там же, табл. XVII.

¹¹¹ Красовский А. Область сибирских киргизов, т. III. Спб., 1868, с. 260.

¹¹² Там же, с. 261.

Оно находится южнее Караганды, в верховьях р. Моинты, в урочище Егинды-булак. Нифантьев характеризует его так: «Игин-Булак — огромный курган (крепость) из глины; укрепление с многочисленными бойницами. Построено для отращения нападения врага»¹¹³.

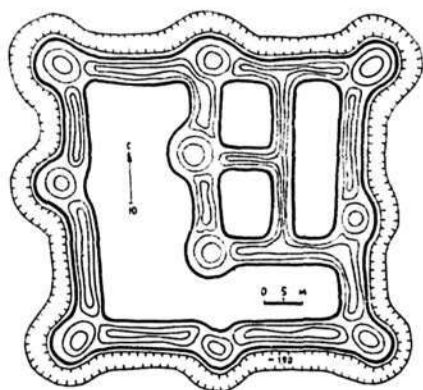

Рис. 3. План городища Хан-Ордасы в устье р. Аксая при ее впадении в Кара-Кенгир

Из улутауских поселений наиболее известны замок Алаша-хана (Орда-конган), огромные валы Жер-коргана, Топрак-коргана, крепостные стены Айбас-дарасы, Ногербек-дарасы, остатки укрепленных замков из обожженного кирпича Алтын-шоки, Домбагул, Каратон. По описанию К. И. Сатпаева, Алтын-шоки — это «развалины значительных сооружений, стены сложены из кирпича и красивых амфиболитовых плит с ошлакованными поверхностями. Памятник находится в 40 км к северо-западу от поселка Улутау»¹¹⁴. В Улутауской степи по р. Кара-Кенгиру расположены грандиозные холмы Хан-Ордасы (рис. 3), Ески-журт, развалины ставки

Джучи-хана¹¹⁵, на правом берегу Кара-Кенгира, против старой зимовки Маката, при устье р. Казбека и Жер-Коргана. Остатки древнейшего замка пятигранной формы, описанные Ю. А. Шмидтом, находятся на левом берегу р. Сары-Кенгира. Из крепостных сооружений, расположенных на р. Джезды, наиболее мощные Топрак-корган, Баскамыр, Аяккамыр. Топрак-корган — огромный вал на р. Джезды, в урочище Талды-сай, возле старой зимовки Осербая. В 1 км от вала выявлены остатки древнего медеплавильного центра со следами горнов, шлака, обломками жженных кирпичей и гончарных сосудов. Следы значительного крепостного сооружения зафиксированы у западного подножия горы Кишитау, возле зимовки Шалтыка, в 28 км на северо-восток от рудника Актас, Джездинского района Джезказганской области. Мощные остатки крепостной стены, сложенной из камня, прослеживаются на р. Шыгырлы, в урочище Бодык. Такие же развалины укрепленного кыстака с остатками оросительных систем найдены на р. Жиланчик.

¹¹³ Нифантьев. Топографическое описание южной части Киргизской степи, 1843 (рукопись). Архив АН СССР, ф. 317, оп. I, л. 38—39; Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. II, с. 29—30.

¹¹⁴ Сатпаев К. И. Доисторические памятники в Джезказганском районе. — «Народное хозяйство Казахстана», 1942, № 1, с. 69—72.

¹¹⁵ Маргулан А. Х. Из истории городов..., с. 116, рис. 75.

Довольно многочисленны следы оседлых поселений в бассейне р. Сарысу. Вниз по течению реки располагаются городища Карагач, Жубан-ана, Аманбай-дуал, Жер-корган или Каржарское укрепление Торткулак-Корган (Кызыл-жынгыл), Жаман-кала¹¹⁶. В этой долине выявлены также городища Талды-кент и остатки городского поселения оазиса Тосбулак. В 1831 г. сотник казачьего войска А. А. Шахматов при глазомерной съемке низовьев р. Нуры занес на карту все памятники архитектуры и оседлых поселений, в том числе Ботагай, Сулу-там, Сырлы-там, рудник Чилдын-Карасу.

Для изучения памятников средневековой оседлой культуры Центрального Казахстана особое значение имеют данные Сибирской чертежной книги, данные атласа Ремезова, П. Чичагова, секунд-майора Богданова¹¹⁷ и Волошанина (1771)¹¹⁸. Памятники оседлой культуры, описанные П. И. Рычковым, И. П. Фальком, Х. Барданесом, Г. Ф. Генсом, И. П. Шангиным и другими, зафиксированы топографической съемкой первой половины XIX в. Для нас особый интерес представляют журнал о съемке полковника Милорадовича в Каспийской степи в 1823 г., карта юго-западной части Центрального Казахстана (1840) с описанием архитектурных памятников и крепостей в урочище Каражара (место слияния Кенгира с Сарысу), в горах Улутау, на р. Джиланчик, обозрение Киргиз-Кайсацкой степи Гавердовского, топографическое описание Тургайской степи поручика Яковлева и сведения, собранные от кайсаков кипчакского рода, зимующих в этой части степи¹¹⁹. Громадный интерес представляет «Топографическое описание южной части Центрального Казахстана» Нифантьева и записки Муртазы Файзулина, неоднократно проезжавшего торговым караваном через Сары-Арку.

Остатки средневековой оседлой культуры изучены в долине р. Сары-Кенгир Ю. А. Шмидтом. Отмечая благоприятную географическую среду и обжитость долины, он подчеркивает, что «местность эта пользовалась известностью в давнопрошедшее время, так как в котловинах левого берега реки имеются остатки укрепления довольно обширных размеров»¹²⁰. По традиции Ю. А. Шмидт называет его калмыцким укреплением. На самом деле оно относится к более древнему времени и синхронно памятникам, описанным Н. Рычковым и Г. Генсом. В плане оно имеет много общего с городищем Ногербек-да-

¹¹⁶ Красовский А. Область сибирских киргизов, т. III, с. 261.

¹¹⁷ ЦГВИА, ВУА, № 384.

¹¹⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, № 374; «Изв. РГО», 1883, т. IX, вып. 4, с. 312.

¹¹⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, № 19234; № 20666, л. 8; № 19209, 19210.

¹²⁰ Шмидт Ю. Очерк киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела в Акмолинской области. — ЗСО РГО, 1894, XVII, вып. 2, с. 10.

расы, датируемым кипчакской керамикой X—XII вв. Это шестигранник с круглыми башнями на углах. Основание замка сооружено из местного плитняка, а верхняя часть — из саманного кирпича. Вход обращен на юго-восток. Многогранник с круглыми башнями более характерен для огузов и кипчаков IX—X вв. Аналогичное сооружение находится рядом, в 20 км к западу, среди каменного некрополя Кос-Уйтас.

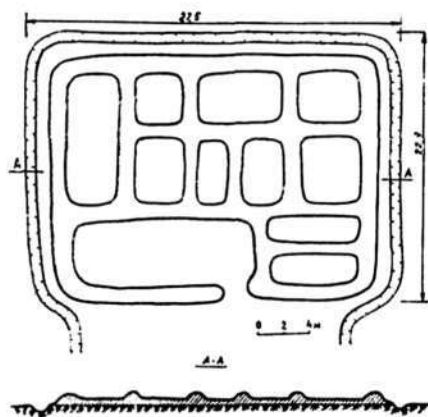

Рис. 4. Развалины средневекового поселения в устье р. Нуры (Сага)

В 1949 г. при обследовании долины низовьев р. Нуры, мы обнаружили остатки поселений там, где стояли мавзолеи, описанные И. П. Шангиным, Н. Г. Спасским и А. Шахматовым, следы караван-сарая и большого моста через р. Нуру. Всего выявлено семь поселений, расположенных друг от друга в 15—20 км (шесть на правом берегу реки). Одно поселение со следами караван-сарая находилось в усадь-

бе колхоза Оркендеу, другое — на Мартыке, третье — в Уялах, четвертое — на территории колхоза им. Тельмана, два — возле гор Карт и, наконец, сравнительно крупный холм в устье р. Нуры, на ее левом берегу (рис. 4). Нами он отождествлен с древним Ботагаем.

В настоящее время в Центральном Казахстане выявлены остатки более шестидесяти укрепленных поселений и замков типа корганов и орд. Из них около десяти расположены в бассейне Ишима (Аккай-ракты X—VI, Ормамбет, Оркошеги, Бузук, Корпеш-булак), девять — в бассейне р. Нуры (Сага, Мартук I—III, Ботагай I, II, Карт I—II, Аулиебулак возле курорта Жосалы, остатки одного поселения на р. Шерубай-Нура), десять — на р. Сарысу (Караагач, Маулимберды, Карасакал, Жубан-ана, Каип-ата, Талмас-ата, Аитбулат, Торт-Кулакты, Корган, Жаман-Корган, Белен-ана, Алатеге и т. д.), десять — в долинах Кенгира, четыре — на р. Джезды (Баскамыр, Аяккамыр, Талды-сай, Джезказган), десять — на северном склоне горы Улутау, одно — в барханах Джеты-Конура (Талды-Кент), одно — в горах Актау (Корган), одно — в верховьях р. Моинты (Егинды-булак), три — в горах Каркаралы, два — в Баян-Аульском районе (Ески-Журт, Ермак-тас).

Наиболее интересные остатки древних замков и поселений находятся в ущельях и предгорьях Улутау и в прилегающих к ним верховьях рек Тургая, Кенгира и Жиланчика. Судя по ним, в раннем

средневековые и позднее этот район был значительным центром оседлой культуры в Центральном Казахстане.

Из Улутауских городищ наиболее древнее — *городище Алаша-хана*, расположенное в 30 км к северу от пос. Улутау, на левом берегу р. Каратала. Это остатки огромного крепостного вала и оборонительной стены, построенной из крупного сырцового кирпича и глины, смешанной с гравием и речными галечниками. Вал строго прямоугольной формы, длина 200, ширина 115—120, толщина 8—12, высота от 2 до 4 м. На углах сохранились остатки фланкирующих башен высотой до 8 м, диаметром около 20 м. Стена окружена рвом шириной 4—5 м, глубиной до 4 и больше метров. Укрепление без цитадели, состояло из двух крепостей — передней и задней. Размер первой около 6000 м², второй — 3528 м².

Центральная площадь большой крепости приподнята над кольцом валов. Это, по-видимому, наслоение; оно образовалось в результате разрушения глинобитных строений, находившихся внутри крепостной стены. Шурфы, заложенные в разных местах, выявили толщину глинистого слоя от 60—80 см. Ниже шел пол из утрамбованной глины с прослойками гравия и речных галечников толщиной до 30 см. Следов более или менее мощных сооружений внутри крепостной стены не обнаружено. Вероятно, внутри вдоль стен стояли ряды юртообразных жилищ, сложенных из глины и тальника, от которых остались очень слабые следы.

За большой крепостной стеной могло укрыться значительное количество военизированного населения, родственно связанного между собой, а в малой крепости, заменявшей собой цитадель, вероятно, располагались глава округа или сам хан. Обе крепости отделены друг от друга рвом шириной 3, глубиной 3—4 м. Сообщение между ними происходило только при помощи перекидного мостика, который в случае вторжения врагов откидывался и закрывал доступ в малую крепость. О внутренней застройке и кровле никаких данных нет. Вполне возможно, что это была лишь стена, за которой строений не было, там стояли юрты и палатки.

Укрепление Алаша-хана, несомненно, по времени сооружения одновременно с тем мавзолеем, который под тем же названием находится на правом берегу р. Кара-Кенгир, в 60 км к северу от Джезказгана (см: *Маргулан А. Х. Из истории городов древнего Казахстана*, с. 95, рис. 55).

Городище Топрак-Корган расположено в северном предгорье Улутау, в 4 км на юго-запад от городища Алаша-хана. По строению оно сходно с ним, относится к типу оборонительных стен, возникших в домонгольское время. Стены сооружены из глины со смесью гравия, камня и галечника. В плане это квадрат, ориентированный по сторо-

нам света с остатками угловых башен. Крепостной вал окружен рвом шириной 4—5, глубиной 3—4 м. Размер крепости по наружному обмеру 80×80 м. Внутри крепостной стены сохранились следы строений в виде плоских возвышений (рис. 5).

Замок Айбас-Дарасы. Это остатки укрепленного поселения кыстау (селища), типичного для полуоседлых скотоводов-казахов Центрального Казахстана XV—XVI вв. Они отмечены в долине у северного склона Улутау, на развилке двух горных рек Айбас-дарасы, и

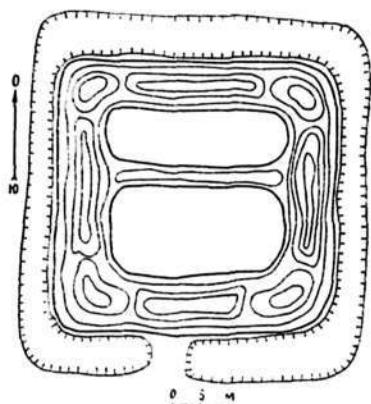

Рис. 5. План городища Топрак-Корган. Северное предгорье Улутау

представляют небольшое крепостное сооружение квадратной формы размером 35×35 м. Стены укрепления мощны — до 4 м. Они сложены из огромных бутовых камней на цементирующем растворе. На углах сохранились остатки башен высотой до 4 м. В северо-западном углу следы жилого строения квадратной формы площадью около 70 кв. м и со входом с южной стороны. Огромная центральная площадь служила загонem для скота. В крепости два входа: один — с восточной стороны для скота, другой — с северной в жилое строение. Возле городища в пойме речки видны следы старой пашни и оросительных каналов.

Городище Ногербек-Дарасы — укрепленный замок, построенный из камня и кирпича, в плане трапеция с башнями на углах и по середине стен.

Городище расположено рядом с Айбас-дарасы, в 4 км северо-восточнее от него. Замок возведен в глубине большого ущелья, на площадке, окруженной горными протоками, образующими замкнутый круг. План городища снят в 1941 г. геологом Б. М. Чудиновым и любезно передан нам. Из плана (см. рис. 2). видно, что Ногербек-дарасы более сложное, чем Айбас-дарасы, сооружение. Такой четкий план в виде трапеции встречается редко. Размер крепостных стен: длина 82, ширина 78 и 55 м, толщина стен 4—5 м. Кроме угловых сохранились остатки мощных фланкирующих башен по одной в середине стен. Внутри крепостной стены прослеживаются остатки пяти жилых строений. Все они прямоугольного очертания, три из них имеют вытянутую форму, наиболее крупные площадью 375 м², средние — 250 м², малые — 150 м². Все жилые сооружения расположены у западной стены. Открытая центральная площадь и восточная половина крепости предназначалась для скота. Вокруг крепостной стены обна-

ружены остатки трех колодцев, обложенных камнем. Самый большой находился внутри крепости, второй — в ее западной стороне, третий — против ее северо-восточного угла. Вдоль протоков видны следы старых арыков, пашни и огорода.

Селище Тогузбай-куль представляет собой развалины глинобитной стены укрепленного поселения, типичного для северных предгорий Улутау (рис. 6). Оно расположено на южном берегу небольшого озера Тогузбай-куль, в 30 км к северо-западу от поселка Улутау. Сооружение в плане — квадрат размером 110×110 м, ориентированный углами по сторонам света. Это, вероятно, оградительная стена

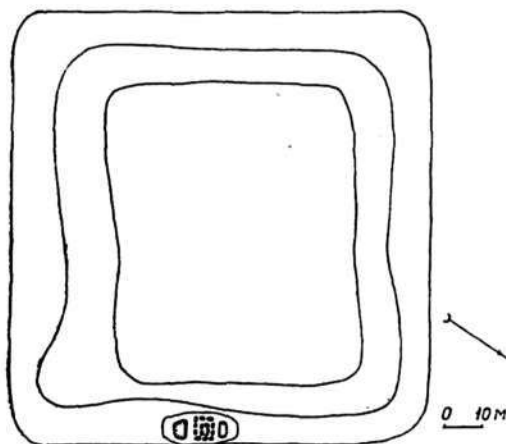

Рис. 6. План городища Тогузбай-Куль. Северное предгорье Улутау

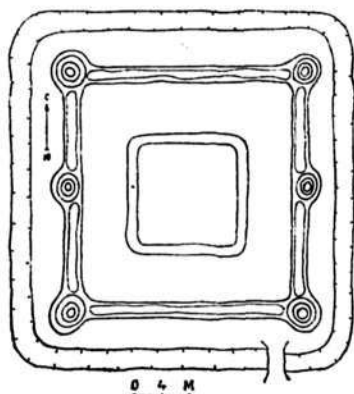

Рис. 7. План городища Каратон на р. Бозай, Улутауский р-н

без внутренней застройки, служившая загоном для скота. Внутри стены могли стоять только юрты или легкие постройки, от которых никаких следов не сохранилось. У восточной наружной стены зафиксирован контур обжигательной печи, состоявшей из трех частей: топки, поддувала, центральной камеры для обжига кирпича и гончарных изделий. Около печи собраны обломки без орнамента.

Городище Каратон выявлено в 1950 г. в долине р. Бозай, берущей начало в горах Арганаты Улутауского района Джезказганской области (рис. 7). Оно находится в живописной долине, возле заимки колхоза «Бостандык», в 50 км на восток от рудника Коргасын, ныне центральной усадьбы совхоза «Шенбер». Городище представляет собой двойную стену, окруженную рвом и валом, имеет угловые башни и по одной по середине стен. Замок построен из камня и сырцового кирпича, в плане это квадрат размером 38×38 м, ориентированный

по сторонам света. Ширина вала 5—6 м, высота 2—2,5 м, ширина рва 2—2,5 м, у юго-восточной стены имеется перемычка, обозначающая вход в крепость. Вход выложен камнями. В центре наружной оборонительной стены расположена цитадель или внутренняя крепость, представлявшая собой вал, за которым спасался бек-феодал с семьей во время опасности. Цитадель возведена из крупного сырцового кирпича на цементирующем растворе; угловых башен нет. Она подобна другим сооружениям, которые были изучены нами в северных предгорьях Улутау, на реках Кенгире и Джезды.

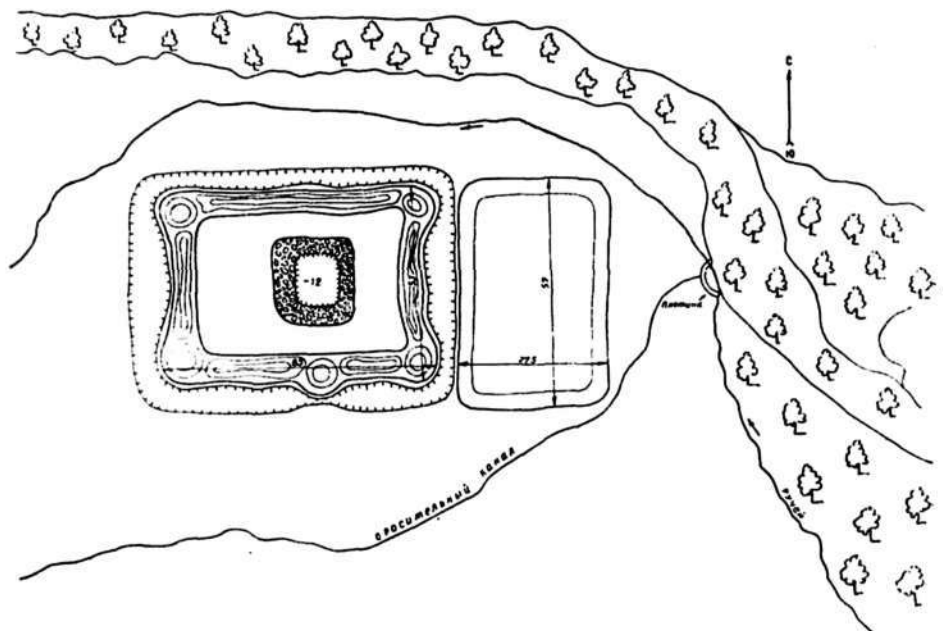

Рис. 8. План городища Домбагул. Западное подножье горы Арганаты, Улутауский р-н

Вокруг замка прослеживаются остатки древней оросительной системы и следы пашен, свидетельствующие о бывлой оседло-земледельческой культуре племен Центрального Казахстана.

Городище Домбагул (рис. 8). Это остатки крепости, возникшей в период Ак-орды (XIV—XV вв) и служившей резиденцией для ее владетелей. Городище расположено в обширной долине, у западного подножия горы Арганаты в 35 км на восток от центральной усадьбы совхоза «Шенбер» и в 80 км на север от пос. Улутау. После крепо-

сти Алаша-хана в Улутауской степи это одно из мощных и крупных укреплений. Крепость построена из обожженного кирпича, обнесена толстой стеной и глубоким рвом. У входа и на углах она имела высокие башни, а внутри стен — цитадель из обожженного кирпича. Городище в плане прямоугольник, ориентированный длинной осью с запада на восток. Длина стен 85 и 53 м, высота от 2 до 8 м. Размер цитадели 28×30 м. Кольцо рва размером 102×74 м, ширина 8—12 м, глубина 4 м. К восточной стене крепости примыкало подсобное здание из сырцового кирпича, в котором, вероятно, жили воины и служилые люди. Вокруг замка сохранились остатки сада, пашни, бахчей, а также оросительной сети.

Судя по всему, городище идентично средневековому Орда-Базару.

Городище Хан Ордасы, или Ески-Орда (см. рис. 3) находится в устье Аксая, на месте его слияния с Кара-Кенгиром, в 65 км выше мавзолея Джучи-хана, в 35 км ниже центральной усадьбы совхоза «Кара-Кенгир», вблизи мавзолея Дузена. Это обширный холм, обнесенный глубоким рвом, с мощными фланкирующими башнями, которые возвышаются по углам и по середине стен. Оно построено из жженого кирпича и камня, в плане это квадрат размером 100×100 м, высотой 5—6 м. Вокруг холма сохранились оборонительные рвы шириной 5, глубиной 2—3 м. В восточной половине крепости зафиксированы остатки цитадели в виде стен и башен. Однако поскольку раскопки еще не проводились, трудно говорить о деталях. На городище собран небольшой керамический материал, характерный для городской культуры времен кипчакского улуса.

Аксай (Ески-орда) — городище, по всей вероятности, тождественно с дворцом Сарайлы, расположенным также на р. Кенгир. Хафиз Тыныш, повествуя об Улутауском походе бухарского хана Абдуллы, писал: «В пятницу 5 числа (т. е. 9 апреля 1582 г.) хан с отважным войском находился в Сарайлы и Торайлы»¹²¹. Судя по записи, в конце XVI в. дворец еще не существовал, а кроме аксайских развалин других более мощных остатков, похожих на руины дворца Сарайлы, поблизости нет. Хафиз Тыныш уточняет, что «в субботу 30 апреля хан остановился около Сарайлы перед мазаром Джучи-хана»¹²². Это дает повод искать развалины Сарайлы ниже мавзолея Джучи-хана, недалеко от которого на левом берегу р. Кенгира действительно имеется еще один холм, но еще не обследованный.

Городище Баскамыр расположено на левом берегу р. Джезды, в 23 км к северу от пос. Джезды, в 60 км к югу от пос. Улутау

¹²¹ МИХХ, с. 277, 276.

¹²² Там же.

(рис. 9). Это остатки средневекового феодального замка, обнесенного тремя мощными стенами с цитаделью и фланкирующими башнями. Крепость в плане имеет квадрат, ориентированный углами по сторонам света. Внешние стены сложены из крупного сырцового кирпича, кладка выполнена на известковом растворе. Длина вала 108—110,

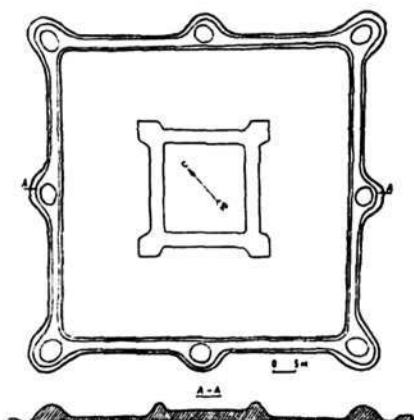

Рис. 9. План городища (укрепленного замка) Баскамыр на р. Джезды

ширина 14 м. Остатки оборонительных башен в виде мощных холмов местами высотой до 5 м. Башни внешних стен диаметром около 12 м возвышаются на четырех углах и по одной на середине стен. Остатки ворот сохранились по середине юго-восточной стены. На центральной площадке крепостной стены сооружена цитадель размером 38×38 м, высотой вала около 4 м из крупного сырцового кирпича. По углам цитадели имеются высокие холмы — остатки мощных башен прямоугольной формы. В лучшем состоянии башня у южного угла, по ней можно восстановить архитектурный профиль и других башен. На юго-востоке от городища проходил караванный путь из низовьев Сарысу и района Сырдарьи на Улутау. Об этом го-

ворит сигнальный маяк — пирамида, сложенная из сланцевых плит. Она расположена на горе в 2 км к востоку от городища. Маяк служил также дозорной башней, с которой предупреждали о приближении врага.

Городище дало немного подъемного материала: всего несколько фрагментов орнаментированной керамики, изготовленной на гончарном круге и хорошо обожженной. Обилие керамики в соседних городищах Аяккамыр и Милыкудук свидетельствует о том, что на поселениях долины р. Джезды в средние века изготовлялась своеобразная посуда. Центром керамического производства был Милыкудук, в котором зафиксированы высокотемпературные обжигательные печи¹²³.

Из двух шурфов, заложенных у подножия южной стены городища, были извлечены преимущественно кости домашних животных и обломки кухонной керамики. Среди находок имеется венчик чашеобразного сосуда, орнаментированный рядами насечек. Возле городища сохранились следы пашни и оросительной сети. Судя по архео-

¹²³ Маргулан А. Х. Джезказган — древний металлургический центр..., с. 20—21, 35—40, рис. 13, 15.

логическим материалам, основным занятием населения было скотоводство и поливное земледелие.

Городище Аяккамыр находится на правом берегу р. Джезды, в 8 км к северу от одноименного районного центра, в 15 км к югу от городища Баскамыр, в 48 км к северу от г. Джезказгана (рис. 10).

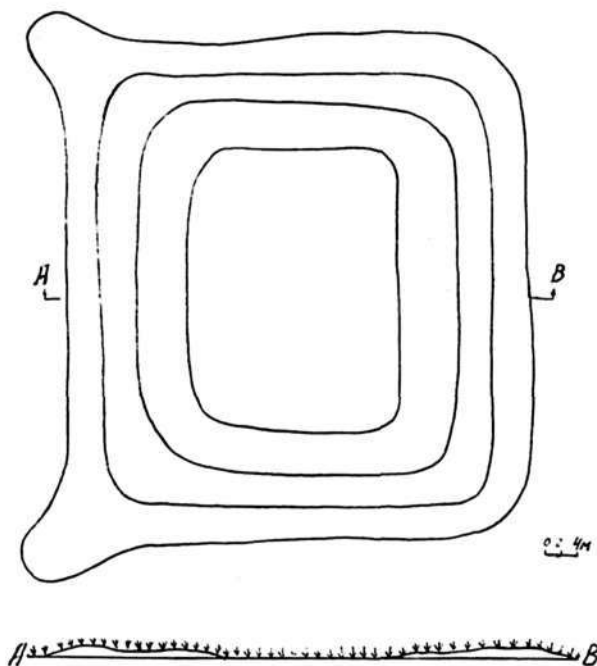

Рис. 10. План и разрез поселения Аяккамыр на р. Джезды

На площадке городища расположен знаменитый мавзолей Аяккамыр, описанный многими учеными, в том числе А. И. Шренком, Ч. Ч. Валихановым, А. Красовским, Нифантьевым и др.¹²⁴

В 1972 г. его исследовал участник Центрально-Казахстанской археологической экспедиции С. Жолдасбаев. Он раскопал значительную часть площадки. Городище сохранилось в виде невысокого оплыв-

¹²⁴ Шренк А. И. Путешествия и исследования по Зоонгорским киргизским степям в 1840—43 гг. — Архив АН СССР, ф. 317, оп. 1, д. 8, л. 173—174; Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. III, с. 201; Красовский А. Область Сибирских киргизов, ч. III, с. 261; Нифантьев. Топографическое описание южной части Киргизской степи (рукопись), 1843. — Архив АН СССР, ф. 317, оп. I, д. 48; Топографическое описание степной стороны Ташкента. ЦГВИА, ф. ВУА, № 18541.

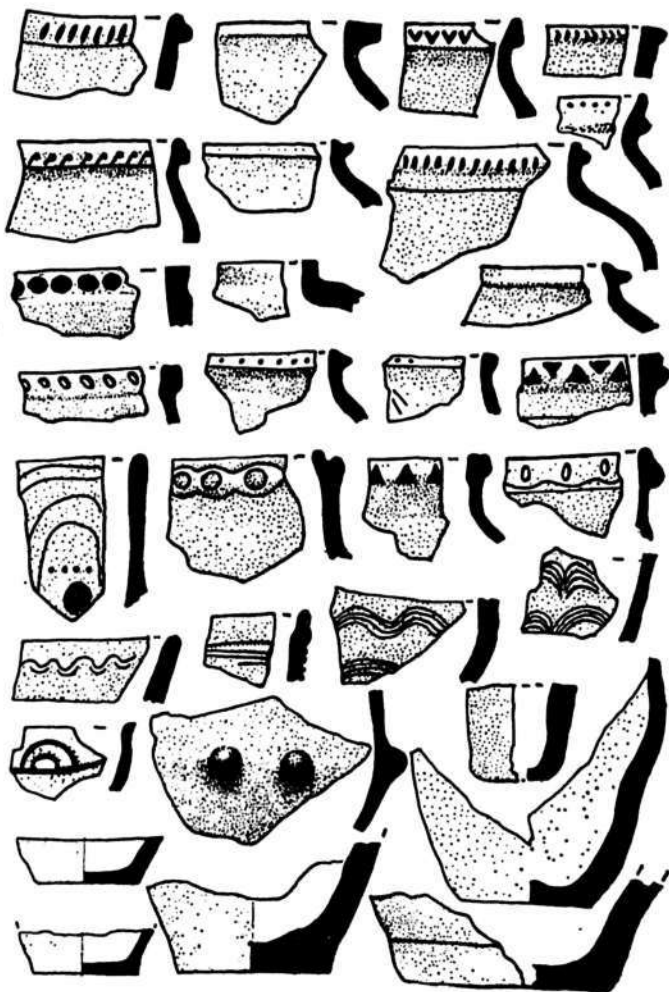

Рис. 11. Керамика с городища Аяккамыр

шего холма размером 56×60 м, высотой 1—2 м. В южной части выявлены остатки угловых башен высотой около 2,5 м. При раскопке городища зафиксировано много керамики и костей домашних животных, среди которых преобладают кости лошади и барана; встречены, но в меньшем количестве, и кости рогатого скота. Интересна керамика, обнаруженная в культурном слое городища (рис. 11). Она лепная, тесто с примесью песка, по форме и орнаменту она отличается от традиционной керамики сырдарьинских городов. Посуда городища

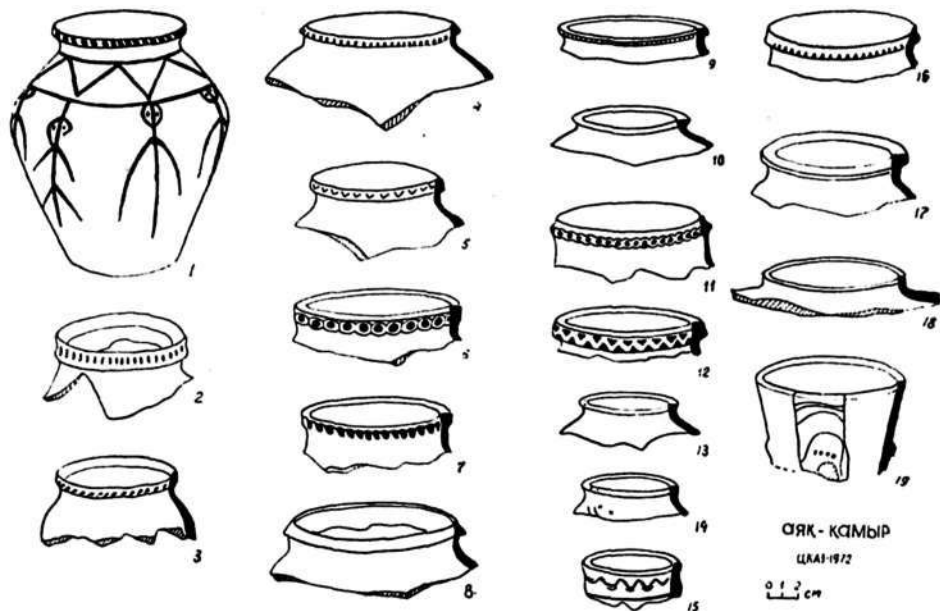

Рис. 12. Керамика с городища Аяккамыр

сходна с лепной керамикой западных кипчаков и печенегов, изученной М. И. Артамоновым¹²⁵, Г. А. Федоровым-Давыдовым¹²⁶ и классифицированной С. А. Плетневой. Глиняные сосуды из поселения Аяккамыр большеобъемные, в них хранили, скорее всего, молочные продукты. Среди них преобладают большие, приземистые кувшины с коротким горлом, высокие яйцевидные кувшины с невысоким горлом, разного типа горшки с наlepным и резко отогнутым наружу венчиком, миниатюрные чаши типа тостагана, баночные и стакановидные сосуды с прямым туловом.

Орнаменты на глиняных сосудах выполнены разной техникой: резные — в виде ломаных и волнистых линий, зигзагов; штампованные из рядов точечных вдавлений, глазчатых кружков, насечек, треугольных фигур и т. д.

В культурном слое городища обнаружен оригинальный сосуд из глины, на котором имеется антропоморфный рисунок, сделанный резной техникой (рис. 12, 1). Изображение человекоподобных фигур на

¹²⁵ Артамонов М. И. Белая Вежа. — СА, XVI, 1952, с. 67, рис. 18.

¹²⁶ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы. М., 1966, с. 89—90.

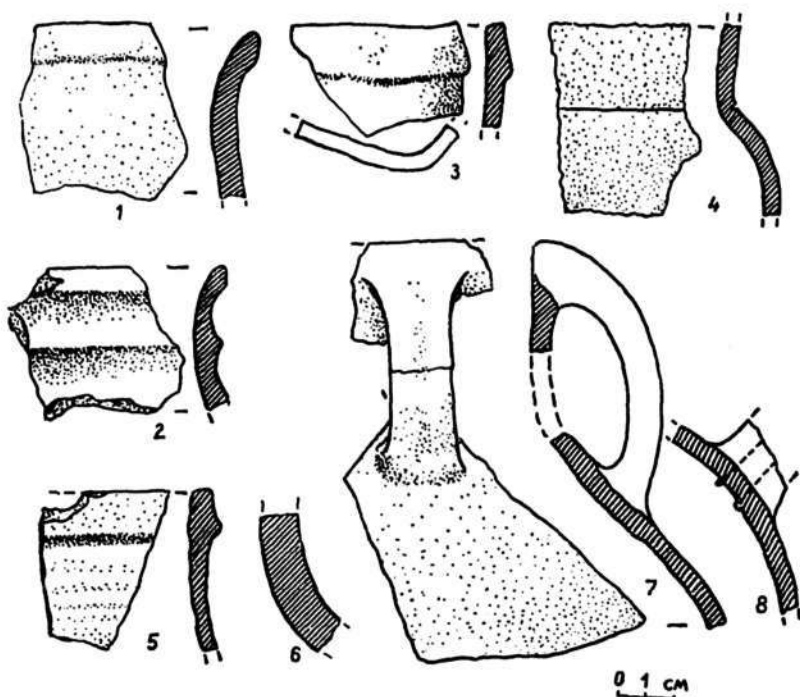

Рис. 13. Керамика из Болган-ана на р. Кенгир

сосудах было возможно только до проникновения в степь ислама, т. е. до X в. Поэтому орнаментация кувшина, несомненно, более ранняя — VIII—IX вв. В основе подобных сюжетов могут лежать наскальные рисунки, часто встречаемые в горах Улутау и на прибрежных скалах рек Джезды, Шакабай, Буланты и т. д. Некоторые типы описанной керамики отмечены в городищах Саркела (Белая Вежа) и Тмутаракани.

С. А. Плетнева относит их к культуре кочевников и датирует X—XI вв.¹²⁷ Керамика Аяккамыра, возможно, старше на 100—200 лет, т. е. VIII—IX вв.

Интересны сосуды, собранные в городищах Милыкудук, Айнаколь, Златоуст, Соркудук¹²⁸, на Болган-ане, в городище Аулие-Булак в Каркаралинской степи. Для этих поселений характерны изящные

¹²⁷ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы, с. 90.

¹²⁸ Маргулан А. Х. Джезказган — древний металлургический центр..., с. 35, рис. 13; с. 38, рис. 14; с. 40, рис. 15.

кувшины с узким горлом, конические и яйцевидные кувшины¹²⁹, с массивными ручками, волнистым орнаментом в виде гирлянд, рядов арочек, глазчатых кружков и т. д. (рис. 13). Все это составляет своеобразную культуру, развивавшуюся в Дешт-и-Кипчаке в период раннего средневековья.

Таким образом, по свидетельству многочисленных источников средневековья и археологических раскопок, для территории Центрального Казахстана (VIII—XV вв.) было характерно наличие большого числа поселений, хорошо укрепленных или расположенных в недоступных горных местностях (горы Улутау и т. д.), возникших благодаря хорошо организованному хозяйственному укладу, сращению высокой культуры скотоводства, характерной для племен, населявших эти территории, и развитого земледелия, что позволило кочевым племенам перейти на оседлый и полuosедлый образ жизни. С развитием городов мы наблюдаем развитие ремесла, торговли и памятников художественной культуры, хорошо сохранившихся в быту казахов, важнейшие образцы которых ныне хранятся в музеях Алматы, Ленинграда, Москвы, Ташкента и других городов.

¹²⁹ Там же, с. 35, рис. 13, 4—6; с. 3—8, рис. 14, 1, 2, 4; с. 40, рис. 15, 6.

ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ РАННЕГО ЭТАПА САКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. А. АКИШЕВ,
А. Н. АКИШЕВ

Несмотря на значительные успехи археологии за последнее десятилетие, периодизация и хронология культур скифо-сакского времени до сих пор мало разработана. Сакская археология в отличие от скифской все еще не имеет достоверных ориентиров для определения генезиса культуры.

Новые находки сакской бронзы на территории Восточного Семиречья частично восполняют этот пробел.

В Восточном Семиречье, на левом берегу р. Биже, в окрестностях с. Алгабас, при строительных работах с глубины 0,7 м поднят набор бронзовых предметов — принадлежностей конского снаряжения: удила, псалии, зооморфные наконечники, распределители ремней и пр. Позднее, в 1964 г., здесь в двух группах курганов нами были раскопаны пять насыпей. В 90 м от насыпи одного из раскопанных курганов (№ 2) и был найден «клад» бронзовых вещей.

Курган 2 (диаметр 24, высота 2,5 м) самый крупный в могильнике. Он оказался ограбленным. Его земляная насыпь обложена по всей поверхности

крупной речной галькой. Захоронение совершено в каменном ящике.

В кургане 3 могильная яма (длина 2,5, глубина 1 м, ширина 0,9 м) ориентирована с востока на запад. На ее дне лежал костяк человека в вытянутом положении на спине головой на запад. Череп отсутствовал. Сопровождающего инвентаря в могиле не оказалось.

Несмотря на то, что из трех раскопанных курганов другой группы два оказались ограбленными, удалось установить, что захороненные были обращены головой на запад.

В кургане 5 обнаружено интересное надмогильное сооружение в виде полусферы. Диаметр основания 4,2 м, высота 0,8 м. Вероятно, первоначально над могилой был сооружен холмик из плотно утрамбованной глины. Затем его обложили поверху слоем гальки и потом возвели насыпь кургана. В могильной яме кургана 5, ориентированной в широтном направлении, найден полный скелет мужчигы, лежащий на спине, головой на запад. По антропологическому определению черепа погребенный был европеоидом. С правой стороны у черепа находилась глиняная миска с хвостовыми позвонками овцы.

Целый черный глиняный сосуд из кургана 5, по форме хотя и аналогичен широко известным сако-усуньским Семиречья, сильно отличается от них по качеству теста и обжига. Рыхлое с дресвой тесто и плохой костровый обжиг (в изломе черепок серо-черного цвета) напоминают технику изготовления посуды культур степной бронзы, что дает основание говорить о раннесакском периоде как наиболее вероятном времени сооружения памятника.

Бронзовые предметы, найденные рабочими в пределах курганной группы Биже, вне всякого сомнения, с ней взаимосвязаны и позволяют ее атрибутировать.

В кладе находились удила двух типов (I и II).

I. Бронзовые литые удила с прямоугольным стремечком и упором. Внутренняя поверхность стержней покрыта орнаментом в виде нарезных и выпуклых прямоугольников. Удил две пары, но только для одной из них сохранилась соответствующая конструкция псалиев.

II. Бронзовые литые удила с полуовальным стремечком и дополнительным отверстием. Обе пары имеют орнамент в виде нарезных квадратиков.

В кладе оказалось два типа псалиев (I, II).

I. Слабоизогнутый трехдырчатый бронзовый напускной псалий с продолговатым средним отверстием; крайние малые круглые отверстия повернуты в плоскости, перпендикулярной центральному. Вокруг отверстий псалий расширяется. На одном конце псалия дисковидное уплощение, лежащее в той же плоскости, что и центральное

отверстие. Другой конец оформлен в виде конусовидного расширения. Псалий цилиндрический, средняя часть уплощена. Его длина 20, диаметр среднего отверстия 2,8, диаметр крайних отверстий — 1 см.

Эта пара псалиев (рис. 1) предназначена для удил первого типа (далее: комплект Бижэ I).

Рис. 1. Бронзовые удила и напускные псалии. Комплект I. Бижэ

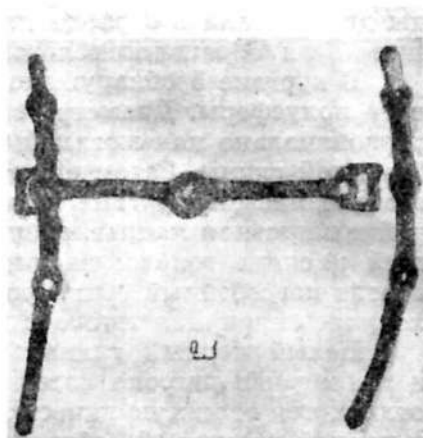

Рис. 2. Бронзовые удила с псалиями. Комплект II. Бижэ

II. Три пары дуговидных псалиев (рис. 2) с тремя равноудаленными круглыми перфорациями. Все отверстия лежат в одной плоскости, диаметр их соответствует диаметру крайних отверстий псалиев первого типа. Вокруг отверстий округлые утолщения. Один конец псалия имеет вид эллипсоидного утолщения, а другой — конического. Нет сомнения, что эти псалии составляют комплекты для стремечковидных удил с дополнительным отверстием (далее: комплект Бижэ II).

Для одной пары псалиев, один из которых сломан, соответствующих удил нет. Можно допустить, что они соединялись со второй парой удил I типа, для которых нет комплекта напускных псалиев. Однако комплект этот конструктивно разнороден и эклектичен, поэтому мы не выделяем его в особый тип.

В состав сбруи входили бронзовые наверхия (рис. 3), оформленные головами горных козлов. Наверхия имеют полые втулки в виде усеченного конуса, в нижней части которых сделаны продолговатые сквозные отверстия, предназначенные для шплинтов. Верхний конец втулок представляет собой кольцо. У одного наверхия внутренняя

поверхность кольца сильно сработана справа, а внешняя — слева, у другого — наоборот. Видимо, через кольца пропускались ремни.

Кольцо навершия соединяется со скульптурной головкой козла, с круто изогнутой шеей. Морда опущена вниз, а рога круто загибаются к шее и сливаются с ней. Морда длинная, остроконечная, с небольшой клинообразной бородкой. Двумя овальными впадинками отмечены губы и ноздри. Глаза посажены высоко, круглые, с выпуклыми веками. Сразу от них начинается рог, годовые кольца которого отмечены параллельными поперечными желобками. Вдоль нижнего края рога тянется узкая ложбинка. S-образно изгибаясь, она переходит в линию шеи. Ухо повернуто вперед и соединяется с рогом, фигурка цельнолитая и уплощенная. У каждой головки — по одному рогу, несмотря на то, что это круглая скульптура. Профилизация и отступление от натуры отвечают задаче подчинения фигуры зверя форме и характеру изделия. Размеры наверший: длина 15,6, диаметр основания втулки 2,8, диаметр отверстий для шплинтов 1,4, диаметр кольца 2,5 см.

Рис. 3. Бронзовые зооморфные навершия. Бижэ

В состав находки также входят многочисленные (174 экз.) бронзовые обоймы в виде колечек (рис. 4). На внешней выпуклой поверхности колец хорошо выражено ребро. Колечки украшали ремни поводов и в движении должны были мелодично звенеть.

В наборе бронзовых вещей имеются десять распределителей для перекрещивания ремней узды, петельчатая бляха и две подвески. Распределители — это цилиндрические бляшки с круглым отверстием внизу и четырьмя прямоугольными вырезами на гранях. На верхнем основании рельефный узор в виде многоугольника с крестом внутри. Ременные распределители, видимо, находились на месте пересечения суголовных ремней и ремней оголовья (рис. 5). В петельчатой бронзовой бляшке от круглой петельки отходит штырь, к которому припаяна шляпка в виде шарового сегмента. Подвески имеют круглую петлю с отходящим от нее фигурным придатком. Подвески, скорее всего, выполняли чисто декоративные функции.

Таким образом, комплект Бижэ составляют, по крайней мере, четыре неполных набора конской уздачки.

В Биче выделяются два разных типа комплектов узды. Попытаемся найти место обоих комплектов в типологической системе уздечек евразийских племен. Заранее оговоримся: типологической, но не строго хронологической, так как определение генезиса и датировку элементов узды затрудняют случаи и переживания ее «архетипов» и

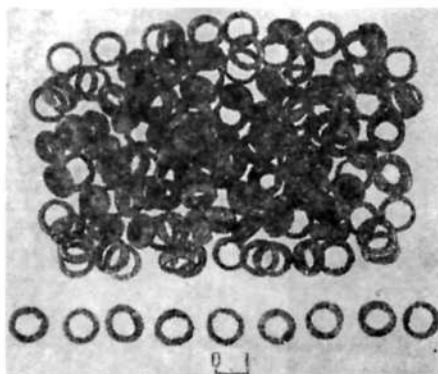

Рис. 4. Пронизи для ремней узды.
Биче

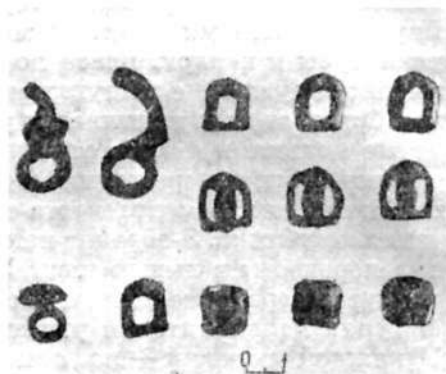

Рис. 5. Предметы конской узды: рас-
пределители, подвески, пуговица

совместного бытования их с позднейшими вариациями. Например, в кургане Аржан обнаружены разные образцы ранних трехдырчатых псалиев и ряд совершенно различных типов удила¹, исходя из чего М. П. Грязнов сделал вывод о принадлежности отдельных наборов разным этническим группам².

В своих истоках модификация псалиев и удила не всегда была параллельной. Псалии появились значительно ранее удила, изготовленных из твердых материалов. Древнейшие псалии изготавливались из рога, кости и дерева. Евразийские псалии эпохи бронзы, использовавшиеся с мягкими удилами, часто имели отверстие для соединения с удилами, расположенное в другой плоскости, чем отверстия для пропуска ремней оголовья. Центральное отверстие чаще всего было продолговатой формы, а крайние круглые, по величине они меньше центрального. Габариты псалиев, естественно, приближались

¹ Грязнов М. П., Маннай-Оол М. Х. Аржан — царский курган раннескифского времени в Туве. — В кн.: Археологические открытия 1971 года. М., 1972, с. 243—246; *они же*. Раскопки кургана Аржан в Туве. — В кн.: Археологические открытия 1972 года. М., 1973, с. 207—208; *они же*. Третий год раскопок кургана Аржан. — В кн.: Археологические открытия 1973 года. М., 1974, с. 192—195.

² Грязнов М. П. Некоторые вопросы хронологии ранних кочевников в связи с материалами кургана Аржан. — В кн.: Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л., 1975, с. 6—10.

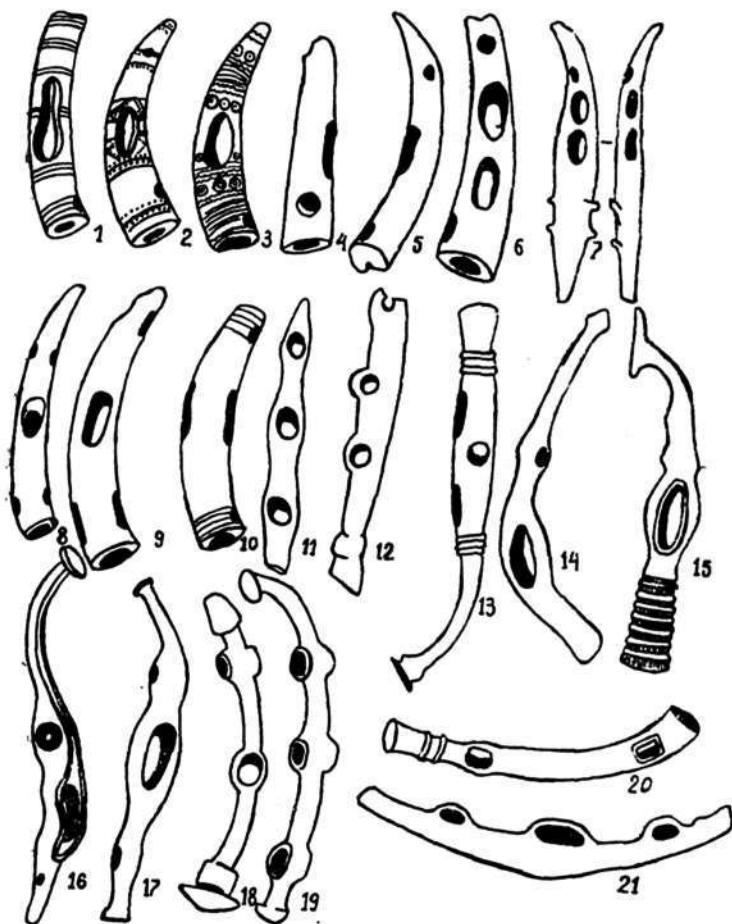

Рис. 6. Костяные, роговые и бронзовые псалии из Центральной и Северной Европы: 1—4 — тип Фюзешабонь; 5 — тип Кишзомбор; 6 — тип Тосер; 7 — тип Ватина; 8—9 — гальштатские псалии; 10—12 — доскифские и раннескифские псалии; 13 — бронзовый псалий. Stare Sedlo (младший бронзовый век); 14 — Ст. Сульпице, Швейцария; 15 — Нимоё, Швеция; 16 — Дания, 17 — местонахождение неизвестно; 18 — Trteno; 19 — Pécs, Madársko; 21 — Kysice, Cechy; 22 — Burusin, Usedom

к средним размерам используемой части рога или кости, поэтому были стабильны. При мягких удилах такая конструкция наиболее проста и эффективна: она делала узду строгой (рис. 6).

В среднюю и позднюю ступени бронзового века Венгрии данный тип псалиев был характерным для фюзешабоньской культуры, которой в Румынии и Восточной Словакии соответствует культура Отомани³. По современной датировке, основанной на сопоставлении разных слоев телля Точер (Toscer) в Венгрии, время фюзешабоньской культуры соответствует слою Toscer C (1550—1450 гг. до н. э.)⁴. Псалии типа Фюзешабонь, которые выделила А. Можолитч⁵, изготовлены из рога, один конец которого заострен. В середине просверлено овальное или подчетыреугольное отверстие, а по краям в перпендикулярной плоскости — по одному, реже по два малых круглых отверстия (рис. 6, 1—4). Другая разновидность псалиев того времени и того же региона — тип Toscer — имеет по два больших овальных отверстия в одной плоскости и по одному малому крайнему — в перпендикулярной⁶ (рис. 6, 6). Еще один тип псалиев — тип Ватина — отличается от предыдущего тем, что на псалиях только одно малое крайнее отверстие⁷ (рис. 6, 7). Известен он в Сербии и Румынии (культура Ватина). В двух плоскостях расположены отверстия и у псалиев кишзомборского типа (XIV—XII вв. до н. э.)⁸ (рис. 6, 5).

Данная конструкционная особенность прослеживается и на раннегалльских псалиях: одно большое продолговатое и два круглых крайних отверстия в другой плоскости⁹ (рис. 6, 8, 9). Известны аналогичные доскифские псалии¹⁰ (рис. 6, 10—12).

Роговые или костяные псалии с тремя отверстиями в одной плоскости в подавляющем большинстве случаев не могли быть напускными, они закреплялись охватывающими ремешками. Бытуя независимо от двуплановых, эти псалии требовали хитроумной системы соединения с мягкими удилами, а поэтому были мало распространены в период до изобретения металлических удили. Они начинают преобладать в раннескифское время.

³ Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974, с. 86—87.

⁴ Там же, с. 86.

⁵ Mozsolics A. Mors en bois de cerf sur le territoire du bassin des Carpathes. — Acta Archaeologica, v. III, fasc. 1—4. Budapest, 1953, fig. 1—4, pp. 71—73.

⁶ Ibid, p. 76, fig. 10.

⁷ Ibid, p. 81, fig. 16.

⁸ Ibid, p. 86, fig. 22.

⁹ Kutlicová O. Hromadný nález bronzů ob Starého Sedla. — Památky Archeologické, ročník, XLVI, číslo I, 1955; pp. 52—73, fig. 8(2—3); Mozsolics A. Op. cit, fig. 23—24.

¹⁰ Mozsolics A. Op. cit, fig. 32, 33, 35.

Псалии типов Фюзешабонь, Тосег, Кишзомбор и раннегалльские находят прямые аналогии в памятниках эпохи бронзы Днепровского правобережья (белогрудовское и раннее чернолесское время), Поволжья и Казахстана, что неоднократно отмечалось исследователями¹¹.

Итак, наиболее архаичные роговые и костяные псалии с двуплановым расположением отверстий существовали, по крайней мере, со среднего бронзового века (по периодизации европейских культур эпохи бронзы) до предскифского времени включительно, когда их постепенно заменяют простые трехдырчатые. А. Можолитч убедительно доказала, что и первые металлические псалии были изготовлены по образцу роговых, а уже потом они развивались совместно¹². Позднее костяные и роговые псалии изготавливались в замену псалиев из металла. Роговые псалии в сочетании с металлическими удилами превратились в анахронизм, в принадлежность, как правило, бедных захоронений¹³.

Древнейшие бронзовые псалии, таким образом, имитировали прототипы из полого рога, либо трубчатой кости с двуплановым расположением отверстий. В Западной Европе они распространяются в младшем бронзовом веке (1200—900 гг. до н. э.)¹⁴. Все они имели изгиб, подражающий естественной кривизне, а грибовидные навершия у тех из них, которые имитировали костяные псалии, изобража-

¹¹ Тереножкин А. И. Бронзовый псалий с городища Кюзели-гыр в Хорезме. — КСИЭ, 1958, вып. XXX, с. 34—39; Смирнов К. Ф. Археологические данные о древних всадниках поволжско-уральских степей. — СА, 1961, № 1, с. 47—49, 60—61; Акишев К. А. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре). — В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с. 51—55; Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976, с. 147—148, рис. 85; Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977, с. 47.

Прямые аналоги и схожая линия развития говорят, прежде всего, об общих закономерностях эволюции конской узды, определенной сходными принципами функционального назначения, что мы и постараемся показать на ряде параллелей. Вместе с тем нельзя абсолютизировать данную конвергентность. С одной стороны, ни одна культура не была изолятом, с другой — всякое развитие предполагает не только постепенную эволюцию, но и скачки, регресс и частичные отклонения от общего хода. История конской узды здесь не исключение, ее необходимо рассматривать не как мертвый артефакт, а в качестве действовавшего элемента культуры. Другая крайность — стремление к унификации этапов развития узды в глобальном масштабе с тенденцией к объяснению даже конструктивно несущественных деталей, поиски локального региона, генерирующего все типы. И ту и другую версии объединяет попытка представить исторический процесс в виде некой схемы, предельно упрощенной. Отсюда и реконструкции в духе миграционизма, культурной радиации или, наоборот, — в духе конвергентности.

¹² Mozsolics A. Op. cit, p. 111.

¹³ Ibid.

¹⁴ Kulticová O. Op. cit, p. 65, fig. 7; p. 67, fig. 8.

ли головку кости. Размеры их также копировали размеры архетипов (рис. 6, 13—21). Появление металлических псалиев в Европе определяло изобретение удила из металла, и двуплановая перфорация оставалась наиболее обусловленной. Среднее отверстие предназначалось для ремней удила и, когда появились металлические удила, их конструкция поначалу приспособлялась к популярному типу псалиев. Однако вместе с удилами из металла этот комплект стал чрезмерно усложненным. Очевидно поэтому, несмотря на продолжающуюся традицию, ему предпочитали те типы псалиев, где последний или крепился к удилам через дополнительное отверстие, либо пропускался через колечко удила. Менее удобные в сочетании с мягкими удилами трехдырчатые простые псалии (Бижэ II) стали эффективными с уже изобретенными металлическими удилами.

Удила относятся к числу таких изобретений, которые без принципиальных изменений доживают до наших дней, металлические удила, чье появление было в значительной мере обусловлено существованием напускных псалиев, как это ни парадоксально, сразу же стали относительно независимы от формы псалия, которая начала варьироваться. С этого момента начинается скачкообразное развитие сразу нескольких линий узды по пути выбора простых вариантов. В Казахстане этот «взрыв» изобретательства объективно должен был произойти в период перехода к кочевому скотоводству, или — в X—VIII вв. до н. э.¹⁵, когда эта форма хозяйства становится определяющей.

Комплект Бижэ I прекрасно иллюстрирует отмеченную нами выше закономерность. Целиком этот комплект типологически предшествует конструктивно более простому второму комплекту, что не является, тем не менее, основанием считать последний дальнейшей модификацией первого. Признание такой схемы развития за решающую было бы ошибкой в духе эволюционизма. Другое дело, что оба комплекта обусловлены сходными принципами крепления псалиев, которые в истории уздечного набора первичны. Именно поэтому критерием определения ранних типов узды может быть только псалий, но не удила. Игнорирование этого нередко приводит к неверному распределению удила в типологических шкалах, а подчас — и к серьезным хронологическим ошибкам, что мы проиллюстрируем ниже.

Точные аналогии комплекту Бижэ I зафиксированы только в Казахстане.

Очень близки ему, даже тождественны с ним наборы из предсак-

¹⁵ Акишев К. А. К происхождению номадизма в аридной зоне древнего Казахстана. — В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 45.

ских и раннесакских курганов Тагискена и Уйгарака в Приаралье. Удила с прямоугольным стремечком и упором и напускные псалии с двухплановым размещением отверстий синхронны стремечковидным удилам и простым трехдырчатым псалиям. С комплектом Биже их сближает и оформление внутренней стороны стержня удил ромбическими насечками или прямоугольными пунсонами. У некоторых псалиев из Приаралья один конец расплюсчен.

Модификация уздечного набора, по мнению О. А. Вишневской и М. А. Итиной, в Приаралье происходила следующим образом: наиболее ранние стремечковидные удила и роговые трехдырчатые псалии, одновременно с ними применялись стремечковидные удила с дополнительным отверстием, затем появляются кольчатые удила и трехтрубчатые или трехпетельчатые псалии, удила с прямоугольным стремечком и псалии с отверстиями в двух планах — более сложный, а следовательно, последующий тип узды¹⁶.

Как мы уже отмечали, развитие типов узды не равнозначно постепенному видоизменению «архетипа», ибо с изобретением удил в короткий срок появились разные вариации уздечного набора. Позднее, чем в раннесакское время, на территории Казахстана, в частности Приаралья, комплект типа Биже I не встречается, большинство Уйгаракских комплексов, как это справедливо заметила Н. Л. Членова¹⁷, характеризуются настолько архаичными признаками, что не могут быть датированы временем после VII в. до н. э. Среди псалиев сакского времени нет экземпляров, демонстрирующих эволюцию двухплановых, тогда как обычные (трехдырчатые) псалии продолжали эволюционировать и имели несколько вариаций. По схеме типологической эволюции уздечного набора Приаралья, предложенной О. А. Вишневской и М. А. Итиной, комплект I — только короткая тупиковая ветвь в развитии узды, неудачное изобретение, быстро забытое и не повлиявшее на дальнейшую эволюцию. Но это не так. Показателен в этом отношении тот факт, что более «архаичный» комплект Биже I оказывал влияние на комплект II. Так, некоторые стремечковидные удила из Уйгарака дополнены хомутиком, как будто бы для напускных псалиев, хотя использовались они с обычными трехдырчатыми, среди которых, в свою очередь, есть экземпляры с удлиненным средним отверстием. Сочетание стремечковидных удил и роговых псалиев, которое принимается О. А. Вишневской и М. А. Итиной за самый ранний набор, в данном случае не типично и является анахронизмом. Комплект I в Приаралье в раннесакское время имеет несколько усовершенствованных вариаций. Кроме псалиев кюзели-

¹⁶ Вишневская О. А., Итина М. А. Ранние саки Приаралья. — В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 197—208, рис. 5.

¹⁷ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, с. 69.

гырского типа, происхождение которого впервые верно определил А. И. Тереножкин¹⁸, здесь имеются цельнолитые удила и псалии, по краям которых не отверстия, а петельки, встречаются также и вариации с пластинчатыми псалиями и с псалиями, концы которых оформлены в виде копытцев. Датируют их VII в. до н. э. и это, очевидно, верхняя дата для уздечного набора этого типа.

Вариации комплекта I имеют явные параллели и западнее Приаралья, что, очевидно, отражает сходный генезис на всей территории его распределения. Так, псалий у киммерийских удил из Высокой Могилы (VIII—VII вв. до н. э.)¹⁹ превратился в короткую муфту с двумя отверстиями по краям в перпендикулярной плоскости. Удила имеют кольчатые окончания. Этот набор особенно близок к многочисленным цельнолитым, а также к удилам с напускными псалиями из Северного Кавказа, Закавказья, Передней Азии (Ассирия, Силек «В», Марлик, Калураз, Луристан) и даже из Египта и Греции²⁰. Чаще всего удила имеют кольчатые окончания, тогда как псалии в большинстве случаев лишь вариации псалиев типа Биже I. У многих удил из этих регионов аналогичное удилам Биже оформление поверхности стержня. Эти комплекты в Передней Азии появились в конце II тыс. до н. э., а широко распространились — в начале I тыс. до н. э.²¹ Среди кобанских наборов Е. И. Крупнов и А. И. Иессен выделяют их как наиболее ранние; А. И. Тереножкин полагает, что более ранние — стремечковидные удила²².

Кроме Приаралья удила с прямым стремечком и напускными пластинчатыми псалиями известны из клада в Тюпе (северный берег Иссык-Куля), а также из могильника Джувантобе (Чиликский район Алма-Атинской области)²³. Дата VII—VI вв. до н. э., предложенная А. Г. Максимовой, очевидно, слишком ранняя для джувантобинских удил.

¹⁸ Тереножкин А. И. *Бронзовый псалий...*, с. 34—39.

¹⁹ Бидзиля В. И., Яковенко Э. В. Киммерийские погребения Высокой Могилы. — СА, № 1, 1974, с. 158—159, рис. 8.

²⁰ Пиотровский Б. Б. Ванское царство. М., 1959, с. 154, рис. 21, а, б, рис. 22, г, в; Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977, с. 79—82, табл. XIV; Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 125—126, табл. XIV, 7.

²¹ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа, с. 126; Погребова М. Н. Иран и Закавказье..., с. 79.

²² Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 149.

²³ Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайракумов. Душанбе, 1962, табл. 40(II); Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры. — В кн.: Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 386; Максимова А. Г. Курганы сакского времени могильника Джувантобе. — КСИИМК, 1960, вып. 80, с. 60—64, рис. 11.

Третьей областью распространения набора типа комплекта Биже I является Центральный Казахстан, где такие уздечки встречены в ранних погребениях тасмолинской культуры²⁴. Причем здесь они, судя по условиям находки, одновременны стремечковидным удилам и удилам стремечковидным с дополнительным отверстием (VII—VI вв. до н. э., по М. К. Кадырбаеву²⁵). Архаичный набор типа Биже I из Тасмолы при всем сходстве с приаральскими и семиреченскими представляет собой одну из технически поздних линий развития комплекта I. Псалии здесь целиком пластинчатые, в других районах бытования типа имеются псалии круглые в сечении, непосредственно подражающие форме рога. Все это вместе взятое заставляет предположить заимствование тасмолинскими племенами конструкции у сакских племен Приаралья и Семиречья. Стержни ранних тасмолинских удилов также имеют выпуклые квадратики или насечки. М. К. Кадырбаев предложил схему эволюции типов удилов тасмолинской культуры. Рассматривал он их, к сожалению, отдельно от псалиев, но исходил из верной предпосылки, что развитие шло к целесообразному упрощению. Как он считает, все типы удилов сосуществуют в раннесакское время, но наиболее архаичные удила — стремечковидные с дополнительным отверстием (I тип), которые «трудно отделить от 2 типа», т. е. просто от стремечковидных удилов, за нижнюю границу которых он берет VII в. до н. э., а за верхнюю — середину или вторую половину VI в. до н. э. С этими удилами, по его мнению, соотносятся трехдырчато-роговые, двухдырчато-крючковидные и трехпетельчатые псалии²⁶. В данной схеме конструкция всех казахстанских комплектов I признана заимствованием из Передней Азии во время военных походов саков²⁷.

С этим тезисом М. К. Кадырбаева сходна точка зрения М. И. Артамонова, который комплект I приаральских комплексов относил к сравнительно позднему времени — VI—V вв. до н. э., приняв за отправной критерий для датировки изображения конструкционно похожие уздечки на ассирийских рельефах²⁸. Большинство форм удилов он полагает происходящими из Передней Азии, откуда их принесли в Северное Причерноморье и Среднюю Азию скифо-сакские

²⁴ Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры, с. 312—314, рис. 7 (2,5); 8 (1, 7, 8); с. 323, рис. 15; с. 324—325, рис. 26(6,7); с. 401—402.

²⁵ Там же, с. 401—402.

²⁶ Там же, с. 384—386.

²⁷ Там же, с. 387; Кадырбаев М. К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннего железного века Казахстана. — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 31.

²⁸ Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н. э.). М., 1974, с. 52—53.

племена. Стремечковидные с дополнительным отверстием удила, по его мнению, восходят к двуколычатым «кобанским» (по классификации А. А. Иессена) и датируются VII в. до н. э. «В изменениях формы удила отражается обычный путь рационализации. К двуколычатым удилам повод прикреплялся посредством особой подвески со шляпкой, висевшей на крайнем из колец. С приданием этому кольцу стремечковидной формы надобность в подвеске отпала, а в дальнейшем исчезло и кольцо в основании стремечка, так как псалий снабжался или скобкой, через которую пропускалось стремечко, или крючком, вдевавшимся в последнее. В дальнейшем конструкция удила еще больше упростилась...»²⁹. Определение М. И. Артамонова основано на предположении, что в VIII—VII вв. до н. э. ни скифской культуры, ни сакской как в Северном Причерноморье, так и в Средней Азии не было: скифы в это время находились в Передней Азии, покинув территорию своих предков — племен срубной и андроновской культур — из-за усиления аридизации климата. В его гипотезе немало привлекательных сторон, но нельзя не заметить, что Передняя Азия выступает всеобъемлющей функционирующей зоной «культурной радиации», а скифы выступают в роли передатчиков ее достижений в те земли, где с уходом на Ближний Восток они оставили лагуну, а затем «заполнили» ее готовыми изобретениями. Разумеется, что основанное на стольких допущениях хронологическое определение нельзя признать доказанным.

В Семиречье и в Приаралье отмечается как взаимное сходство культур сакской эпохи обоих регионов, так и поразительный «консерватизм» культур и не менее удивительная традиционность, существование наряду с более поздними реалиями архаичных элементов, уходящих своими корнями в эпоху бронзы. Именно поэтому трудно определить «начало» сакской эпохи в этих регионах, если пользоваться для этого только характеристиками сложившейся «триады»: вооружение, конское снаряжение и «звериный» стиль. Мало помогает и анализ керамики, формы которой в Семиречье были неизменны в течение веков. Только в связи с соответствующим хозяйственным укладом археологические артефакты дают основание говорить о культуре. В социально-экономическом аспекте появление в Казахстане культуры саков (как и региональных сакских культур) следует относить по времени перехода древних племен к яйлажному и кочевому скотоводству, более конкретно — к периоду окончательной стабилизации этой формы хозяйства и соответствующей ей социальной структуры. X—VIII вв. до н. э. в этом отношении наиболее реальный период. С этого времени и на протяжении всей сакской эпохи культу-

²⁹ Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы..., с. 41—44.

рам Семиречья и Приаралья не свойствен синкретизм, который наблюдается в Центральном Казахстане и объясняется миграциями и инфильтрацией разнородных в этнокультурном аспекте племен³⁰. Традиционность в культурах Семиречья и Приаралья не равнозначна застою, а доказывает их родство и стабильное развитие в одном направлении, взаимодействие их друг с другом.

Возвращаясь к комплекту Биже I, еще раз подчеркнем: относительный типологический «архаизм» еще не означает абсолютной более ранней датировки набора в комплексах раннесакского времени. Хронологический отрезок между датировкой А. И. Тереножкиным, а затем Е. Е. Кузьминой кюзелигырского псалия (последняя четверть II тыс. до н. э.)³¹ и началом VII в. до н. э. — как наиболее реального, по нашему мнению, времени бытования псалиев этого типа, входящих в уздечные наборы Семиречья (Биже) и Приаралья (Тагискен, Уйгарак), соответствует периоду развития псалиев типа I, а затем всего комплекта I.

Уздечный набор (комплект Биже I), несомненно, продолжал некоторое время существовать вместе с типологически более «поздним» Биже II. Примечательно, что упор для предотвращения смещения напускного псалия функционально соответствует дополнительному отверстию у удила типа II. В подобных псалиях, естественно, все отверстия расположены в одной плоскости.

Вообще, хотя комплект Биже I типологически первичен, кажется, что и Биже II обусловлен сходными первоначальными принципами, которым должна была отвечать узда³². А если это так, то тот синкретизм, который мы отмечали для некоторых наборов конской сбруи Приаралья, можно объяснить влиянием «архаичного» набора. Древние псалии с перфорацией в двух плоскостях требовали особых удила и одного специфического способа соединения с последними, по-

³⁰ Акишев К. А. Саки азиатские и скифы европейские..., с. 57—58.

³¹ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. — САИ, вып. В 4—9. М., 1966, с. 59—60.

³² В этом аспекте интересна типологическая эволюция тагарских удила по Н. Л. Членовой: удила с двойными внешними кольцами, удила с прямоугольной петлей и дополнительным отверстием, удила стремечковидные с дополнительным отверстием, просто стремечковидные удила (см.: Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история..., с. 69—70). Удила с двойными кольцами в доскифское время синхронны удилам с напускным псалием, имеющим крайние отверстия в другой плоскости. Пример — узда из Высокой Могины и удила с двойными кольцами из района Бештау, относящиеся к «предкелермесской группе» и датированные А. А. Иессеном VIII—VII вв. до н. э. (см.: Иессен А. А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. — В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1952; с. 122—127, рис. 12—14).

явившиеся удила нового типа могли использоваться с псалиями разных вариаций. С этого периода постоянно упрощающиеся металлические удила, в свою очередь, начали определять формы псалиев. Происходит сравнительно быстрое изобретение новых типов, появляются различные варианты узды, более целесообразные, чем предыдущие.

Комплекс Биже — это тот случай в истории конской узды, когда в среде, где появляется более перспективный набор, в то же время бытуют «архетипы», обреченные из-за своей сложности на забвение.

Второй комплект из Биже абсолютно синхронен первому.

Стремечковидные удила появились уже в предскифское время, а стремечковидные с дополнительным отверстием удила в Евразии распространились только в раннескифское время — VIII—VII вв. до н. э. Раньше бытовали псалии II типа. В Центральной Европе металлические трехдырчатые псалии с отверстиями в одном плане появляются в раннегалльское время. Чаще всего они имитируют костяные прототипы, поэтому имеют грибовидные утолщения на концах или шляпки³³. У некоторых из них концы оформлены в виде трубочек, а у других — в виде петель, причем среднее отверстие иногда продолговатое. Восточнее этому типу псалиев, выполненных в кости и металле, соответствуют псалии белогрудовского и чернолесского типов, известные в позднеархаической культуре (белозерский этап) и в памятниках голиградской группы фракийского галльштата³⁴. В предскифское время и в раннескифский период они самый распространенный вид металлических псалиев. В бронзе они получили множество вариаций: трехдырчатые (особенно черногорского типа), трехтрубчатые (цимбальского типа), трехпетельчатые, а среди них, в свою очередь: прямые, слабоизогнутые, коленчатые и т. п. Исследователи подчеркивают совместное бытование их с удилами I и II типов по классификации А. А. Иессена³⁵.

Следующие черты сближают комплект Биже II с комплектом Биже I: орнамент «ромбики», специфичный для карасукской куль-

³³ Граков Б. Н. Ранний железный век (культура Западной и Юго-Восточной Европы). М., 1977, с. 38; Kutlicova O. Op. cit p. 67, fig. 8; Samolin W. Western elements in the art of Ch'ü—Early Chinese art and its possible influence in the Pacific basin v. I, Intercultural Arts press, New York, 1972, p. 192—193, fig. 2.

³⁴ Археология Украинской ССР в 3-х томах. Т. I. Киев, 1971, с. 423, рис. 118 (4, 5); т. 2. Киев, 1971, с. 26—27, рис. 8(2); Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 147—160.

³⁵ Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР. — СА, 1953, XVIII, с. 52, рис. 2; Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 147 и сл.; Граков Б. Н. Ранний железный век..., с. 125—127.

туры и раннесакских памятников Приаралья³⁶; дуговидный изгиб обоих псалиев, конусообразные завершения одного конца, величина крайних отверстий, размеры удили и псалиев. Это говорит о том, что оба комплекта узды из Биже одновременны и составляют «чистый» комплекс. Однако есть и существенные отличия, вызванные большим типологическим «архаизмом» комплекта I. У псалиев второго типа один конец имеет эллипсоидное утолщение, как у некоторых псалиев черноморского типа, у псалиев первого типа конец плоский в виде лопаточки, что находит некоторые параллели среди трехпестельчатых киммерийских типов с ложковидным окончанием псалиев «предкелермесской группы» VIII—VII вв. до н. э. из Северного Кавказа и Поднепровья³⁷. Несомненно, что оформление конца псалия в виде круглого диска — явление того же рода, что и оформление псалиев грибовидными шляпками. Среди киммерийских псалиев VIII—VII вв. до н. э. синхронны типы с грибовидными наверхими, ложечковидными окончаниями, напукские псалии в виде коротких муфт и удила с дополнительными звеньями, имеющие кнопки, как перпендикулярные стержню, так и параллельные ему³⁸. Все эти особенности не что иное, как передача в металле исходной полукруглой формы головки кости — материала архетипов псалиев вообще.

Подобная манера оформления конца псалия зафиксирована и среди карасукских псалиев Ордоса³⁹. Среди несколько более поздних аналогий уже упомянутые псалии из Уйгарака, где концы уплощены или имеют вид копытца⁴⁰, и некоторые раннескифские⁴¹.

Точные аналогии псалиям типа Биже II представляют псалии из Южного Тагискена (к. 40) и Уйгарака (к. 50)⁴². Очень близки они и типу псалия на литейной форме из поселения Дальверзин⁴³, псалиям из I слоя тепе-Гияна и некрополя «В» тепе-Сиалка, датированных

³⁶ Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972, табл. 22; Новгородова Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970, рис. 22; Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. — ТХАЭЭ, VIII. М., 1973, табл. XXVI, с. 103.

³⁷ Иессен А. А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе, с. 122—127, рис. 12, 14; Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 69 и сл.

³⁸ Либеров П. Д. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. — В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1962, табл. 1; Анфимов Н. В. Новый памятник древнемеотской культуры. — В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 44—46, рис. 3.

³⁹ Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи, табл. 60(17).

⁴⁰ Вишневская О. А., Итина М. А. Ранние саки Приаралья, с. 202.

⁴¹ Иессен А. А. Некоторые памятники..., с. 117—118, рис. 7.

⁴² Вишневская О. А., Итина М. А. Ранние саки Приаралья, с. 197—208, рис. 5.

⁴³ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА, № 118, 1962, табл. XX, 3.

IX — началом VII в. до н. э.⁴⁴ Вероятно, следует датировать VIII—VII вв. до н. э. весь комплекс Биже. Прочие атрибуты конской упряжки конкретизируют датировку.

Для наверший с головками козлов из Биже характерны круглый высокопосаженный глаз, обозначение губ и ноздрей каплевидными ложбинками, соединение рога с шеей. Изображение одной головки, отсутствие композиции — все это отличительные черты архаики⁴⁵. Самые ранние стилистические параллели навершиям из Биже представлены карасукскими бронзами⁴⁶ (рис. 7, 1, 2). Головками зверей чаще всего украшали рукояти бронзовых ножей, причем под горлом животного иногда имеется петелька для ремешков. В карасукских памятниках встречаются и трубчатые навершия, подобные нашим, хотя и менее совершенные. Позднее такая трактовка перенимается раннетагарским «звериным» стилем, прослеживается она и в мотиве изображения козлов из Казахстана, стоящих «на пуантах». Изобразительный канон животных на навершиях широко распространен в раннескифское время, но ближайшие соответствия навершиям из Биже в конструкции и иконографии уходят в более ранний период.

Головки козлов — оформление трубчатых наверший — известны в Передней Азии: в Луристане, Загросе (рис. 7, 4—6). А. Годар и Р. Гиршман считают их рукоятями точил. Первый относит их к торевтике касситов или хеттов, а второй считает киммерийскими⁴⁷. Такие из них, как, например, «навершие из Загроса» (рис. 7, 6), датированное Годаром слишком древним временем — 1100—900 гг. до н. э.⁴⁸, являются едва ли не копиями наверший из Биже.

Украшение различных предметов: кельтов, топоров, наверший штандартов, рукоятей, имеющих трубчатые втулки, головками, реже целыми фигурками животных — специфическая черта переходного периода от бронзы к железу. Эта специфика характерна для культур типа карасукской, для Передней и Малой Азии, а на западе для районов обитания племен скифского времени Украины, Северного Кавказа (кобанская культура). Известны близкие к навершиям из Биже по замыслу кобанские наконечники — головки зверей с отверстием в шее, навершия из келермесских курганов, фрако-киммерий-

⁴⁴ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., с. 59—60, табл. XV, 40; Погребова М. Н. Иран и Закавказье..., с. 163.

⁴⁵ Ильинская В. А. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. — СА, 1965, № 1, с. 86—107.

⁴⁶ Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972, табл. 9 (б, 5а, 9); она же: К вопросу о первичных материалах предметов в зверином стиле. — В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 208—217, рис. 1—3.

⁴⁷ Godar A. Umetnost Irana. Beograd, 1965, str. 26, 44; Chirshman R. Perse, Proto-iraniens, Medes, Achemenides. Paris, 1963.

⁴⁸ Godar A. Op. cit. reprod. 12.

Рис. 7. Бронзовые наворачия культур поздней бронзы и раннескифского времени: 1 — Южная Сибирь, с. Большое; 2 — Южная Сибирь, Красный яр; 3 — Северный Кавказ, г. Нальчик; 4—5 — Иран, Загрос; 7 — фрако-киммерийцы, Сарвиц Канал; 8—9 — Северный Кавказ, Келермесские курганы; 10 — Северный Кавказ, Майкопский музей; 11 — Северный Кавказ, Келермесские курганы; 12 — Северный Казахстан, оз. Боровое; 13 — Центральный Казахстан, Каркаралинск; 14 — Центральный Казахстан, Карагандинская обл.; 15 — Центральный Казахстан, Тасмола V, к. 2; 16 — Тува, Аржан; 17—18 — Монголия, Ордос

ские «скипетры» с втулкой⁴⁹ (рис. 7, 7—11). В. А. Ильинская, анализируя большую серию конструктивно сходных «скипетров» предскифской поры, отмечает, что у скифов они бытуют до IV в. до н. э.⁵⁰ Есть они и в савроматских комплексах⁵¹.

В Сибири, кроме Минусинской котловины, в доскифское и раннескифское время втульчатые навершия с зооморфным оформлением известны в Туве и Ордосе⁵² (рис. 7, 16—18). В Аржане, где навершия, как и в Биже, входят в состав сбруи, они имеют пирамидальную втулку, боковую петлю для ремня и отверстие для шплинта. Украшены они полной фигурой барана.

Интересны навершия из Северного и Центрального Казахстана⁵³ (рис. 7, 14—15). Самое раннее из них входит в уздечный набор из кургана 2, Тасмола V, где обнаружен набор сбруи, очень похожий на наш. У пары этих наверший втулка заменена большим кольцом, внизу имеется продолговатое, более узкое дополнительное колечко. Навершие венчает полная фигура козла «на пуантах». Тасмолинские козлы, как и головки из Биже, профилированы аналогично. По М. К. Кадырбаеву, курган 2, Тасмола V, относится к VII—VI вв. до н. э.⁵⁴, но нам кажется, что навершия и весь комплекс не могут быть моложе VII в. до н. э.

О назначении загадочных наверший мнения расходятся. Совершенно очевидно, что употребление втульчатых предметов с зооморфным декором не было одинаковым. Мы отмечали, что в доскифское и раннескифское время головки животных, а реже — целые фигуры, оформляют многие предметы практического назначения, имеющие трубчатую втулку, и вещи, подражающие по форме утилитарным, но носящие ритуальный смысл и значение инсигний власти. У всех у

⁴⁹ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа, с. 79, 108, табл. V (4—6); Археология Украинской ССР. Киев, 1971, с. 54, табл. 2, рис. 16; Ильинская В. А. Культовые жезлы скифского и предскифского времени. — В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 207—208, рис. 1 (2,5), 3.

⁵⁰ Ильинская В. А. Культовые жезлы скифского и предскифского времени, с. 208.

⁵¹ Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К. Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек. — В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, с. 141, рис. 3(2).

⁵² Грязнов М. П., Маннай-Оол М. Х. Третий год раскопок кургана Аржан. — В кн.: Археологические открытия 1973 года. М., 1974, с. 193; Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история..., табл. 29 (43—44).

⁵³ Грязнов М. П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. — КСИИМК, вып. 61, 1956, с. 73—76, рис. 4(1,5); Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история..., табл. 29(48); Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры, с. 394—396.

⁵⁴ Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры, с. 323—324, 294—396.

них есть втулка для штыря или древка, некоторые снабжены отверстиями для шплинтов и петлями, либо отверстиями для пропуска ремней. Украшение бытовых и ритуальных предметов, а особенно конской сбруи фигурами козла, коня, орла или грифона отражало особую роль, которая была у этих животных в мифологии. У индоираноариев конь — это зооморфный символ Космоса⁵⁵. Образ коня ассоциировался с образом Мирового Древа или Древа Жизни, «про-растающего» три сферы Вселенной. Козел и птица также входили в цикл космогонических мифов о едином организованном мире. Семантика этих образов и образа космического коня была сходной, что отражено в полиморфных композициях, где конь имеет крылья, рога и т. п. Обряды жертвоприношения коня, вроде ведийской ашвамедхи, были общеиндоевропейскими. По принципу магического сопричастия и партиципации (*pars pro toto* — часть как целое) жертву коня и колесницу могли заменять комплекты конской сбруи и детали колесницы. В этом отношении характерно, что в Биже вместе найдены несколько комплектов сбруи (удила, псалии), а наверхия, вероятно, служили деталью колесницы. Подобные наверхия, как мы показали, распространены в комплексах погребений с эпохи бронзы и до скифо-сакского времени включительно. Характерно, что распространение в Евразии типов конской сбруи связывают с перемещениями индоираноарийских племен.

Наверхия, которые входят в наборы конской упряжи и имеют втулку и отверстие для ремня, выполняют и утилитарное назначение. Они по конструкции напоминают трубчатые псалии с большим средним отверстием для удил младшего бронзового века из Западной Европы⁵⁶ (см. рис. 6, 15). Втулка и отверстие для шплинта свидетельствуют о креплении на каком-то древке, а противоположные направления стирания колец у обоих наверхий соответствуют направлениям скользивших в кольцах ремней. Тасмолинские наверхия насаждались на древко через центральное большое и круглое кольцо, а через нижние продолговатые отверстия пропусклся ремень.

В парных упряжках дышлового типа такие наверхия могли крепиться по краям ярма для проведения соответственно правого и левого ремня вожжей (в однодышловой парной повозке) и боковых или внутренних ремней (в таком случае наверхия могли венчать конец дышла; в шумерских колесницах, например, для этого использовались специальные кольца). Наконец, если допустить, что в Казахстане и в соседних странах в раннесакское время уже существовал и

⁵⁵ См.: Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культа коня у ирано-язычных племен Средней Азии и других народов Старого Света. — В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977, с. 28—54.

⁵⁶ Kutlicova O. Op. cit, p. 65, fig. 7.

оглобелый способ упряжки⁵⁷, то навершия из Биже, Тасмолы, Аржана и подобные им могли иметь прототипами наконечники оглобель (рис. 8), через кольца которых проводились вожжи.

Разумеется, наше предположение о функциональном назначении наверший, которые входят в состав сбруи, относится и к похожим по конструкции навершиям из Биже (см. рис. 7, 14—16).

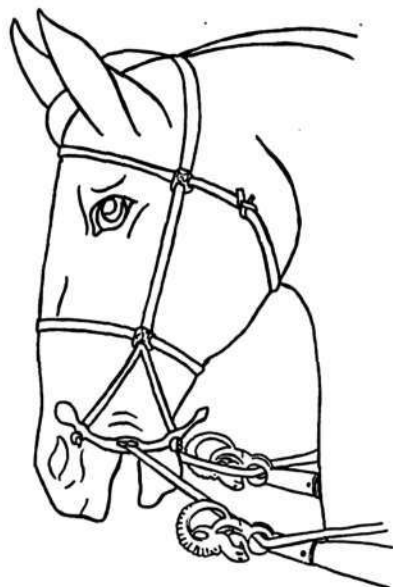

Рис. 8. Реконструкция уздечного набора из Биже

Другие детали сбруи из Биже: «шумящие» пронизи-обоймы, круглые бляшки с колечком на штыре, ременные распределители находят точные параллели в тех же комплексах досакского и ранне-сакского времени, где обнаружены соответствия нашему уздечному набору: в курганах Приаралья, Центрального и Восточного Казахстана, в Передней Азии — Силек «В»⁵⁸. Прототипами для этих принадлежностей конской фурнитуры послужили излюбленные виды украшений евразийских культур поздней бронзы, подобных карасукской, имеющих аналогии также и в афанасьевской и окуневской культурах Южной Сибири и в синхронных культурах Центральной Азии⁵⁹.

Особый интерес вызывают бронзовые подвески. Ближайшее морфологическое сходство с ними имеют ременные бляхи из Уйгарака, где фигурный отросток имитировал голову, клюв или коготь орла⁶⁰. Очевидно, подобные украшения должны быть в раннесакское время и в Сибири, так как позднее аналогичные

⁵⁷ Появление более прогрессивного, чем дышлового, оглобелого способа упряжи до сих пор достоверно зафиксировано во второй половине I тыс. до н. э. См.: Кожин П. М. Гобийская квадрига. — СА, 1968, № 3, с. 36.

⁵⁸ Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э., табл. II, 4; V, 1, 14, 15; VII, 3; VIII и др.; Арсланова Ф. Х. Новые материалы VII—VI вв. до н. э. из Восточного Казахстана. — В кн.: Древняя Сибирь. Вып. 4. Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974, с. 77—83; рис. на с. 79 (4, 5, 7, 8, 12).

⁵⁹ Новгородова Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970, гл. IV.

⁶⁰ Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э., табл. I, II; V, 19; VIII, 8, 12; XIV, 10; XVIII, 20.

мотивы здесь широко известны⁶¹. Ассоциации с подвесками из Биже вызывает своеобразная стилизация окончаний ног, а также форма глаз в изображениях птиц и «пантер» в раннем скифо-сибирском «зверином» стиле. Их трактовали в виде колечек и кружков.

Подвески из Биже менее стилизованы, чем скифо-сибирские. Возможно, их прототипами были андроновские украшения из клыков хищных животных со сверленным отверстием для подвешивания на шею или пришивания на одежду.

Вся сумма приведенных данных дает основание полагать, что вторая половина VIII в. — начало VII в. до н. э. — наиболее предпочтительная дата кладов из Биже. Комплекс Биже связывает памятники раннесакского времени, имеющие признаки карасукской культуры (Уйгарак, Тагискен), с культурой саков Семиречья. Для этого можно привести еще одно подтверждение. Неподалеку от р. Биже в районе г. Текели случайно найден бронзовый кинжал (рис. 9). Он имеет следующие размеры: общая длина 39 см, длина клинка 29 см, ширина лезвия у перекрестья 3,7 см, толщина рукояти 1,5 см, диаметр навершия 3,7 см, рукоять оружия овальная в сечении с грибовидным навершием. Прямое перекрестие отделяет ее от лезвия. Лезвие линзовидное в сечении, но к острию клинка постепенно переходит в ромбическое с едва намечающейся жилкой.

Близкими аналогами текелийскому можно считать переднеазиатские и среднеазиатские типы кинжалов (рис. 10, 1—6). Они изображены на золотой вазе из Хасанлу IV (IX—VIII вв. до н. э.)⁶², причем на вазе они соседствуют с очень похожим «талашским» типом кинжалов, имеющих рукоять с закраинами, кольцо на лезвии под рукоятью и нервюру вдоль клинка. Возможно, что здесь данный тип кинжалов известен с несколько более раннего времени. Их иногда относят к XV—XII вв. до н. э. (Луристан, некрополь «В» тепе-Силка)⁶³. Все кинжалы этих типов М. Н. Погребова считает переднеазиатскими, причем, с узкими ровными клинками — наиболее близкими к классическим образцам⁶⁴. Мечи и кинжалы, аналогичные текелийскому, зафиксированы на Кавказе чернолесского времени, в

⁶¹ Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. — Л., 1953, табл. 8—9; он же. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. — Л., 1960, табл. VIII—XVI и др.

⁶² Godar A. Op. cit. str. 54, crt. 121.

⁶³ Ibid, str. 43, crt. 91—93; Schaeffer C. Stratigraphie comparée et chronologie dans l'Asie Occidentale. Paris, 1948, pp. 96, 103, 408, fig. 44d, pl. LVIII, fig. 217, a, b.

⁶⁴ Погребова М. Н. Бронзовый кинжал переднеазиатского типа из Кедабекского могильника в Северном Азербайджане. — В кн.: Археологический сборник, вып. 37. М., 1960, с. 60—67; ее же. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977, с. 33—72.

Индии⁶⁵, в Таджикистане (Рамит)⁶⁶. У них чаще всего ромбические в сечении клинки (рис. 10, 5). Гальштатские длинные мечи с грибовидным навершием или своеобразной антенной⁶⁷ (рис. 11, 8—12) также явно родственны кинжалу из Текели.

Два кинжала из Восточного Казахстана напоминают текелийский. У одного из них, хранящегося в Семипалатинском историко-краеведческом музее (рис. 11), полая шляпка и крестовидная рукоять. Он более напоминает чернолесские кинжалы. О втором кинжале с полой рукоятью и слабовыраженным перекрестьем можно судить по публикации С. С. Черникова. Оба кинжала, несомненно, карасукские и имеют аналоги⁶⁸, хотя у последних чаще всего полая или прорезная рукоять, а также шляпка и «шип», как и у кинжалов «киммерийского типа» из Северного Кавказа, украинской лесостепи и Средней Европы (рис. 10, 7). А. И. Тереножкин отнес биметаллические кинжалы и мечи с крестообразной рукоятью и грибовидным навершием из юга европейской части СССР и Центральной Европы к киммерийским, предположив, что их типические черты заимствованы у карасукских кинжалов⁶⁹. Оставляя в стороне вопросы этногенетических процессов в Евразии, мы считаем плодотворной мысль А. И. Тереножкина о возможности проследить этапы формирования кинжалов раннескифского времени от доскифских в Сибири и Казахстане. Не следует исключать участия в этом процессе и переднеазиатских компонентов.

Кинжал из Текели, скорее всего, является местной вариацией карасукской линии развития. Если нижняя дата для него захватывает конец II тыс. до н. э. по ближневосточным аналогиям, то верхние пределы бытования не определены. Возможно, его следует отнести ко времени Биже. С появлением древнейших из раннетагарских кин-

⁶⁵ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., с. 52—53; Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа, табл. XXXV, 4; Граков Б. Н. Ранний железный век..., с. 169; Погребова М. Н. Иран и Закавказье..., с. 64—72, табл. IX—XI; Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 104—132, рис. 68, 69.

⁶⁶ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия, табл. VIII, 9; Погребова М. Н. Иран и Закавказье..., с. 68, табл. X.

⁶⁷ Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974, рис. на с. 74(1, 3), на с. 191, 145 (культура Вилланова) и 178; Граков Б. Н. Ранний железный век..., с. 28 и сл.

⁶⁸ Новгородова Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема, рис. 73, а, 38, б, с. 107.

⁶⁹ Тереножкин А. И. Киммерийские мечи и кинжалы. — В кн.: Скифский мнр. Киев, 1975, с. 3—34; он же. Киммерийцы, гл. IV.

Иная точка зрения у М. И. Артамонова: прототипы скифскому акинаку в бронзовом веке неизвестны; его формы созданы «в Передней Азии в период пребывания там скифов совместно с мидянами». См.: Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы..., с. 39—40.

Рис. 9. Бронзовый кинжал из Текели

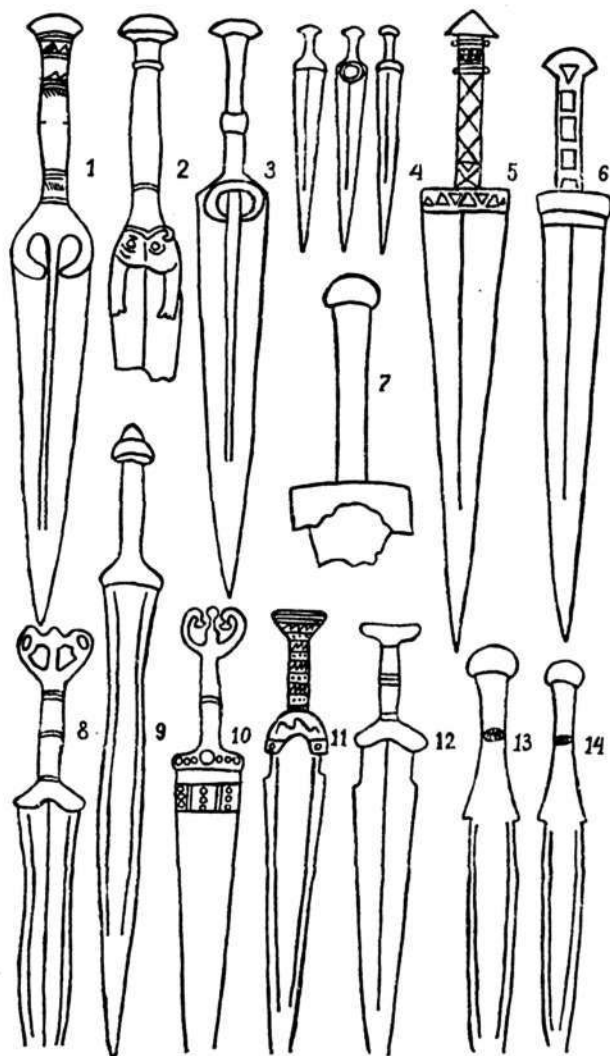

Рис. 10. Типы бронзовых и биметаллических кинжалов Евразии (середина II тыс. до н. э. — VII в. до н. э.): 1—2 — Луристан; 3 — Шумер, Ур; 4 — рисунок на вазе из Хасанлу; 5 — Таджикистан, с. Рамит; 6 — Талыш; 7 — Северный Кавказ, с. Кескем (биметаллический); 8 — культура Вилланова. Период Беначчи II; 9 — Гальштат «С»; 10 — Гальштат «Д». Гундерсинген, Вюртемберг; 11 — Гальштат «В». Культура полей погребений; 12 — Гальштат «В». Меч с гашевидным навершием; 13—14 — карасукские кинжалы

жалов с прямым перекрестием, демонстрирующих эволюцию карасукских типов, сходство их с текелийским в некоторых деталях увеличивается: рукоять и шляпка становятся сплошными⁷⁰, зато более широкими, а сами кинжалы короче.

Находка в Семиречье кинжала, связывающего местное оружие досакского и раннесакского времени, позволяет по-новому представить развитие типов кинжалов и длинных мечей в этом регионе, где их эволюция проходила, скорее всего, не по савроматскому образцу, а своеобразно, напоминая тагарскую линию развития.

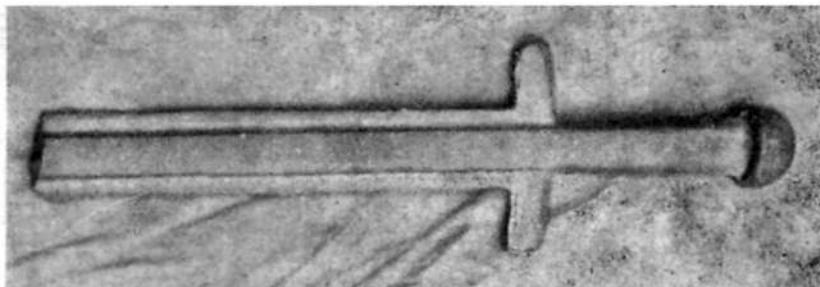

Рис. 11. Бронзовый кинжал из Семипалатинского историко-краеведческого музея (без инвентарного номера)

В последние годы все чаще выдвигается гипотеза о необходимости удревнения начала сложения сакской культуры на целое столетие. Эта дата впервые достаточно аргументирована М. П. Грязновым на материалах кургана Аржан⁷¹.

Раннесакская бронза из Семиречья подтверждает, что вторая половина VIII — начало VII в. до н. э. в Семиречье необходимо считать временем уже сложившейся сакской культуры. Формирование же всех элементов культуры корнями уходит в эпоху бронзы. Их истоки — во времени распространения в Евразии индоиранских племен, частью которых, вероятно, были и андроновцы и карасукцы. Именно индоиранцы разработали многие виды конской упряжки. Они были хорошо знакомы и с колесницами. Их знать традиционно

⁷⁰ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история..., с. 14—25, табл. I, III; она же. Карасукские кинжалы. М., 1976.

⁷¹ Грязнов М. П. Некоторые вопросы хронологии ранних кочевников в связи с материалами кургана Аржан. — В кн.: Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана, с. 6—10. А. И. Тереножкиным предложена дата: вторая половина IX — первая половина VIII в. до н.э.; см.: Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 210—211.

принадлежала к варнам или пиштрам всадников, о чем свидетельствуют и захоронения с лошадью и обряды жертвоприношения коня. Те аналоги, которые мы находили среди памятников различных культур Евразии, указывают, с одной стороны, на общность их генезиса, а с другой — на непрекращающиеся этнокультурные контакты между различными племенами. Комплекс Биже, вероятно, представляет собой полный комплект снаряжения колесницы, видимо, связанный с общеиндоевропейским, а конкретно — с сакским ритуалом жертвоприношения. Время комплекса — вторая половина VIII — начало VII в. до н. э.

Э. Ф. КУЗНЕЦОВА

СПЕКТРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ТАЛДЫ-КУРГАНСКОГО КЛАДА¹

Проанализированы находки металлических изделий клада из Талды-Курганской области (см. табл.). Пробы отбирались из различных деталей конского снаряжения (в трех образцах пробы взяты из двух разных точек). Анализ проводился на кварцевом спектрографе ИСП-30 в дуге постоянного тока ($i=6a$), спектры регистрировались на фотопластинках «тип П» чувствительностью 13 ед. ГОСТа, источник возбуждения — генератор ДГ-2.

Проведена расшифровка полученных спектрограмм (полуколичественные определения) на следующие элементы-примеси: Cu, Pb, Zn, Sn, Au, As, Sb, Bi, Ni, Co, Fe, Ag, Mo, W, V, Sr, Ba, In, Ge, Ga.

Данные анализа позволили представить полную картину состава металла исследуемых образцов. Все предметы очень близки по составу и изготовлены из одного и того же сырья, медно-мышьяковистого сплава. Исключение составляет навершие, сделанное из оловянистой бронзы. Следует отметить высокое содержание элементов-примесей: свинца (0,03—0,3%), цинка (0,02—0,5%), серебра (0,005—0,7%). В повышенных количествах зафиксированы никель (0,01—0,1%) и кобальт (до 0,1%). Висмут (0,03—0,2%) и сурьма (0,007—0,03%), видимо, привнесены мышьяком как сопутствующие элементы. Для данных образцов характерны также незначительные примеси золота (~0,005%).

В целом находки небольшой группы предметов из Семиречья, сделанных из медно-мышьяковистого сплава, представляют интерес, так как небольшое количество анализов, выполненных для бронзовых изделий Казахстана сако-сарматского периода, показало широкое распространение оловянистых бронз².

¹ Приложение к статье К. А. Акишева и А. К. Акишева «Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры».

² Черников С. С. К вопросу о составе древних бронз Казахстана. — СА, 1951, XV; Кузнецова Э. Ф. Бронзовые предметы могильника Сынтас по данным спектрального анализа. — В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976.

Результаты спектрального анализа

№ проб	Предмет	Содержание элементов, %													
		Pb	Sn	Ag	As	Sb	Au	Fe	Ni	Co	Zn	Bi	Cr	Mn	Cu
1	Навершие (1-я проба)	0,2	1—3	0,07	0,5	0,01	—	0,003	0,01	—	0,02	0,02	0,03	0,002	Осн.
1а	Навершие (1-я проба)	0,1	1—3	0,03	0,4	0,007	0,001	0,005	0,02	—	0,5	0,5	0,05	0,003	•
2	Удила	0,03	0,003	0,05	1—3	0,007	0,005	0,03	0,03	0,007	0,05	0,1	0,003	—	•
2а	Удила (2-я проба)	0,07	0,001	0,02	3,0	0,007	0,002	0,001	0,01	0,005	0,04	0,1	0,003	—	•
3	Псалии	0,07	0,002	0,007	1,0	0,01	0,005	0,01	0,1	0,03	0,05	0,1	0,007	—	•
3а	Псалии (2-я проба)	0,09	0,001	0,03	3,0	0,03	0,005	0,005	0,1	0,02	0,03	0,2	0,01	0,001	•
4	Пронизка-обойма	0,07	0,001	0,01	3—5	0,01	0,007	0,001	0,03	0,005	0,02	0,1	0,003	—	•
5	Ременные распределители	0,1	—	0,007	5,0	0,03	0,01	0,03	0,05	0,01	0,07	0,1	0,005	0,005	•
6	Подвеска	0,1	Сл.	0,005	1,0	0,01	0,005	0,01	0,05	0,01	0,1	0,2	0,003	—	•
7	Бусы	0,07	0,001	0,01	1—3	0,01	0,001	0,05	0,003	0,03	0,05	0,1	0,005	—	•
8	Бусы (2-я проба)	0,02	—	0,002	2,0	0,01	0,007	0,002	0,03	0,01	0,05	0,05	0,002	—	•

Отсутствуют: W, V, Sr, Ba, Mo, In, Ge, Ga.

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ В „ТРЕХРОГИХ“ ГОЛОВНЫХ УБОРАХ ИЗ СЕМИРЕЧЬЯ

С. М. АХИНЖАНОВ

В 1969 г. в Джамбулской области у села Майтобе, на южном берегу озера Бийликуль, найден фрагмент каменной плиты с изображением лица человека, выполненным техникой контурного резного рисунка¹. Оно было выгравировано на плоском зеленоватого цвета сланце, длиной 70, шириной 66 и толщиной 10 см.

Само лицо сохранилось хорошо. Оно круглое с большими щеками. Крупные глаза миндалевидно-овальной формы посажены близко к переносице. Нос прямой, удлинённый, с небольшим расширением к основанию. Он прорезан одной линией вместе с бровями, дугой изогнутыми над глазами. Это так называемая Т-образная прорисовка носа и бровей в едином комплексе, типичная для художественных приемов в изготовлении половецких каменных изваяний². Контур рта прослеживается плохо. К левому уху прикреплена серьга

¹ В настоящее время это изваяние выставлено в Государственном музее искусств Казахской ССР в г. Алма-Ате.

² Цлетнева С. А. Половецкие каменные изваяния. М., 1974, с. 58.

с массивными трехлопастными подвесками. Правое ухо наполовину отбито.

Самым примечательным атрибутом бийликульской личины является ее головной убор, состоящий из трех треугольников, вырезанных на плоской поверхности плиты (рис. 1). Он именуется в литературе «трехрогим» головным убором³ или «трехрогой» тиарой⁴.

Рис. 1. Бийликульская личина

Из-за фрагментарности изображения мы не можем с полной уверенностью говорить о его половой принадлежности, хотя на личине отсутствуют усы и борода. В таких случаях обыкновенно за критерий берутся различия в покрое мужской и женской одежды и соответствующие регалии. Так как судить о покрое бийликульской находки мы также не можем, обратимся к подобным изваяниям, более целым по своей форме и имеющим такой же «трехрогий» головной убор.

Ближайшие аналогии мы находим на территории соседней Киргизии, в Чуйской долине, в районе оз. Сон-Куль и Иссык-Кульской котловине, где в разное время было найдено восемь каменных изваяний с изображениями людей в «трехрогих» головных уборах. Семь из них воспроизведены в книге Я. А. Шера, восьмое было описано В. П. Мокрыниным, но без фотографии или прорисовки его⁵. Хотя на большинстве из указанных статуй руки, детали одежды и другие аксессуары древним ваятелем также не показаны, но на некоторых скульптурах с «трехрогой» короной обозначена верхняя одежда в виде мантии-накидки без рукавов⁶. Помимо нее на изваянии, описанном В. П. Мокрыниным, изображена гривна с подвеской в виде соединенных прямоугольника и ромба.

³ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, с. 19; Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.—Л., 1966, с. 100.

⁴ Кызласов Л. Р. К истории шаманских верований на Алтае. — КСИМК, вып. XXIX, 1949, с. 50.

⁵ Археологические памятники Прииссыккуля. Фрунзе, 1975, с. 114.

⁶ Там же, с. 114; Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья, табл. XVI, 71.

Подобные мантии-накидки встречаются в основном как атрибут женской верхней одежды на всех изображениях, рисованных и объемных, из района Согда и Тохаристана⁷. Следует указать на бытование, возможно, близкой к ним по назначению верхней накидки в южно-русских степях у половецких женщин. Например, плечи трех явно женских изваяний, приведенных в работе С. А. Плетневой, прикрыты какой-то плотной пелериной, зубчатой по нижнему краю⁸.

Данные примеры, на наш взгляд, делают вполне доказательными утверждения В. П. Мокрынина о том, что специфические каменные изваяния Семиречья, на которых нет признаков мужского пола и оружия, но одетые в мантии-накидки или увенчанные «трехроги-ми» головными уборами, можно считать, женскими скульптурами⁹. Следовательно, и бийликульская личина в «трехрогом» головном уборе изображала женщину.

В таком случае отпадает необходимость искать параллели «трехрогим» головным уборам каменных изваяний Семиречья в близких, на первый взгляд, к ним по форме коронах сасанидских царей, изображенных на серебряной утвари и монетах, а также на скальных рельефах. К тому же, как уже отмечал Л. Р. Кызласов, короны, украшающие головы царствующих особ, далеко не идентичны «трехрогим» головным уборам женских каменных статуй. Они состояли не из острых треугольников, а из ступенчатых зубцов и количество их явно превышало число 3¹⁰.

Более близко по форме к «трехрогому» головному убору изображение головного убора правителя, выбитого на лицевой стороне монеты, найденной на городище Ханабад, исследуемой в городе Ташкенте. Монета датируется VIII в. и относится к редкой разновидности тюрко-согдийских монет с парным изображением правителя и правительницы. Голову правителя венчает «трехрогий» шлем, причем средний рог выше крайних, а все рога наклонены в одну сторону, хорошо заметен нащечник; на голове правительницы простая прямоугольная корона¹¹. На реверсе монеты выбита тамга, свидетельствующая о принадлежности подобных монет тюркским правителям Шаша. Вокруг тамги согдийская надпись.

Шлем правителя по форме и своим особенностям близок головным уборам рыцарей, сражающихся между собой, изображенных

⁷ Археологические памятники Прииссыккуля, с. 115—116; Альбаум Л. И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960, рис. 97—102.

⁸ Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния, рис. 27, табл. 77, № 1283, 1294.

⁹ Археологические памятники Прииссыккуля, с. 116.

¹⁰ Кызласов Л. Р. К истории шаманских верований на Алтае, с. 51.

¹¹ Древности Ташкента. Ташкент, 1976, с. 26, рис. 9.

на блюде¹², которое считается согдийским по происхождению¹³. На концах длинных треугольных выступов боевых шлемов рыцарей имеются наверхия, лица их защищаются нащечниками. Перед нами явно защитный головной убор воинов и отождествлять его с женскими «трехрогими» шапками на изваяниях Семиречья нельзя.

«Трехрогие» головные уборы женских каменных изображений из района Чу-Таласской долины и прилегающих местностей, не несущие на себе функций, присущих коронам правителей, тем более боевых, защитных, должны иметь какое-то иное назначение. В данной связи уместно вспомнить о глиняной статуэтке в «трехрогой» короне. А. Н. Бернштам в статуэтке видел изображение согдийца, а короне на его голове придавал «магическое значение»¹⁴. Любопытен и антропоморфный сосуд, найденный на древнем городище Талгар в Алма-Атинской области. Он представлял собой кувшин с раздутым туловом. Широкая горловина и венчик кувшина сделаны в виде головы человека. Самое интересное в сосуде — венчик со сливом, изображающим трехзубчатую корону. На тулове сосуда наклеплены три крупные шишечки. Перед нами, несомненно, кувшин, имитировавший женскую фигуру, и сам сосуд использовался в определенных ритуальных целях. К. М. Байпаков датирует его IX—XI вв.¹⁵

Все сказанное, казалось бы, должно свидетельствовать о том, что обычай носить «трехрогие» головные уборы и изображение их на каменных изваяниях Семиречья могли быть заимствованы у согдийцев, тем более что покрой одежды этих каменных изваяний встречается в регионе Согда и Тохаристана. Однако в данном случае речь, скорее всего, идет о влиянии только художественных традиций согдийской школы, не характерных для тюркского искусства, о чем в свое время предполагал А. Н. Бернштам. Не отрицая воздействия художественных школ Средней Азии, которое, возможно, отразилось и на стиле изображений некоторых типов головных уборов, следует указать на то, что «трехрогие» головные уборы, имеющие определенное ритуальное значение, могли возникнуть и в среде тюрков, когда они проживали еще на Алтае и у соседних с ними народов Сибири.

На то, что «трехрогие» головные уборы являлись необходимым атрибутом одежды определенной категории женского населения древних тюрков, указывает сцена коленопреклонения, выгравированная на валуне, найденном в 1924—1925 гг. в низовьях р. Чулышман

¹² Смирнов Я. И. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. 50.

¹³ Маршак Б. И. Согдийское серебро. М., 1971, с. 61.

¹⁴ Бернштам А. Н. Изображение согдийца в коропластике Чуйской долины. — КСИИМК, вып. XIX, 1947, рис. 24.

¹⁵ Байпаков К. М. Антропоморфный сосуд из Талгара. — Археологические открытия 1973 года. М., 1974, с. 466—467.

Рис. 2. Сцена на камне из Кудыргэ

(Восточный Алтай), в урочище Кудыргэ¹⁶. На плоскости камня изображены женщина и ребенок, сидящие в величественных позах и принимающие поклонение от трех гораздо меньших по размеру спешившихся всадников. Женщина и ребенок одеты в роскошные узорчатые халаты, длинные до пят. В ушах у них серьги с каплевидными подвесками. На голове у женщины головной убор с тремя конусовидными отростками (рис. 2).

Сцена коленопоклонения, выбитая на камне, имеет несколько интерпретаций, но в основном они сводятся к двум толкованиям. А. А. Гаврилова, развивая положение Л. П. Потапова¹⁷ считает, что в данном сюжете отражались отношения между племенами тогдашнего общества — подчинение одного племени другому.

Согласно Л. Р. Кызласову, перед нами шаманский обряд погре-

¹⁶ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник..., с. 18—21, табл. VI.

¹⁷ Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953, с. 92.

бения ребенка, а величественная женщина в «трехрогой» тиаре на голове общетюркская богиня Умай, входящая в триаду высших божеств тюрков. Умай — богиня плодородия, но в то же время выступает как покровительница домашнего очага и детей¹⁸. Самое большое значение Л. Р. Кызласов придает «трехроговому» головному убору. Исследователь считает, что он является непременным атрибутом богов и жрецов, т. е. служителей культа¹⁹.

И действительно тип головного убора с выступами, лучами или отростками, чаще всего в количестве 3, встречается с эпохи неолита на огромных пространствах расселения сибирских и центрально-азиатских народов. Достаточно указать на изображения антропоморфных фигур в рогатых шапках на Завальских писаницах на р. Оке, левого притока Ангары, исследованных М. Р. Полесских²⁰. Рогатые фигуры, нарисованные красной краской, были зафиксированы Ангарской экспедицией А. П. Окладникова во многих местах Восточной Сибири²¹.

В Саянском каньоне в урочище Мугур-Саргол, на левобережье Улуг-Хема в Туве М. А. Дэвлет исследовала большое количество личин-масок, выбитых на склонах. По мнению автора, это изображения не человеческих лиц, реально существовавших когда-то, а стилизованных масок. Подобные условные маски применялись в древности при исполнении шаманских ритуальных обрядов²². Среди скопированных рисунков (а их свыше 200) наиболее массовыми являются изображения личин с «антенной» в центре и двумя рогами по бокам, а также другими весьма разнообразными выступами на голове²³. Основной комплекс личин датируется бронзовым веком и связывается с окуневской культурой на Енисее²⁴. Изображения личин-масок встречаются на огромном пространстве Сибири начиная с Дальнего Востока, где на берегах Амура А. П. Окладниковым были исследованы фантастические личины в рогатых головных уборах с антеннами²⁵, имеющие значительное сходство с верхнеенисейскими²⁶. В то же время культура местных верхнеенисейских племен находилась в тесном

¹⁸ Потапов Л. П. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных. — В кн.: Тюркологический сборник, 1972. М., 1973, с. 265—286.

¹⁹ Кызласов Л. Р. К истории шаманских верований на Алтае, с. 50.

²⁰ Полесских М. Р. Завальские писаницы. — СА, 1955, XXIII, рис. 2 (9), с. 281; рис. 3 (1, 3, 5), с. 286.

²¹ Окладников А. П. Древнешаманские изображения из Восточной Сибири. — СА, 1948, X, с. 220.

²² Дэвлет М. А. Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976, с. 6.

²³ Там же, с. 11, рис. 5; с. 12, рис. 6.

²⁴ Там же, с. 16.

²⁵ Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971.

²⁶ Дэвлет М. А. Петроглифы Улуг-Хема, с. 19, рис. 13.

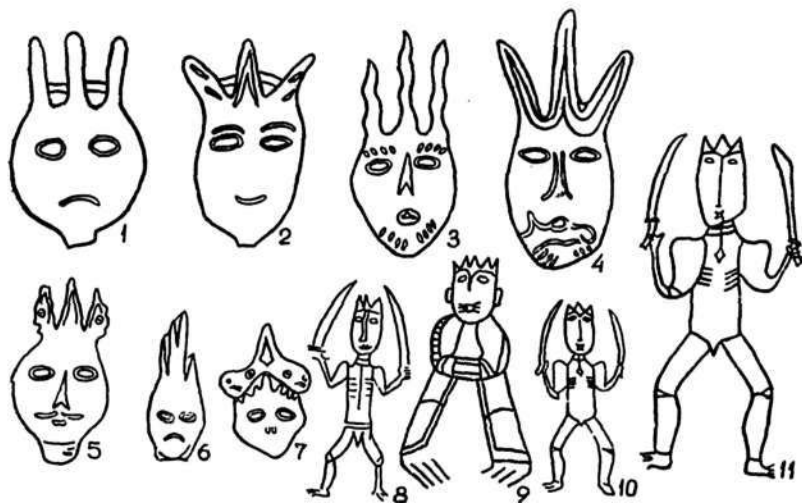

Рис. 3. Шаманские изображения древних народов севера евразийской части СССР: 1—7 — рогатые личины из Таллинского музея; 8—11 — резные шаманские рисунки на серебряной посуде из кладов

взаимоотношении и с культурами племен более западных областей древнего мира и проецируется в более позднее время. В районе Томска на поселении Самусь IV на глиняных сосудах прочерчены рисунки человеческих лиц в рогатых головных уборах²⁷.

В историческом музее Эстонии (г. Таллин) хранится интересная коллекция из десяти бронзовых личин, найденных в северных районах европейской части СССР. На всех личинах, имеющих округлую или слегка вытянутую форму, изображены «три выступа в виде зубцов короны»²⁸. Личины плоские и отлиты каждая в односторонней литейной форме (рис. 3, 1—7). Следует отметить, что среди десяти личин у одной изображен только один рог, а у другой четыре рога.

Человекоподобные существа в зубчатых головных уборах или маски в рогатых навершиях широко представлены в изобразительном искусстве в основном древнесибирских народов и жителей северной зоны европейской части СССР. Разумеется, их значение на разных территориях и в разные исторические эпохи не было однозначным. Но то, что они почти всегда выполняли религиозные функции, не вызывает сомнения.

²⁷ Матющенко В. И. Об антропоморфных изображениях на глиняных сосудах из поселения Самусь IV. — СА, 1961, № 4, с. 266—269.

²⁸ Розенфельд Р. Л. Забытая коллекция бронзовых антропоморфных изображений. — СА, 1974, № 3, с. 191, рис. 1.

Показательны в этом отношении и изображения фигурок людей, вырезанные ножом поверх основных композиций на серебряных сосудах восточного происхождения (преимущественно иранского и среднеазиатского) из многочисленных кладов серебряной утвари северного Приуралья и Приобья. По мнению ряда исследователей, сама серебряная посуда служила предметом культа²⁹. Еще большее значение придавалось ей, если на ней были врезные рисунки. Сейчас известно 18 сосудов с процарапанными на них рисунками. Первым обратил на них внимание А. А. Спицын, считавший их культовыми изображениями, причем главной особенностью изображаемых людей считал их головы «в три высокие темени», для обозначения особого дарования или силы³⁰.

Современный исследователь этих рисунков В. Ю. Лещенко, подробно изучив их семантику, разделил рисунки на типы по иконографии и разбил на хронологические группы. Центральное место на выгравированных рисунках занимают, по его мнению, человеческие фигурки в «трехрогих» головных уборах. Они показаны в фас, ноги слегка согнуты в коленях или прямые с расставленными в стороны ступнями, руки согнуты в локтях и подняты вверх на уровне плеч, в руках сабли. Второй тип изображает людей в рогатых головных уборах, но без оружия, руки спрятаны в «муфту» или опущены вниз³¹. Вооруженные фигуры в рогатых головных уборах показаны с подчеркнутым признаком мужского пола (рис. 3, 8—11). По изображениям сабель В. Ю. Лещенко датирует их IX—X вв.³²

По иконографии к врезным фигурам весьма близки три фигуры, рельефно выдавленные на бронзовой дисковидной бляхе, найденной в Приобье, хранящейся в Тобольском музее³³. Они также стоят в воинственной позе, в руках сабли в виде широких ножей с короткими эфесами. На них нанесены пояса в виде цепочки прямоугольников, на головах «трехрогие» короны, прочерченные двойным контуром (рис. 4, 1).

Самой существенной деталью всех описанных изображений являются головные уборы с тремя, реже — с одним и еще реже — с четырьмя и более выступами.

²⁹ Чернецов В. Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье. — «Труды Института этнографии. Новая серия», 1947, № 1, с. 125.

³⁰ Спицын А. А. Шаманские изображения. — «Записки Отделения русской и славянской археологии», т. VIII, вып. 1, 1906, с. 31.

³¹ Лещенко В. Ю. Использование восточного серебра на Урале. — В кн.: Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М., 1976. Приложение II, с. 176—177, рис. 19—23, 25—29, 31.

³² Там же, с. 179, 180.

³³ Спицын А. А. Шаманские изображения, рис. 4; Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тыс. нашей эры. — МИА, № 58, 1957, с. 189, табл. 22.

Все приведенные изображения обнаруживают связь с этнографическими данными. Зародившись на ранней стадии человеческого развития, в бронзовом веке, а возможно и раньше, культовые «трехрогие» головные уборы бытовали среди народов Сибири длительное время. «Рогатая» шаманская шапка являлась необходимым атрибутом шаманского костюма почти всех народов Сибири. Об этом гово-

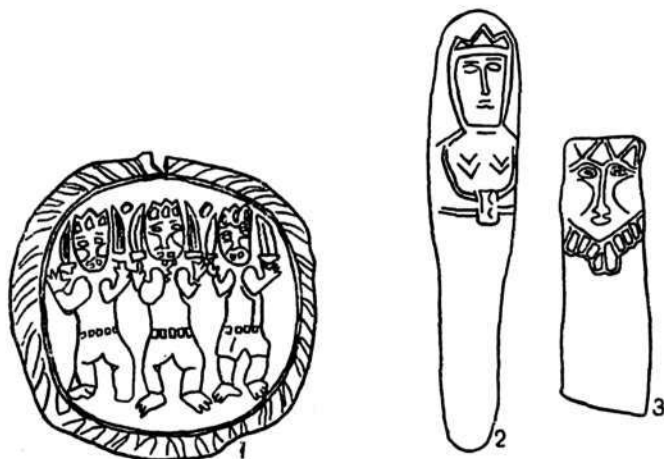

Рис. 4. Изображение людей в «трехрогих» коронах: 1 — бронзовая бляха из Приобья; 2 — миниатюрное изображение женщины из Тюменского музея; 3 — каменное изваяние с оз. Сон-Куль

рят этнографические материалы хантов, манси, эвенков, якутов, удэгейцев, кумандинцев, шорцев, тувинцев, бурят и т. д.³⁴ Треугольные отростки на головах шаманских личин изображали не только настоящие рога, но и мягкую шапку, украшенную перьями птиц, орла, филина или совы³⁵. Такие шаманские шапки были присущи казахским «баксы»³⁶ и тувинским шаманам³⁷.

«Трехрогие» головные уборы на резных фигурах свидетельствуют о шаманской принадлежности, а их позы говорят об исполнении ими ритуального шаманского танца или камлания. Фигуры с саблями в руках могут служить иллюстрацией к письменному сообщению

³⁴ Прокофьев Е. Д. Шаманские костюмы народов Сибири. — Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. XXVII, 1971.

³⁵ Дэвлет М. А. Петроглифы Улуг-Хема, с. 20, рис. 14; с. 21, рис. 15.

³⁶ Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений. Т. 1. Алма-Ата, 1961, с. 352.

³⁷ Вайнштейн С. И. Тувинское шаманство. М., 1964, с. 3—5.

Моисея Каганкатваца о том, что тюркское племя савиров в 80-х годах VII в. «приносили жертву огню и воде..., поклонялись воде и всем творениям и устраивали дикие пляски и битвы на мечях в нагом состоянии»³⁸.

В какой же связи находятся фигуры шаманов на серебряной утвари, найденной в кладках на Севере, и каменные изваяния в «трехрогих» головных уборах из Семиречья? Очевидно, эти изваяния

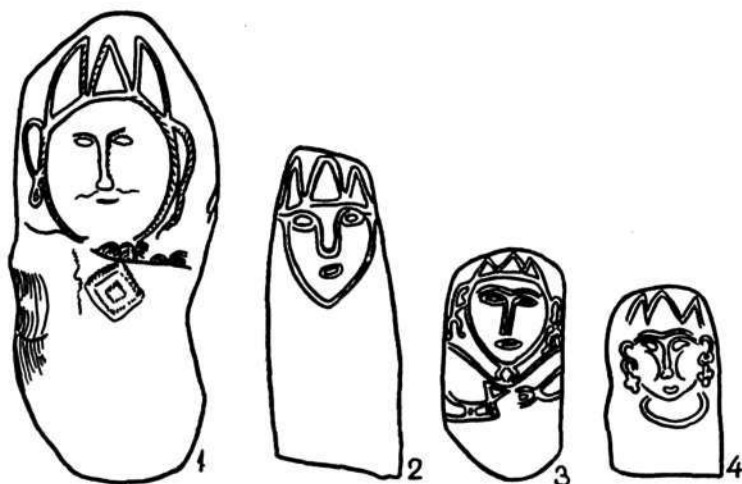

Рис. 5. Каменные изваяния в «трехрогих» головных уборах из Киргизии

также должны были изображать представителей культа тех племен, у которых в обычае было воздвижение каменных статуй. Зная, что каменные бабы в Семиречье принадлежали тюркскому этническому миру в широком смысле этого слова, мы можем предположить, что обычай изображать шаманские головные уборы на некоторых изваяниях был принесен в Семиречье вместе с приходом сюда тюркских племен с Алтая. Сам же художественный прием в изображении «трехрогих» головных уборов именно в виде треугольников мог быть и заимствован в художественной школе среднеазиатских народов. Этот прием прорисовки наверший шапок в виде треугольников проник не только в Семиречье, но и в среду древнего населения Приобья, куда в основном и поступало восточное серебро из Средней Азии. Такие «трехрогие» тиары мы видим на головах шаманов, вырезанных на серебряных блюдах из кладов.

³⁸ История агван Моисея Каганкатваца, писателя X в. Спб., 1861, с. 193.

«Трехрогие» уборы на головах воинственных фигур на бронзовой бляхе (рис. 4, 1) по манере своего исполнения также находят точную копию в «трехрогих» коронах каменных изваяний Семиречья. Даже в стиле изображения черт лица имеются близкие параллели. Это особенно видно при сравнении их с изваянием, найденным на восточном берегу озера Сон-Куль (рис. 4, 3). Подчеркнутая «мясистость» щек, одинаковая техника исполнения в прорисовке головных уборов, одинаковый способ нанесения формы пояса у фигур с саблями и «воротника» на статуе в виде раздельных прямоугольников не могут не бросаться в глаза. Сходство между ними настолько велико, что напрашивается мысль о прямой семантической связи между ними, несмотря на огромное расстояние, разделяющее их.

На груди некоторых врезных фигурок шаманов на серебряных блюдах вырезаны подвески ромбовидной формы (рис. 3, 8, 10, 11), висающие на шнурах. Подобные украшения типа ромбов являются частым атрибутом изваяний Восточного Казахстана II типа, датируемых исследователями IX—X вв.³⁹ Нередки они и на статуях из Семиречья, встречаются и на каменных изваяниях с «трехрогим» головным убором⁴⁰ (рис. 5, 1, 3). Довольно часто представлены ромбовидные украшения и среди регалий половецких каменных баб, преимущественно женских⁴¹.

По аналогии с врезными фигурами шаманов, датируемых IX—X вв., каменные статуи людей в «трехрогих» головных уборах из Семиречья, а среди них и бийликульскую «личину», следует датировать не позже X в. Этому не противоречат и иконографические и конструктивные особенности изваяний данного типа. Для них характерны обобщения форм как в изображении одежды, так и силуэта в целом: они стеловидные. Более или менее тщательно обработана лишь голова. В изображении лица и реалий применяется в основном линейно-контурная техника. На многих из них не показаны руки, сосуды, оружие, украшения. Для каменных баб Восточного Казахстана, также датируемых IX—X вв., характерны высокие конусообразные шапки, которые, вероятно, могут быть разновидностью головных уборов на каменных статуях Семиречья.

Верхней датой для изваяний в «трехрогих» головных уборах можно считать X в., так как укрепляющиеся позиции ислама в Семиречье, особенно с расцветом в данном районе государства Караханидов, не способствовали бытованию в дальнейшем каменных изобра-

³⁹ Чариков А. А. Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана. — СА, 1976, № 4, с. 158, рис. 6 (8), рис. 7 (12), рис. 9 (6).

⁴⁰ Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья, табл. XIX, 83; XXI, 97 и т. д.

⁴¹ Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния, табл. 13 (58), 31 (274), 44 (681), 49 (808) и т. д.

жений людей. Нижнюю, возможную, дату их появления можно опустить до VII—VIII вв., имея в виду, что изображение женщины-шаманки на камне в урочище Кудыргэ датируется первой четвертью VII в. Но в основном этот тип изваяний следует считать типичным для IX—X вв.

К какому конкретному тюркскому этническому коллективу можно отнести изваяния в «трехрогих» головных уборах из Семиречья?

Сначала следует ответить на два вопроса. Какой этнополитический коллектив в IX—X вв. мог вступать в тесные контакты и на юге и на севере своего ареала? У какого племени женский образ играл довольно существенную роль в их религиозных представлениях, поскольку чуть ли не одна треть ⁴² каменных изваяний изображала женщин?

Историческая обстановка на территории Казахстана конца I тыс. н. э. позволяет сделать вывод, что каменные изваяния в «трехрогих» головных уборах водружались племенами, входившими в кимако-кипчакское политическое объединение, сложившееся к тому времени в Восточном Казахстане с центром на Иртыше. Хотя Семиречье никогда не считалось этнической территорией племен, входящих в кимако-кипчакское объединение, у восточных авторов можно найти сведения о пребывании здесь в разное время некоторой части кимако-кипчакских племен. Так, опираясь на данные восточных источников, Б. Е. Кумекоев обосновал предположение, что в начале IX в. отдельные группы кимаков проникли на территорию Северо-Восточного Семиречья и даже расселились в Илийской долине ⁴³. Имеются также сведения о соседстве кимаков с какой-то группой киргизов, поселившихся в тот период на Тянь-Шане ⁴⁴.

Конечно, кимако-кипчакские племена на территории Семиречья жили не компактной массой, а перемешку с другими племенами, в частности с карлуками, с которыми им приходилось не раз сталкиваться. О подчинении карлукского племени алка-булак кипчакам сообщает Махмуд Кашгарский. «Булак — тюркское племя. Они бы-

⁴² Хотя Я. А. Шер в своей монографии бесспорно женскими скульптурами признавал только 11 статуй из 145 изученных, В. П. Мокрынин считает, что многие «бесполое» скульптуры, а их насчитывается до 30% от общего числа, могли быть женскими. (См.: Археологические памятники Прииссыкуля, с. 113). А. А. Чариков предполагает, что среди восточноказахстанских каменных изваяний, относимых им к кимакам, входящих во II группу (IX—X вв.), 50% изображают женщин. (См.: Чариков А. А. Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана, с. 160).

⁴³ Кумекоев Б. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, с. 54—56.

⁴⁴ Там же, с. 66—67.

ли в подчинении у кипчаков, но затем спаслись»⁴⁵. Согласно Кашгарскому, «Кенджак Сангир — город вблизи Тараза. Эта пограничная крепость кипчаков»⁴⁶, т. е. кипчаки обитали на территории современной Джамбулской области.

В источниках встречается термин «каркаралинские кипчаки», из рядов которых, по преданию, происходил Манас, герой киргизского эпоса. Они, согласно легенде, проживали в Кара-Кишлаке и в верховьях Таласа⁴⁷. В. А. Ромодин считает возможным локализовать топоним Каракала «у киргизов в районе озера Иссык-Куль», где и проходили киргизско-кипчакские контакты⁴⁸. Можно было бы привести еще ряд подобных свидетельств о проживании отдельных группировок кимако-кипчакских племен на рубеже I и II тыс. н. э. в районе Семиречья. Они проживали в этих местах довольно разбросанно, на что и указывает сравнительная редкость нахождения каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах.

Возможно, также от племен кимакской группировки были заимствованы изображения «трехрогих» шапок на врезных рисунках, встречаемых в таежной полосе Западной Сибири и Северного Урала, именно в том же стиле, что и на каменных изваяниях. Мы специально обращаем внимание на общий стиль в показе их головных уборов, ибо в других областях манера изображения шаманских шапок с тремя выступами, судя по бронзовым личинам из Таллинского музея (см. рис. 3), совершенно другая.

По сообщениям письменных источников, северные пределы страны кимаксов доходили до «необитаемых стран севера», так назывались таежные пространства Северной Азии. Материалы археологических исследований последних лет и, в частности, определение этнической принадлежности племен сроткинской культуры IX—X вв. как кимакской в широком значении термина⁴⁹, позволяют расширить территорию проникновения части кимако-кипчакских племен до среднего течения Оби, считая, что ранний комплекс Басандайки близок сроткинской культуре⁵⁰. Видимо, по линии Омск — Новоси-

⁴⁵ Махмуд Кошгарий. Девону луготит турк. Тошкент, 1960, т. I, с. 360.

⁴⁶ Там же, т. I, с. 444.

⁴⁷ См. примечание В. А. Ромодина к статье В. В. Бартольда «Киргизы». — В кн.: Бартольд В. В. Соч. Т. II, ч. I, с. 541, сноска 55.

⁴⁸ Ромодин В. А. Контакты киргизов с другими народами в свете ранних записей эпоса «Манас». — Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата, 1976, с. 91.

⁴⁹ Савинов Д. Г. К этнической принадлежности сроткинской культуры. — В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973, с. 189—192.

⁵⁰ Савинов Д. Г. Расселение кимаксов в IX—X вв. по данным археологических источников. — В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, с. 103.

бирск — Томск проходила граница между кимако-кипчакскими племенами и более северными этнолингвистическими группами⁵¹. В тюменском музее хранится миниатюрный удлинённый камень, на котором изображена женщина с сосудом в обеих руках и в «трехрогом» головном уборе⁵² (см. рис. 4, 2).

Находясь в непосредственной близости к жителям таежных зон, кимаки чаще других вступали с ними в торговые отношения в форме натурального обмена. Ал-Марвази писал: «Правее этих кимаков [живут] три народа, поклоняющиеся огню и воде. Они [кимаки] торгуют с чужеземцами и объясняются с ними при помощи знаков... Чужеземец лишь кладет свой товар на бревно, приходит кимаки и кладет напротив товара [вещь] для обмена... Чаще всего они [чужеземцы] просят кубки из красной меди»⁵³. Это один из возможных путей поступления металлической утвари жителям Приобья. При обычной ориентации с севера на юг, принятой в арабской географической литературе, «правая» сторона будет означать запад, т. е. племена «чужеземцев», живущих правее кимаков, должны были населять Приобскую низменность до Урала и относиться, скорее всего, к угорским народам. В «Истории» Мубаракшаха при описании идентичного немого обмена конкретно называется местность, где проживали «чужеземцы». Она называлась «лесом Лаура»⁵⁴. В «ал-Канун ал-Масуди» Бируни эта же местность именовалась «лесом Юра»⁵⁵. Юра — это угры, проживавшие в бассейне Оби и далее к северо-западу, где в основном и встречаются шаманские фигурки в «трехрогих» головных уборах. Вероятно, стилистические особенности изображаемых на их головах «рогатых» шапок жители Западной Сибири заимствовали через кимаков.

Переходя ко второму вопросу, вспомним, что у западной ветви кипчаков — половцев южнорусских степей — существовал культ предков по женской линии, что нашло свое отражение в массовом сооружении женских статуй, количество которых доходит до половины от общего количества выявленных изваяний. Такой обычай свидетельствует о большой роли, которую играли женщины в половецком в целом патриархальном обществе. Однако обычай почитать женский образ, как и обычай ставить памятник умершему предку, не мог сразу возникнуть у половцев на их новой родине, а был выне-

⁵¹ Там же, с. 102—103.

⁵² Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья, с. 61, рис. 18.

⁵³ Храковский В. Шараф ал-Заман Тахир Марвази. Глава о тюрках. — Труды сектора востоковедения АН КазССР, т. I. Алма-Ата, 1959, с. 214.

⁵⁴ Умняков И. «История» Фахрэддина Мубаракшаха. — ВДИ, 1938, № 1(2), с. 111.

⁵⁵ Там же.

сен, конечно, из старых мест их проживания, из кимако-кипчакской среды. Каменные изваяния Семиречья в «трехрогих» головных уборах, будучи только женскими, могли сооружаться племенами входящими в кимако-кипчакскую группировку, ибо только у кимаков в тот период прослеживаются пережитки матриархата в общественном устройстве. Сохранение определенных норм матриархальных отношений среди половцев было выявлено исследованиями С. А. Плетневой, Г. А. Федорова-Давыдова и др., а о подобных пережитках у самих кимаков свидетельствует, на наш взгляд, следующее предание, сохранившееся у автора XI в. Гардизи. У него сказано: «Шад (предводитель кимаков. — С. А.) однажды стоял на берегу Иртыша со своим народом; послышался голос: Шад, видел ли ты меня в воде? Шад ничего не увидел, кроме волоса, плавающего на поверхности воды! Он... вошел в воду и схватил волос. Оказалось, что это была его жена Хатун. Он спросил ее: Как ты упала? Она ответила: Крокодил (неханг, дракон) схватил меня с берега реки. Кимаки оказывают уважение этой реке, почитают ее, поклоняются ей и говорят: «Река — бог кимаков»⁵⁶.

Почитание реки, а также ее духов в виде голоса из воды, водяного дракона является одним из доказательств бытования шаманизма как формы религии в среде кимаков. Поклонялись они именно духам нижнего мира, которые всегда выражаются в женском образе. Река, водяной дракон, сама женщина как созидательница и мать человечества являются однозначными символами божества нижнего мира, плодородия и всего сущего на земле.

Подобные представления кимаков, поклоняющихся женским духам, несомненно, являются отражением существования в их среде значительных пережитков матриархата, одним из проявлений которых и был обычай сооружать каменные изваяния в честь почитаемого предка по женской линии. Некоторые немногочисленные типы изваяний в «трехрогих» головных уборах можно считать изображениями шаманок, о чем свидетельствуют водруженные на их голову «рогатые» навершия. Возможно, такие статуи несли на себе двойную смысловую нагрузку: почитание культа предка по женской линии и изображение шаманок, которым поклонялись племена кимако-кипчакской группировки.

⁵⁶ Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894. — ЗИАН СИФ, сер. VIII, т. I. Спб., 1897, № 4, с. 106.

ГОРОДИЩА ТИПА „ТОРТКУЛЬ“

Н. М. БАЙПАНОВ

В свое время В. В. Бартольд обратил внимание на городища Семиречья, известные под общим названием «торткуль» (турткуль), что в переводе с тюркских языков означает четыре озера¹.

Впоследствии выяснилось, что торткули располагаются крупными компактными группами. В Илийской долине обследована одна из них, состоящая из 66 городищ. Все они имеют сходную планировку, где выделяется прямоугольный, трапециевидный или округлый в плане участок, возвышающийся над общей поверхностью и окруженный со всех сторон валом с башнями по углам и периметру. В линии валов прослеживаются в виде разрывов один, два или четыре въезда. Большинство городищ ориентированы углами по сторонам

¹ Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. — Соч., т. IV. М., 1966, с. 31. Таким названием памятники обязаны тому, что весной во время таяния снега в ложбинах, которые окружают городища и являются остатками древних рвов, скапливаются талые воды, образуя озера или болотца. В Илийской долине распространены и другие названия городищ — торт-бурыйш (четыреугольник) и кора (двор).

света. Внутри стен поверхность их ровная, понижающаяся к центру. Размеры сторон от 40—50 м до 1 км и более. Иногда к центральной части примыкает территория, также окруженная валом, но меньшей высоты.

Необходимость сопоставления городищ и осмысления их в культурно-хозяйственном плане заставила обратиться к поискам аналогий. Оказалось, что памятники подобного типа широко распространены не только в Семиречье, но и на Тянь-Шане², в Иссык-Кульской котловине³, Центральном Казахстане⁴, в Туве⁵ и Монголии⁶. Похожие памятники такой же или несколько иной планировки известны в низовьях Сырдарьи⁷ и в Приазовье⁸. В основном они датируются VII—XIV вв. (рис. 1).

Данные городища характерны для районов, где издревле в хозяйстве населения доминировало скотоводство.

Раскопки, изучение и осмысление этих памятников представляют большой интерес, поскольку они позволяют проследить процессы, связанные с переходом кочевников к оседлости и формированию у них городов. Решение указанной проблемы во всех аспектах — дело будущего.

В предлагаемой статье рассматриваются вопросы типологии памятников типа «торткуль» и пути возникновения оседлых поселений и городов в условиях кочевого и полукочевого быта.

По поводу типологии торткулей существуют различные точки зрения.

На Тянь-Шане наиболее типичными из группы торткулей являются Кошой-Коргон (прямоугольник размерами 250×280 м, с валом, сохранившимся на высоту до 8 м) и Ширдакбек в долине Алабуки (размерами 120×117 м). Городища датированы VIII—XIV вв. Оба они, по мнению А. Н. Бернштама, были городами-ставками, городами-крепостями, где во время войны укрывалось население с принадлежавшим ему скотом. Другую группу городищ меньших размеров А. Н. Бернштам считал оседлыми поселениями, возникшими в XI—

² Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, 24. М., 1951, с. 125—189.

³ Винник Д. Ф. К исторической топографии средневековых поселений Иссык-Кульской котловины. — В кн.: Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967, с. 91—113.

⁴ Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950, с. 88—106.

⁵ Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969, с. 59—63, 138—160.

⁶ Древнемонгольские города. М., 1965.

⁷ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 213.

⁸ Плетнева С. А. От кочевий к городам. — МИА, 142. М., 1967.

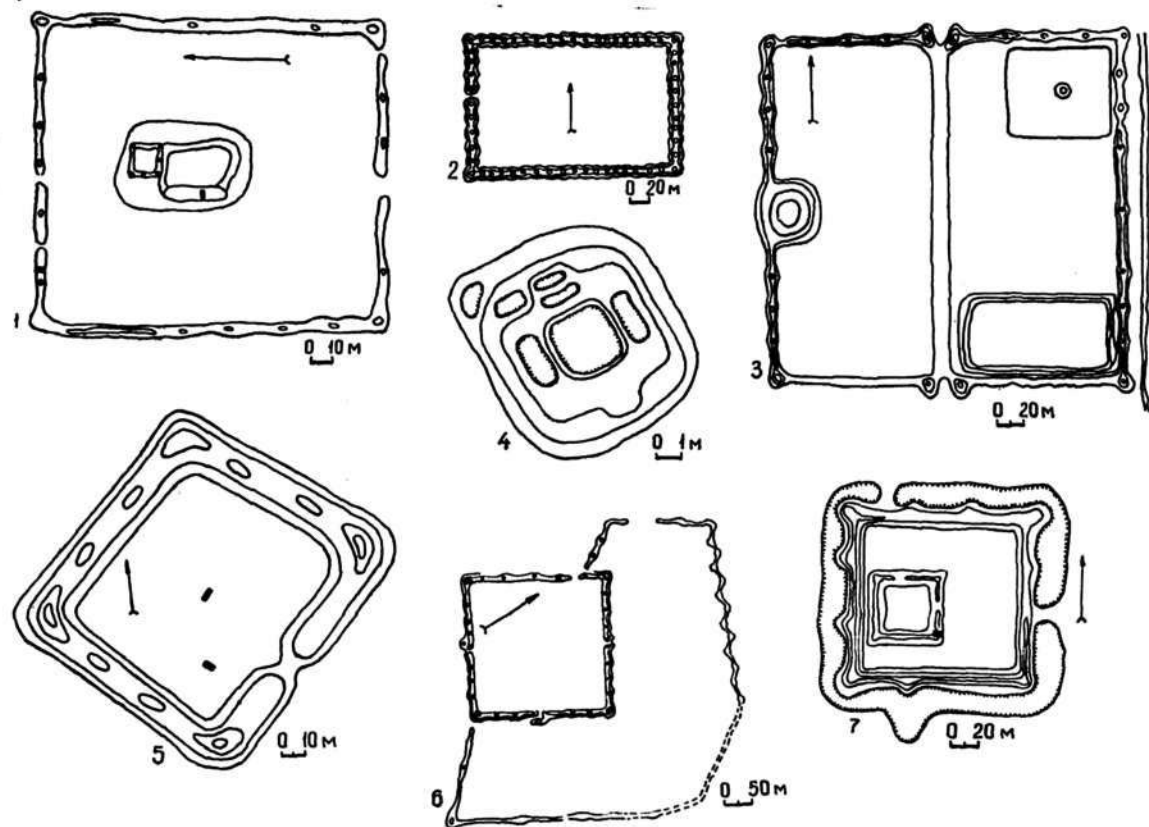

Рис. 1. Типы торткулей: 1 — Нансай, Южный Казахстан; 2 — Кырк-кюз-торткуль, Южный Казахстан; 3 — Ново-Николаевка, Чуйская долина; 4 — Поселение на р. Нуре, Центральный Казахстан; 5 — Поселение у с. Богославка, Таласская долина; 6 — Кошой-Коргон, Тянь-Шань; 7 — Шагонарское III, Тува

ХII вв. К ним он относил торткули в пойме р. Джумгал и в долине р. Токуз-Токрау⁹.

Бесцитадельные городища VI—VIII вв. зафиксированы на юго-западе Ошской области, на северных склонах Туркестанского и Алтайского хребтов, в Баткенском и Ляйлакском районах, на мысах при выходе их в долины. Исследователи полагают, что это были сторожевые посты и убежища для населения, которые использовались в случае военного нападения¹⁰.

В Иссык-Кульской котловине сейчас известно более 80 торткулей. Они составляют подавляющее большинство всех городищ. Здесь встречаются также «городища с длинными валами», характерные для районов Юго-Западного Семиречья.

Наиболее типичны для иссык-кульской котловины четырехугольные в плане городища, окруженные валами с башнями и незначительной толщиной культурного слоя. Среди них Тосорское, Каджисайское, Курментинское, Каменское и другие городища. Раскопками установлено два периода жизни на них — VIII—IX и X—ХII вв. — с расцветом в последний.

По месторасположению городища делятся на две группы. В первую входят памятники, расположенные в долинной части, ущельях гор, на трассах караванных путей. Они интерпретируются как укрепленные поселения. Городища второй группы расположены по всей котловине, но в основном тяготеют к городищам с длинными стенами. По мнению Д. Ф. Винника, они являются сельскими поселениями¹¹.

В Чуйской долине было обследовано 40 торткулей¹². По топографии они распадаются на две группы.

Памятники первой группы находятся в округе городищ с длинными валами, второй — в горных ущельях. И те и другие имеют вид прямоугольных в плане, реже круглых участков, окруженных валом с башнями. В основном они отличаются размерами и мощностью культурных наслоений. Памятники первой группы, по мнению П. Н. Кожемяко, являются остатками земледельческих поселений, развив-

⁹ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, с. 100—103, рис. 51, 52; с. 107, рис. 54.

¹⁰ Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники Бактена и Ляйлака (Юго-Западная Киргизия). Фрунзе, 1962, с. 126.

¹¹ Винник Д. Ф. К исторической топографии средневековых поселений Иссык-Кульской котловины. — В кн.: Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967, с. 101—108.

¹² Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959, с. 131—166. Некоторые из городищ обследовал А. Н. Бернштам и признал их хиснами. См.: Бернштам А. Н. Археологический очерк северной Киргизии. Фрунзе, 1941, с. 70—71.

шихся из форпостов на подступах к большим селениям¹³. Некоторые из форпостов так и остались ими, например, городища Гавриловское или у Беловодской крепости¹⁴. Другие торткули в X—XII вв. разрослись в поселения. Это городища Ново-Николаевское, Петровское и др.

Вторая группа памятников в основном датируется X—XII вв. П. Н. Кожемяко считал, что часть из них служила укреплениями и летними ставками. Некоторые впоследствии стали земледельческими поселениями¹⁵.

Аналогичная картина прослеживается и в долине Таласа. Здесь кроме городищ с длинными стенами встречаются остатки поселений с прямоугольной в плане планировкой, окруженных валом с башнями¹⁶. Например, городище у села Богославка. Это четырехугольник в плане, ориентированный углами по сторонам света, размерами 112×125 м. Валы вокруг городища достигают высоты 3,5—4 м.

Городища отличаются одно от другого размерами, толщиной культурного слоя, формой. Большинство их относится к X—XII вв. В отличие от городищ с длинными стенами, которые появились в VI—VIII вв., торткули Таласской долины являлись оседлыми поселениями, возникшими в X—XII вв.¹⁷

Тип бесцитадельного городища известен и в районах Южного Казахстана. Это Кырк-кюз-торткуль и Кремневское, датируемые X—XI вв. Первое интерпретируется как караван-сарай, второе — как город с неоформившимся шахристаном¹⁸.

В низовьях Сырдарьи городища данного типа, как правило, квадратные и овальные в плане. К ним примыкает территория подпрямоугольной или округлой формы, окруженная валом. Внутри центральной части городищ жилые помещения располагались по периметру стен. Наряду с постоянными жилищами, видимо, существовали юрты, устанавливаемые во внутреннем дворе. Городища, центральная часть которых имела размеры 60×60 м или диаметр около 100 м, по мнению С. П. Толстова, являлись укрепленными сельскими усадьбами¹⁹. Известны памятники другого типа. Для них характерны большая площадь — до 250—300 и более метров в диаметре.

¹³ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города..., с. 132.

¹⁴ Там же, с. 144—145, рис. 50; с. 151—152, рис. 58.

¹⁵ Там же, с. 153—154.

¹⁶ Кожемяко П. Н. Оседлые поселения Таласской долины. — В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, с. 177.

¹⁷ Кожемяко П. Н. Оседлые поселения Таласской долины, с. 224.

¹⁸ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. — «ТИИАЭ АН КазССР», т. 5. Алма-Ата, 1958, с. 137—138, рис. 72—73.

¹⁹ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 276—278, рис. 180.

Внутри, судя по подъемному материалу, находились ремесленные мастерские и культовые постройки. Это городские ремесленно-торговые поселения. Они существовали в X—XIV вв.²⁰

В Центральном Казахстане городища обнаружены в бассейнах рек Тургая, Джиланчика, Кенгира, Джезды и Сары-Су. Как полагает А. Х. Маргулан, одну часть торткулей можно отнести к поселениям осевших на землю джатаков (разорившихся скотоводов), основным занятием которых было земледелие, скотоводство и рыболовство, другую — к укрепленным ставкам. Некоторые из поселений носят ярко выраженный ремесленнический характер и связаны с добычей руды, выплавкой металлов и изготовлением металлической продукции. Такого рода поселения составляли важные культурно-экономические центры государства кипчаков²¹.

Интерес представляют тувинские городища, исследованные Л. Р. Кызласовым. Они датируются VIII—IX вв. и XII — началом XIII вв.²² Городища прямоугольные и квадратные в плане, окружены валами. Будучи центрами оседлости, ремесла, земледелия и торговли²³, они, по мнению исследователя, в зависимости от размеров являлись ставками феодалов, городищами-убежищами для окрестного кочевого и оседлого населения, в большинстве своем — военными крепостями.

К интересным результатам пришла С. А. Плетнева, изучавшая средневековые памятники оседлости на Дону и в Приазовье. Она выделила следующие их типы: стойбища, поселения с земляными стенами, замки и города — и проследила путь формирования городов на основе феодальных поселений и замков в VIII—X вв.²⁴

Из вышесказанного видно, как бесцитадельные городища VIII—XIV вв. в различных районах своего бытования интерпретируются по-разному. Это оседлые поселения и города-ставки на Тянь-Шане; укрепленные и сельские поселения в Иссык-Кульской котловине; земледельческие поселения и укрепления в Чуйской и Таласской долинах; караван-сарай и города с неоформившимся шахристаном в Южном Казахстане; сельские усадьбы и поселения городского ремесленно-торгового типа в низовьях Сырдарьи; замки, военные крепости, городища-убежища в Туве; поселения и ставки в Централь-

²⁰ Там же, с. 278—282.

²¹ Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана, с. 88—106; он же. Джезказган — древний металлургический центр (городище Милы-Кудук). — В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с. 42.

²² Кызласов Л. Р. Средневековые города Тувы. — СА, 1959, № 3, с. 66.

²³ Там же, с. 74—75.

²⁴ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 13—50.

ном Казахстане; поселения, замки-убежища и города в Приазовье.

Первая попытка типологизировать илийские городища принадлежит А. Н. Бернштаму. Он выделил две группы памятников — малые со стеной до 50 м и большие с длиной стен 100 м и более. Первые рассматривались как караван-сарай, вторые — как поселения полугородского типа²⁵. Отсутствие городских центров А. Н. Бернштам объясняет тем, что вся Илийская долина являлась сельской округой чуйских городов²⁶.

На наш взгляд, неправильно рассматривать Илийскую долину только как сельскую округу. Здесь были свои городские центры с развитыми ремеслами, торговлей и сельским хозяйством, а также поселения другого типа.

Определить тип городищ, осмыслить их в историко-культурном и хозяйственном плане позволяют следующие признаки: длина стен, мощность культурного слоя, наличие территории, примыкающей к центральному укреплению, окруженной дополнительным валом, устройство въезда, месторасположение городищ, хронология.

Совокупность признаков позволила выделить несколько типов памятников. В первую группу входят городища с длиной стен от 100 м и до 1 км (рис. 2). Обычно они многослойные, толщина культурных напластований достигает двух и более метров. В их жизни, по археологическому материалу, прослеживаются периоды: IX—X вв., XI—XII вв. и XIII—IV вв. Найденные при раскопках разнообразные виды керамики, стекло, монеты и другой материал свидетельствуют о развитии здесь не только земледелия, но и ремесел и торговли. К памятникам данного типа относятся городища Талгар, Сумбе, Чилик, Дунгене, Антоновское, Кок-тума (рис. 2). Внутри группы имеются и некоторые различия: если для Талгара и Сумбе характерны сравнительно небольшие размеры центральной части и вынесение застройки за ее пределы, то в топографии Чилика, Дунгене и Антоновского заметно стремление включить всю территорию городища внутрь стен. Поэтому и размеры стен здесь достигают 800—1200 м.

Городища первой группы можно рассматривать как городские центры.

Раскопки, проведенные в Талгаре, позволили определить время его жизни — IX—XIII вв. Застройка города, керамика, стекло, моне-

²⁵ Бернштам А. Н. Памятники старины Алма-Атинской области. — «Известия АН КазССР. Серия археологич.», вып. 2, 1948, № 46.

²⁶ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, с. 124. Впоследствии аналогичные взгляды были высказаны Е. И. Агеевой. См.: Агеева Е. И. Некоторые новые данные по археологии Семиречья. — КСИИМК, 80, 1960, с. 68—69.

ты, предметы ввоза убедительно свидетельствуют о нем как о крупном торговом и ремесленном центре, который занимал выгодную позицию на пересечении караванных путей. Есть предположение, что в XI в. в Талгаре функционировал монетный двор. Все это вместе взятое позволяет считать Талгар столицей левобережной части Илийской долины ²⁷.

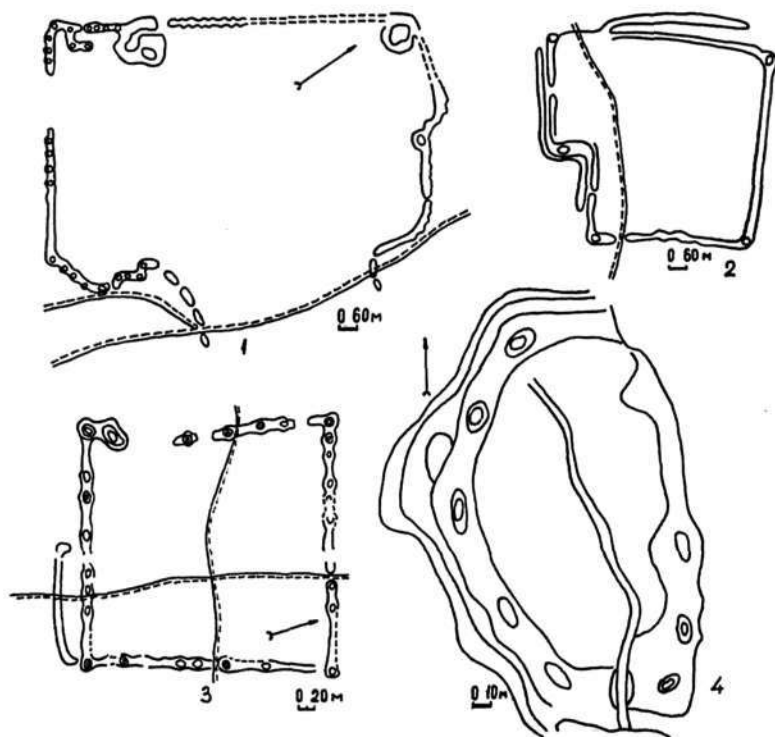

Рис. 2. Города: 1 — Антоновское; 2 — Дунгене; 3 — Талгар; 4 — Сумбе

К городам следует отнести, судя по имеющимся материалам, и Дунгене, Антоновское, Сумбе, Чилик, Коктому. Они также занимают

²⁷ Байпаков К. М. Раскопки усадьбы на городище Талгар. — В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с. 80; Нифонтова Л. К. Последние археологические поступления в Центральный музей КазССР. — «Известия АН КазССР. Сер. археол.», 1948, вып. 1, с. 116—124; Бурнашева Р. З. Монета Сулеймана б. Дауда с городища Талгар. — В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 182—186.

в Илийской долине места, наиболее удобные в стратегическом и географическом отношении²⁸.

Одним из наиболее веских аргументов в пользу городского характера названных городищ являются сведения нарративных источников. Тальхиз (Чжимуэрр), Ики-огуз (Эквиус), Каялык, столицу области источники называют городами, которые отождествляются с Талгаром, Дунгене, Антоновским и с Коктумой²⁹.

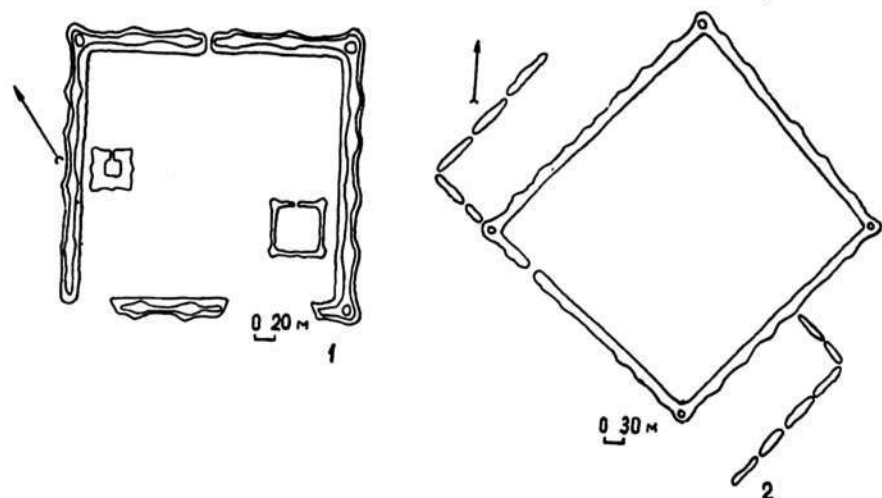

Рис. 3. Убежища: 1 — Айна-Булак; 2 — Ак-Молла

Достаточно четко выделяется и вторая группа городищ, датируемых XI—XII вв., для которых характерны большие размеры и незначительная толщина культурного слоя, иногда он вообще отсутствует. Это городища Ак-Молла, Ащи-Булак и Карабулак. Они имеют мощные укрепления, Г-образные въезды (рис. 3). Они тождественны тянь-шаньским городищам Ширдакбеку и Кошой-Коргону, Цимлянскому в Приазовье, тувинскому Шагонарскому III, некоторым уйгурским городам Монголии³⁰. В мирное время здесь располагались ставки влиятельных феодалов, в военное время укрывалось окрестное население со своим скотом. Укрепления, которые прослеживаются внутри убежищ являются, по всей вероятности, замками феодалов;

²⁸ Байпаков К. М. Раннесредневековые города и поселения Северо-Восточного Семиречья. — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 68—84.

²⁹ Байпаков К. М. О локализации городов Северо-Восточного Семиречья. — «Вестник АН КазССР», 1968, № 7, с. 21—25.

³⁰ История Монгольской Народной Республики. М., 1967, с. 92.

гарнизон ставки ютился в юртах. Видимо, поэтому в городищах культурный слой очень тонок, а иногда его вообще нет. Л. Р. Кызласов для выяснения назначения городищ подобного рода в Туве привлекает письменные источники. В них отмечается наличие у уйгуров военных «лагерей» с оградами и запиравшимися воротами, внутри которых стояли юрты и палатки³¹. В раннетюркских надписях такие крепости называются «чыт»³².

Укрепленная ставка, бывшая в то же время и городищем-убежищем, широко известна у кочевых и полукочевых народов. Туркменские прямоугольные в плане крепости на Балханах, датируемые в основном X—XII, а иногда XVI вв., по мнению исследователей, были также ханскими ставками.

Крепости-убежища зафиксированы и в позднее время. У полуседлой казахской верхушки практиковалось строительство так называемых «кала» (городов). На самом деле кала являлись четырехугольными в плане укреплениями, окруженными земляным валом и рвом. Примером такого укрепления является Клышкала размером 220×210 м. В ставке богатого феодала Клыша население укрывалось зимой и во время опасностей³³.

По сообщению М. Н. Галкина, посетившего в составе русской миссии в 1858 г. Хиву, усадьба казахского феодала Азбергана Муйнатпасова возле Кунграда представляла собой «сад, окруженный высокой глиняной стеной с бастionsами по четырем углам. Он, говорят, выдержал осаду туркмен, причем внутри его помещалось до 1500 кибиток»³⁴. Внутри крепости кроме фруктового сада имелись хауз, посевы пшеницы и джугары.

Подобного типа городища-ставки и городища-убежища распространены также среди туркменского и каракалпакского населения Хорезма³⁵.

Следовательно, имеются достаточные основания, чтобы второй тип городищ Илийской долины интерпретировать как города-ставки, города-убежища.

³¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1. М.—Л., 1950, с. 123.

³² Рамstedt Г. И. Перевод надписи Селенгинского камня. — «Труды Троицко-Савско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО», т. XV, вып. I. Спб., 1914, с. 43—45.

³³ Шалекенов У. Х. Казахи низовьев Амударьи. Ташкент, 1966, с. 203.

³⁴ Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. Спб., 1868, с. 180—181.

³⁵ Вайнберг Б. И. К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме. — СЭ, 1959, № 5, с. 33 и сл.; Жданко Т. А. Каракалпаки Хорезмского оазиса. — ТХАЭЭ, т. I, 1952, с. 522—524; Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 300, 311—312, рис. 191, 194.

К третьему типу относятся городища с длиной стен до 100 м (иногда и больше) и толщиной слоя менее 1—2 м (рис. 4). Датируются они XI—XII вв. Названная группа городищ наиболее многочисленная.

Внутренняя планировка данных городищ известна благодаря широким раскопкам на одном из них — Жаксылыке. Жилой массив пристроен к оборонительной стене изнутри. Он тянется вдоль стен

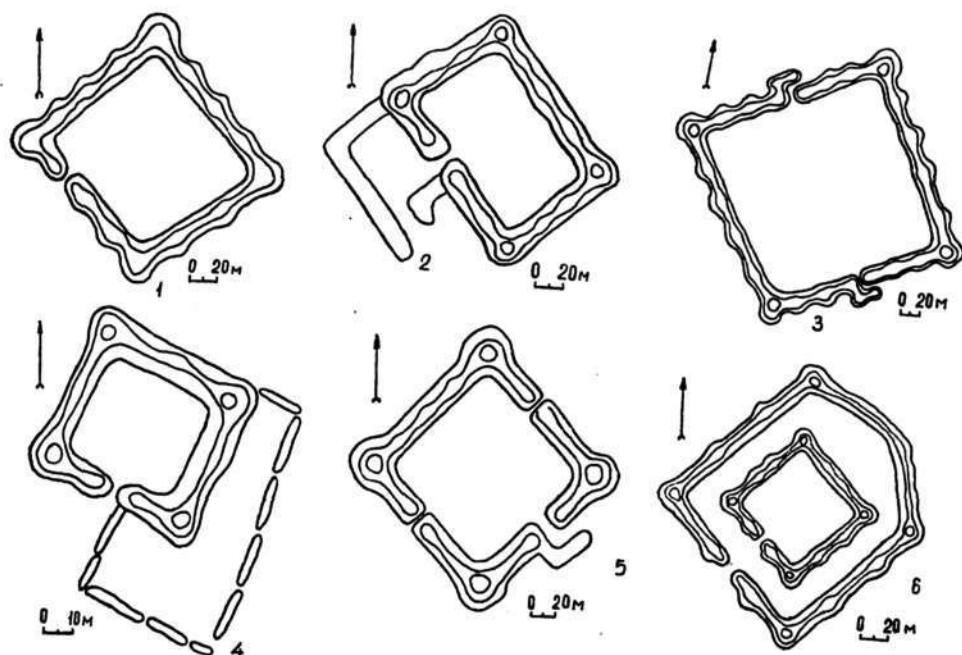

Рис. 4. Поселения: 1 — Капал; 2 — Кзыл-Кайн; 3 — Жаналык; 4 — Теректы; 5 — Чержетем; 6 — Арасан

сплошной полосой шириной в 10—12 м и состоит из отдельных секций, вычлененных благодаря кухонным комплексам. Центр свободен от застройки, это общий двор поселения³⁶.

Данный тип илийских городищ аналогичен сельским и укрепленным поселениям Тянь-Шаня, Иссык-Куля, Чуйской долины, укрепленным сельским усадьбам на Сырдарье, джатаческим поселениям Центрального Казахстана, городищам с земляными стенами в Приазовье.

³⁶ Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Некоторые итоги раскопок городища Жаксылык. — В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 22—41.

В позднее время, в XVIII—XIX вв., похожие сельские поселения имелись в Фергане. Это были прямоугольные крепости со стенами и рвами вокруг. В каждой из четырех стен имелись ворота. Жилые помещения располагались по периметру изнутри³⁷.

Он сопоставим и с укрепленной деревней, этнографически лучше всего исследованной в Иране и Хорасане³⁸.

Как правило, укрепленная деревня представляет собой квадрат или прямоугольник, обнесенный глинобитной стеной, по углам которой располагались башни. Внутри расположены дома, пристраиваемые к стене своей задней стенкой.

Такие усадьбы и поселения были широко распространены у населения Средней Азии. Вот как описывается селение-усадьба Северной Туркмении в начале XIX в. «...Крепостца Иль-Гельди, она построена квадратом, по углам коего находятся четыре башни; стены, сделанные из глины, смешанной с камнем, имели высоту $3\frac{1}{2}$ сажени, а длины 25.... Внутри делается небольшое водохранилище, несколько дворов, покои, кладовые, мельница и места для скота... В Иль-Гельди было человек 50 или 60 жителей, которые частью занимали комнаты, а частью помещались в кибитках, поставленных во дворе»³⁹.

Укрепленное поселение или усадьба, обнесенная невысокой стеной, различается только размерами. В Хорезме, по наблюдениям Б. И. Вайнберг, укрепленные усадьбы характерны для туркменского населения. В них селились отдельные родовые подразделения⁴⁰.

Итак, памятники третьего типа представляли собой укрепленные поселения и усадьбы. Размеры городищ, видимо, обуславливались количеством проживающего в них населения. Дополнительную территорию, окруженную валом вокруг городища, можно рассматривать как загон для скота. Именно так считают П. П. Иванов и Д. Ф. Винник, характеризуя иссык-кульские города⁴¹, и С. П. Толстов — средневековые усадьбы низовьев Сырдарьи⁴².

Некоторые из городищ третьей группы могли быть караван-сараями. Топографически установить это очень трудно. Однако сейчас

³⁷ Воронина В. Л. Народная архитектура Северного Таджикистана. М., 1959, с. 9.

³⁸ Розенфельд А. З. Кала (Qala) — тип укрепленного иранского поселения. — СЭ, 1951, № 1, с. 23—38.

³⁹ Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева. М., 1822.

⁴⁰ Вайнберг Б. И. К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме, с. 33.

⁴¹ Иванов П. П. Материалы по археологии котловины Иссык-Куля. — «Труды Института истории АН КирССР». Вып. III. Фрунзе, 1957, с. 90; Винник Д. Ф. К исторической топографии средневековых поселений Иссык-Кульской котловины, с. 118.

⁴² Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 278.

выделяется серия городищ из двух или трех укреплений, расположенных неподалеку друг от друга. Это Сарыджас, Биже I и Айна-Булак. При определении караван-сарая надо прежде всего исходить из месторасположения памятника. Данные городища располагались на пересечении современных маршрутных путей, повторяющих направления средневековых. Сарыджас находился в узле двух дорог из Илийской долины в Иссык-Кульскую через перевал Санташ и со стороны Чилика в направлении Нарынкола: Айна-Булак — на развилке дорог из долины Каратала к берегам Ала-Куля и Капал-Арасанскую долину.

Таким образом, можно считать, что в Илийской долине в период IX—XIII вв. имелись города, города-убежища, сельские поселения, караван-сарай.

Особую важность представляет определение причин, которые вызвали появление оседлых поселений, развитие их и превращение в центры ремесла и торговли.

Илийская долина исторически развивалась как район, в хозяйстве которого превалировало скотоводство. На протяжении столетий здесь обитали саки, усунь, тюрки, казахи. Все они выступают на исторической сцене прежде всего как скотоводы-кочевники.

В свете новейших исследований, не только археологических, но и историко-этнографических и экономико-географических, понятие «кочевники» все более дифференцируется. Яснее становится роль полуседлого населения, сочетающего в своем хозяйстве в тех или иных соотношениях скотоводство и земледелие, кочевание и оседлость. По этому вопросу уже накоплена значительная литература. Наиболее четко о сочетании кочевания и оседлости сказал С. И. Руденко: «Детальное ознакомление с бытом скотоводческих племен Азии свидетельствует, что в огромном большинстве они вели полукочевой образ жизни; кочевые племена, в течение круглого года передвигающиеся с места на место и не имевшие постоянной оседлости, являлись, по видимому, редким исключением»⁴³.

Более глубокому пониманию социальных процессов у кочевников средневековья помогает сравнение их с кочевниками недавнего прошлого.

Исследователи справедливо замечают, что «жизнь кочевников мало чем изменилась за последние 500—600 лет и мы поэтому имеем полное право сопоставить материалы, полученные при исследовании памятников VIII—IX вв., со сведениями о жизни кочевников XIII—XX вв.»⁴⁴.

⁴³ Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. — Географическое об-во СССР. Доклады отделения этнографии, вып. 1. Л., 1967, с. 5.

⁴⁴ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 12.

Сведения о жизни казахов Илийской долины в дореволюционный период достаточно обстоятельно освещают тему оседлости и оседания. По свидетельству А. Янушкевича, участника экспедиции, посетившей Семиречье в 1846 г., казахское население в долине Чинжала, Егінсу и других рек «возделывает поля при помощи каналов и ирригации, сеет на них просо»⁴⁵.

К середине XIX в. вся предгорная полоса Заилийского хребта была занята казахами. Проезжавший здесь Ч. Ч. Валиханов пишет: «В районе Тургеня, Иссыка и Талгара все пространство, по которому мы ехали, и до подошвы гор были... аулы. Около Талгара на долине много курганов, насыпей и киргизских пашен»⁴⁶.

Сочетанию оседлости и кочевания способствовали природные условия Илийской долины. Для нее характерно кочевание на небольшой территории. Скотоводство здесь носит характер «вертикально-полукошарной формы» и предполагает переходы с летних на зимние пастбища на 150—200 км между пустынями и полупустынями Прибалхашья и высокогорными плато Тянь-Шаня⁴⁷. При такой сравнительно небольшой удаленности крайних точек кочевания появлялась возможность долгое время оставаться на зимних и осенне-весенних стоянках, где можно было заниматься и земледелием.

Археологические данные позволяют проследить оседлость, начиная с весьма раннего времени, уже в среде сакских и усуньских племен. Саки и усунь не были постоянными номадами, а являлись сезонными кочевниками, занимавшимися яйлажным скотоводством⁴⁸.

Особенно яркие материалы о начальных этапах земледелия у древних усуней Илийской долины получены при изучении и раскопках усуньских поселений в горах Тянь-Шаня.

Обнаружены прямые свидетельства древнеусуньского земледелия — каменные мотыги для обработки почвы и бронзовый серп. Кроме того, на местности вблизи поселений прослежены остатки примитивных ирригационных сооружений — арыков для полива небольших участков⁴⁹.

⁴⁵ Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Алма-Ата, 1966, с. 86, 131.

⁴⁶ Чокан Валиханов. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958, с. 280.

⁴⁷ Ахмедова К. Б. География животноводства Алма-Атинской области. Алма-Ата, 1962, с. 51; она же. Некоторые особенности животноводства юго-западной части Алма-Атинской области. — В кн.: Вопросы географии Казахстана. Алма-Ата, 1960, вып. 7, с. 67.

⁴⁸ Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, с. 3—4.

⁴⁹ Акишев К. А. Зимовки-поселения и жилища древних усуней. — «Известия АН КазССР. Серия обществ.», 1969, № 1, с. 35—44.

Первые средневековые поселения являлись своеобразными феодальными замками. Они служили основой для формирования городов. Такой процесс превращения ставки в город типичен для всех районов, населенных полуседлым и переходящим к оседлости населением. Города Центрального Тянь-Шаня Кошой-Коргон и Ширдахбек развивались на базе кочевнических ставок. Их топография очень близка илийским даже в деталях — форме и устройстве въездов, размере площади, системе внутренней застройки. Так же, как и в долине р. Или, эти города-ставки занимали ключевое положение в горных долинах и на средневековых караванных путях⁵⁰.

Аналогичный путь формирования характерен для части городов Центрального Казахстана⁵¹.

Из феодальных усадеб и крепостей выросли города Итиль, Семиндер и Семикаракорское в Хазарии⁵².

По мнению исследователей, в Монголии во второй половине VIII в. стали создаваться экономические предпосылки для возникновения городов⁵³. Археологические материалы в сочетании с данными письменных источников позволяют проследить историю древнемонгольских городов не только как военно-административных ставок, но и как центров средоточения ремесла и торговли⁵⁴.

Наряду с поселениями-ставками одновременно возникают поселения другого порядка. Местонахождение их не столь удобно, как у ставок, это поселения-зимовки рядового скотоводческого населения. Этнографические наблюдения, которые уже приводились, свидетельствуют, что на зимовках оставалась часть населения, которая ухаживала за посевами, тогда как другая поднималась со скотом на джайлау или же кочевала около своих пашен пока зреет хлеб⁵⁵.

Период XI — начало XIII вв. был временем расцвета городской и оседлоземледельческой культуры в Средней Азии⁵⁶, на юге Казахстана и в Семиречье⁵⁷. Это обуславливалось общим подъемом эконо-

⁵⁰ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, с. 100.

⁵¹ Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана, с. 88—106.

⁵² Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 44—47.

⁵³ Пэрлз Э. К истории древних городов и поселений в Монголии. — СА, 1957, № 3, с. 43—53.

⁵⁴ Киселев С. В. Введение. — В кн.: Древнемонгольские города. М., 1965, с. 12; История Монгольской Народной Республики. М., 1967, с. 92.

⁵⁵ Краснов А. Н. Очерк быта семиреченских киргизов. — «Известия ИРГО», т. XXIII, вып. 4. Спб., 1887, с. 436—481.

⁵⁶ Литвинский Б. А. О некоторых моментах развития средневекового города Средней Азии. — «Известия отделения общественных наук ТаджССР», 1953, № 4, с. 59; История таджикского народа. Т. II, кн. 1. М., 1964, с. 255—257.

⁵⁷ История Казахской ССР. Т. I. Алма-Ата, 1957, с. 85—89.

мики, связанным с утверждением феодальных отношений в государстве Караханидов. В XI—XII вв. возникает целый ряд поселений и городов в предгорной полосе, в долинах рек Талгара, Иссыка, Каратала, Лепсы, Или. Окончательно формируются в городские центры Талгар, Сумбе, Чилик, Антоновское и Дунгене, Коктума.

Ремесла и торговля, которые раньше играли второстепенную роль, теперь достигают наивысшего расцвета. Появляются городские гончарные мастерские, где производилась посуда на рынок. Керамика XI—XII вв. характеризуется стандартным набором типов посуды и орнаментики. Распространяется глазурованная посуда.

Наряду с гончарным развиваются и совершенствуются косторезное, кузнечное, ювелирное ремесла. На городищах Талгар, Сумбе, Антоновское и Дунгене обнаружено много железных гвоздей и скоб, предметов кузнечного дела, поясных бляшек, псалиев, бронзовых накладок на ремень, костяных проколов и шильев.

Важную роль в развитии городской культуры играла торговля. В XI—XIII вв. все большее значение приобрел торговый и дипломатический путь, соединивший Запад и Монголию через Илийскую долину⁵⁸. Он связывал Среднюю Азию и Казахстан со страной кимаков (Прииртышье) и Восточным Туркестаном⁵⁹. Первые упоминания о нем мы находим у ал-Идриси. В научной литературе он получил название Северо-Илийского.

Находки на городищах Сумбе и Антоновское перламутровых и коралловых бус, на Агашаяке бус из лазурита являются свидетельством далеких торговых связей. Но, пожалуй, наиболее ярким показателем их служит случайная находка комплекса привозных вещей с городища Талгар. Клад состоял из четырех фарфоровых пиал, фарфоровой чаши с изображением людей, из горловины глиняного сосуда, украшенного штампованным орнаментом, двух медных блюдец.

Анализ изображений на медном блюде, украшенном гравировкой, стиль и характер трактовки фигур львов с человеческими головами позволяют датировать блюдо XII—XIII вв. и связывать его производство с Ираном, Хорасаном или Средней Азией⁶⁰.

Об оживленных торговых связях Северо-Восточного Семиречья свидетельствуют данные письменных источников. Рубрук, характеризуя Эквиус и Кайлак, указывает на наличие здесь торговых колоний. «Кайлак — пишет он, — большой город, в котором был базар и

⁵⁸ Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. — Соч., т. II, ч. I. М., 1963; он же. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг., с. 79.

⁵⁹ Кумекоев Б. Е. Государство кимаков IX—XI веков по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, с. 95, 108.

⁶⁰ Байпаков К. М. Талгарское блюдо. — «Известия АН КазССР. Серия обществ. наук», 1968, № 6, с. 87—98.

его посещали многие купцы»⁶¹. Развитие торговых и торгово-денежных отношений убедительно подтверждается многочисленными находками монет.

Развитие оседлости и городской жизни в Илийской долине было прервано монгольским нашествием. В начале XIII в. Илийская долина была включена в состав Монгольской империи. Господство монгольских завоевателей отрицательно повлияло на экономику и культуру. Археологические исследования свидетельствуют, что подавляющее большинство городищ прекращает существование в XIII в. Это перекликается со сведениями письменных источников, которые повествуют о гибели земледельческих поселений в связи с превращением Илийской долины в пастбище⁶².

Однако городская жизнь по крайней мере в XIII в. сохраняется в прежних масштабах. Но начавшиеся вскоре междоусобные войны чингизидов привели к запустению городов; уцелевшее население вынуждено было покидать край. Окончательный удар оседлой жизни нанесли походы Тимура⁶³.

Своеобразными памятниками прошлой оседлости, торговой, ремесленной и культурной жизни IX—XIII вв. остались многочисленные безымянные памятники-торткули.

⁶¹ *Иоанн де Плано Карпини, Вильгельм де Рубрук. История монголов. Путешествие в Восточные страны. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина. Спб., 1911, с. 105, 112.*

⁶² *Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья, с. 66.*

⁶³ *Пищулина К. А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI веков. Алма-Ата, 1977, с. 62—87.*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕХНОЛОГИИ КЕРАМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДИЩ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

**Э. Ф. КУЗНЕЦОВА,
Т. М. ТЕПЛОВОДСКАЯ**

Керамика Отрарского оазиса и прилегающих к нему регионов отличается большим разнообразием, высоким качеством исполнения, выразительностью стиля орнаментации. Массовые изделия керамики (поливной и неполивной) изучаемого района широко представлены и классифицированы по своему функциональному назначению, формам сосудов и характеру росписи во многих работах археологов¹. Но такие весьма важные вопросы, как состав теста, из которого сделаны эти сосуды, их внеш-

¹ Агеева Е. И. Опыт классификации керамики городов и поселений среднего течения Сырдарьи и Каратау. — КСИИМК, вып. 28, 1949; она же. Керамика Отрара. — «Известия АН КазССР. Сер. арх.», 1951, вып. 3; она же. Памятники средневековья. — В кн.: Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата, 1962; Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. — «Труды ИИАЭ АН КазССР», 1958, т. 5; Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. В. Новое в средневековой археологии Казахстана. — В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969; они же. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972; они же. Отрар XVI—XVIII вв. по итогам раскопок 1971—1973 гг. — В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975.

нее покрытие — ангоб, глазурь, красители — изучены слабо. В данной статье освещаются именно эти стороны гончарного производства.

Применяя метод спектрального и микроскопического анализов, мы провели тщательное и всестороннее изучение каждого черепка: состав его теста, глазури, ангоба, красителей (табл. 1, 2).

В нашем распоряжении была керамика с трех позднесредневековых городищ — Отрара, Саурана и Додвена.

Материал Отрара представлен фрагментами поливных (40 фр.) и неполивных (15 фр.) изделий, отобранных из раскопов V (1975—1976 гг.) и III (1976 г.). Хронологические рамки отрарской керамики определены стратиграфией раскопов². Образцы Саурана (26 фр.) и Додвена (21 фр.) взяты из подъемного материала³.

Поливную керамику всех городищ можно разделить на две хронологические группы: XIII—XIV вв. и XV—XVI вв.

В первую группу вошли чаши на кольцевом и дисковидном поддонах, изготовленные на круге. Это изделия с прозрачной мутноватой поливой по белому ангобу и подглазурной росписи, выполненной красной, коричневой, зеленой и желтой красками, и сосуды с прозрачной темно-зеленой поливой по красному ангобу.

Вторую группу составили сосуды аналогичной формы с росписью кобальтом, марганцем и голубым красителем по белому ангобу под прозрачной глянцевой поливой.

В группу неполивной керамики вошли фрагменты горшков, станковых и лепных, покрытых светлым, красным, черным ангобом или без него с прочерченно-вдавленным орнаментом. Неполивную керамику дифференцировать по хронологическим группам пока не представляется возможным.

Отрар. По аналитическим данным установлено, что полива на сосудах первой группы свинцово-кремнеземистая с незначительным содержанием натрия (0,01—0,2%) и полным отсутствием калия. Содержание магния варьирует от 0,2 до 1%. В качестве красителей применялись окиси металлов, которые в данном случае дали следующую гамму цветов:

- 1) железо (0,1—10%) — от бурого до темно-коричневого;
- 2) марганец (0,001—0,01%) — все оттенки коричневого;
- 3) медь (0,01—1%) — зеленый;
- 4) хром (0,01—0,1%) — зеленоватый (горчичного оттенка).

Интенсивным темно-зеленым цветом выделялись два черепка

² Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар, с. 81—82.

³ Керамические материалы Семиреченской археологической экспедиции 1967 г. и Отрарской археологической экспедиции 1970 г. Фонды Музея археологии ИИАЭ АН КазССР.

Таблица 1

Состав теста и поливы изделий из городищ Южного Казахстана

Дати- ровка		ОТРАП	САУРАН	ДОДВЕН
XIII—XIV вв.	Тип поли- вы	Свинцово-кремнеземис- тая	1. Свинцово-крем- неземистая. 2. Свинцово-щелочная	1. Свинцово-кремнезemi- стая. 2. Свинцово-щелочная
	Красите- ли (окис- лы ме- таллов)	Cu, Fe, Mn, Cr, Ti, Sn	Cu, Fe, Mn, Cr, Ni, Sn, Sb	Cu, Mn, Fe, Cr, Ni, Sn, Zn
	Подгла- зурная основа	1. Ангобы: глиняный, кремнеземистый 2. Черепок	1. Ангобы: глиняный, кремнеземис- тый 2. Черепок	1. Ангоб кремнеземис- тый. 2. Черепок
	Тип глин и приме- си	Карбонатная и ожелез- ненная в равных про- порциях или преобла- дает карбонатная. Полевой шпат, кварц, рогоза	Карбонатная и ожелезненная в равных про- порциях или преобладает ожелезненная. Полевой шпат, кварц, рогоза	Карбонатная и ожелез- ненная в равных про- порциях или преобл. ожелезненная Полевой шпат, кварц, рогоза
XV—XVI вв.	Тип поли- вы	1. Щелочная (Na—Ca— K—Mg—Si и Na—Ca— —Mg—Si). 2. Щелочь - свинец - оло- вянная	1. Щелочная (K— Na—Ca—Mg— —Si). 2. Свинцово-щелочная	1. Щелочная (K—Na— —Ca—Mg—Si). 2. Свинцово-щелочная
	Красите- ли (окис- лы ме- таллов)	Co, Cu, Fe, Mn, Cr, Ni	Cu, Fe, Mn, Cr, Ni	Cu, Fe, Cr, Mn, Ni
	Подгла- зурная основа	Кремнеземистый ангоб	Кремнеземистый ангоб	Кремнеземистый ангоб
	Тип глин и приме- си	Преобладает карбонат- ная в изделиях с рос- писью Co, в остальных преобладает ожелез- ненная. Полевой шпат, кварц, гипс, известь, бурый железняк, рогоза	Преобладает ожелез- ненная. Полевой шпат, кварц, из- весть, рогоза, соломка	Преобладает ожелезнен- ная. Полевой шпат, кварц, известь, рогоза, со- ломка

(№ 8, № 13). Анализ красителей показал очень высокое в них содержание меди (до 3—5%).

Во второй группе спектрографическое изучение результатов анализа позволило выделить три вида глазури: две щелочные (Na—Ca—Mg—Si; Na—K—Ca—Mg—Si) и одну щелочь-свинец-оловянную, в которой различается несколько вариантов. В качестве красителей применялись окислы металлов: железа, меди, марганца, хрома. Повышенное содержание марганца (до 0,6—0,8%) давало фиолетово-коричневый цвет, меди — голубой, а сочетание меди (2%) с кобальтом (0,001%) — бирюзовый. Для получения синих тонов использовался кобальт (2—10%). Роспись кобальтом встречается лишь на фрагментах со щелочной глазурью⁴. Причем высокое содержание натрия в глазури придавало росписи фиолетово-синий оттенок, а калия — интенсивно-синий.

Подглазурной основой в изделиях первой группы служили глиняный и высококремнеземистый ангобы. В некоторых изделиях свинцовая глазурь положена прямо на черепок. Для второй группы характерен лишь один вид подглазурного ангоба — высококремнеземистый.

Черепки всех изделий близки по химическому составу, но различаются по количественному содержанию основных компонентов. Для приготовления теста широко применялся прием смешивания двух типов глин — карбонатной и ожелезненной. В тесте сосудов первой группы глины смешаны в равных пропорциях или с небольшим преобладанием карбонатной. В тесте изделий второй группы, с росписью кобальтом, отмечено преобладание карбонатной глины, а во всех остальных — ожелезненной.

По данным спектрального анализа, химический состав теста неполивных изделий один и тот же. Можно только отметить преобладание ожелезненной глины в составе черепка. Анализ ангобной массы различной окраски показал, что красный ангоб приготовлен из ожелезненной глины с содержанием марганца до 0,03%, черный ангоб — из той же глины с содержанием марганца до 0,1%, светлый ангоб с зеленоватым оттенком — из светложгущейся глины с высоким содержанием извести.

В тесте всех керамических изделий отмечено также повышенное

⁴ Исследователи среднеазиатской бытовой и архитектурной керамики также отмечают, что роспись кобальтом большей частью встречается в бессвинцовых глазурах. *Гражданкина Н.* Глазурованные изразцы в декоре памятников XIV—XVIII вв. как датирующий материал. — В кн.: *История материальной культуры Узбекистана*, 1966, в. 7; *Бурнашева Ф. А.* Опыт технологического исследования глазурей керамической мозаики XV в. из медресе Улугбека. — В кн.: *Научные работы и сообщения*. Кн. 3. Ташкент, 1961, с. 267.

содержание титана (от 0,05 до 10%), примесь которого осветляет черепок.

Все исследованные сосуды Отрара обожжены в окислительной среде при температуре 800—950° (неполивные) и 1100—1200° (поливные).

Сауран. Ранняя керамика дает два типа глазури: свинцовую с повышенным содержанием магния (до 10%) и свинцово-щелочную нескольких вариантов. Поливы Саурана по своему составу несколько отличаются от отрарских. В них отмечается более высокое содержание магния (до 10%). Примеси цинка и олова встречаются во всех видах отрарской глазури, а в щелочных поливах Саурана они полностью отсутствуют. Щелочные глазури в Сауране в основном калиевые, тогда как в Отраре преобладают натриевые. Среди образцов со свинцово-кремнеземистой поливой имеется только один фрагмент, в котором не обнаружено примеси щелочей.

В качестве красителей наряду с широко распространенными окислами марганца, железа, меди и хрома в Сауране применялись также окислы сурьмы, никеля и цинка. Содержание сурьмы до 0,5% придавало глазури желтый цвет. На Отраре использование сурьмы в качестве красителя пока не встречено.

Во второй группе изделий преобладающая роль принадлежит щелочной (K—Na—Ca—Mg—Si) и свинцово-щелочной глазурям. В этот период содержание калия в щелочных глазуриях еще более возрастает (5—10%).

Подглазурной основой служили глиняный и высококремнеземистый ангобы; в значительном числе фрагментов свинцовая глазурь нанесена непосредственно на черепок. В этом сауранская керамика не отличается от отрарской. Аналогичны отрарским и внешние ангобы неполивной керамики (красный, черный и светлый с зеленоватым оттенком).

В тесте образцов сауранской керамики явно преобладают железненные глины, что обусловило красноватый цвет черепка, хотя здесь также бывает и смешивание глин в равных пропорциях.

Додвен. Для ранней керамики (первая группа) спектральный анализ показал два вида поливы — свинцовую с повышенным содержанием магния и свинцово-щелочную нескольких вариантов. В качестве красителей использовались окислы меди, марганца, железа, хрома, никеля.

Для керамики второй группы анализы также показали два вида глазури. Продолжала бытовать свинцово-щелочная, и в то же время широкое распространение получила щелочная глазурь с высоким содержанием калия (0,5—3%), что сближает эту керамику с сауранской. Красители — тот же набор окислов металлов.

Результаты спектрального анализа керамического производства (тесто, ангоб, краситель, глазурь) городищ
Южного Казахстана

№ п/п	Материал	Pb	Na	Ca	K	Mg	Mn	Fe	Cu	Co	Ba	Li	Ni	Sn	Cr	Zn	Ti	Si	P
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
Отрап Vc																			
1.	1 глазурь	0,008	1—10	10	0,08	Осн.	0,5	Осн.	0,02	0,001	0,01	0,03	Сл.	—	0,002	0,01	0,01	Осн.	—
2.	1 тесто	0,005	1—10	10	1,0	+	0,3	+	0,3	0,5—1	0,02	0,03	0,02	—	0,005	0,2	0,05	+	—
3.	2 тесто	0,05	0,1	10	0,1	1—3	0,01	+	0,005	Сл.	0,05	0,07	0,001	—	0,005	—	0,1	+	—
4.	2 глазурь	10—20	1,0	10	0,3	Осн.	0,2	+	0,05	—	0,03	0,07	0,001	0,01	0,8	0,03	0,04	+	Сл.
5.	3 тесто	—	001	10	—	0,5	0,5	+	0,001	—	0,01	0,01	—	—	—	—	0,01	+	—
6.	3 глазурь	0,03	0,3	—	—	1,0	0,5	+	0,01	—	0,01	0,01	—	—	—	0,01	0,01	+	—
7.	4 краситель	0,8	1—10	—	—	Осн.	0,6	+	0,7	Сл.	0,07	0,05	0,001	0,03	0,001	0,03	0,05	+	0,1
8.	5 глазурь	Осн.	1—10	Осн.	10	+	0,01	+	3—5	0,001	0,2	0,3	0,005	0,001	0,01	0,05	0,7	+	—
9.	6 тесто	0,001	0,5	1,0	0,3	3,0	0,01	+	0,002	Сл.	0,05	0,07	0,001	—	0,005	—	0,3	+	—
10.	6 глазурь	0,03	1,0	—	0,1	1,0	0,003	0,5	0,05	+	—	Сл.	—	—	0,001	—	0,01	+	Сл.
11.	7 тесто	1—3	0,5	1,0	0,1	Осн.	0,01	Осн.	0,006	—	0,05	0,2	0,01	0,001	0,003	—	0,5	+	—
12.	7 ангоб	0,005	—	Осн.	—	0,05	0,004	0,02	0,001	—	—	—	0,001	—	—	—	0,003	0,1	—
13.	7 глазурь	1,0	—	+	—	1,0	0,005	Осн.	0,5	—	0,03	0,1	—	0,01	Сл.	—	0,5	Осн.	—
14.	8 тесто	0,001	0,5	1,0	0,1	1—3	0,01	+	0,001	—	0,03	0,05	—	—	0,002	—	0,3	+	—
15.	8 глазурь	0,02	1,0	1,0	—	Осн.	0,005	Осн.	0,03	—	—	0,01	Сл.	Сл.	0,001	—	0,001	Осн.	—
16.	8 краситель	0,3	1,0	Осн.	—	3,0	0,6	+	0,7	—	0,01	0,01	0,001	0,03	—	0,03	0,001	+	—
17.	9 тесто	0,001	0,1	10	0,1	1,0	0,01	+	0,001	—	0,05	0,05	0,003	Сл.	0,001	—	0,005	+	—
18.	9 глазурь	0,007	10	10	0,3	Осн.	—	+	0,01	—	0,01	0,02	—	—	0,001	—	0,001	+	—
19.	9 глазурь бирюзовая	0,005	10	Осн.	0,2	1,0	0,03	+	2,0	0,001	0,01	0,02	—	—	0,001	—	0,001	+	—
20.	1 ^x тесто	0,3	1—3	+	1—3	Осн.	0,03	+	0,01	Сл.	0,07	0,3	—	0,001	0,01	Сл.	0,8	+	0,1
21.	1 ^x глазурь	Осн.	10	+	10	+	0,01	+	0,5	+	0,03	0,3	—	0,01	0,03	Сл.	0,7	+	—
22.	12 тесто	0,01	0,01	10	—	0,5	—	0,5	0,001	—	0,01	0,01	—	—	—	—	0,001	+	—
23.	12 ангоб белый	0,1	—	0,2	—	0,05	—	0,01	0,001	—	—	Сл.	0,04	—	—	—	0,007	1,0	—
24.	12 краситель коричневый	Осн.	0,03	10	—	0,5	0,03	Осн.	0,03	—	0,01	0,03	—	0,001	0,1	—	0,03	Осн.	—
25.	12 глазурь	+	0,01	10	—	10	1,0	+	0,03	—	0,01	0,02	—	0,001	0,1	—	0,03	+	—

26.	12 краситель зеленый	*	0,05	10	—	Осн.	0,03	*	0,5	0,001	0,05	—	0,003	0,003	0,1	0,05	0,05	*	—
27.	13 глазурь зеленая	*	0,7	1,0	1,0	0,5	0,05	0,5	1,0	—	0,01	0,07	0,001	0,04	0,02	—	1—3	*	—
28.	13 краситель коричневый	*	0,05	0,5	—	0,3	0,03	0,3	0,02	—	0,01	0,03	—	—	0,03	—	0,5	*	—
29.	13 глазурь желтая	*	0,03	0,5	—	0,3	0,05	0,03	0,01	—	0,01	0,05	—	—	0,05	0,2	0,2	*	—
30.	14 тесто	0,003	0,2	3—10	Сл.	1,0	0,03	1,0	0,002	—	0,05	0,07	—	—	0,007	—	1—3	*	0,1
31.	14 краситель зеленый	Осн.	0,01	1,0	—	0,1	0,003	0,3	0,3	—	0,01	0,03	—	0,04	0,04	—	0,2	*	0,1
32.	14 глазурь	Осн.	0,2	0,2	—	0,2	0,001	0,1	0,01	—	0,01	0,01	0,03	—	0,08	—	0,3	Осн.	0,3
33.	14 краситель коричневый	*	0,02	0,5	—	0,3	0,003	0,5	0,01	—	0,01	0,03	—	—	0,02	—	0,5	*	—
34.	15 тесто	0,003	0,3	5—10	—	0,8	0,007	0,7	0,001	—	0,03	0,05	—	—	0,003	—	0,5	*	—
35.	15 краситель коричневый	Осн.	0,1	5—10	—	1,0	0,005	1—3	0,03	—	0,02	0,2	0,002	—	0,01	—	5—10	*	0,1
36.	15 глазурь	2,0	0,1	3,0	—	0,2	0,001	0,8	0,01	0,001	0,01	0,07	—	—	0,02	—	1—3	*	0,1
37.	16 тесто	1—3	0,07	1,0	—	0,3	0,003	0,3	0,03	—	0,01	—	—	—	—	—	0,1	*	—
38.	16 глазурь зеленая	5	0,05	1,0	—	0,2	0,001	0,2	0,05	—	0,02	—	—	0,001	—	—	0,03	*	—
39.	16 глазурь серая	5	0,3	1—3	—	0,5	0,003	0,5	0,03	—	0,02	—	—	—	0,001	—	0,5	*	0,1
40.	17 тесто	0,05	1,0	10	0,8	Осн.	0,05	0,8	0,005	—	0,1	—	—	—	0,005	—	5—10	*	0,2
41.	17 краситель	0,1	10—20	2,0	0,3	Осн.	0,7	1,0	0,3	0,07	0,05	0,05	0,003	—	0,4	—	0,2	*	—
42.	17 глазурь	0,4	Осн.	1—2	0,8	0,5	0,005	1,0	1,0	0,001	0,01	0,03	0,001	0,03	0,01	0,1	0,05	*	—
43.	18 тесто	0,003	1—10	Осн.	1—3	Осн.	0,03	Осн.	0,02	0,07	0,1	0,8	0,005	—	0,01	—	3—5	*	—
44.	19 ангоб	0,05	0,1	*	0,3	1,0	0,003	0,7	0,001	—	0,01	0,03	0,005	—	0,003	—	0,1	*	—
45.	20 тесто	0,005	0,05	0,3	—	0,5	0,005	0,3	0,001	—	—	Сл.	—	—	—	—	0,04	1—3	—
46.	21а краситель	0,002	0,5	Осн.	1—3	Осн.	0,03	Осн.	0,005	Сл.	0,1	0,3	0,005	—	0,02	0,01	2—5	Осн.	0,5
47.	22 ангоб	0,001	0,3	0,5	—	0,5	—	0,8	0,002	*	0,02	0,03	0,003	—	0,005	—	0,5	*	—
48.	23 тесто	0,003	0,5	Осн.	0,1	1,0	0,02	1,0	0,005	—	0,03	—	—	Сл.	0,005	—	3—10	*	0,1
49.	23 ангоб	0,001	0,1	0,3	—	0,5	—	0,5	0,003	—	0,01	—	0,005	*	0,002	—	0,3	*	—
50.	23 глазурь	0,3	Осн.	10—20	0,5	Осн.	0,01	1,0	0,08	Сл.	0,03	—	0,001	*	0,007	—	0,7	Осн.	0,3
51.	24 тесто	0,003	0,8	10—20	0,3	*	0,05	1,0	0,01	—	0,05	—	0,003	*	0,01	—	1—3	*	0,8
52.	24 глазурь	0,04	Осн.	Осн.	3—5	*	0,03	1,0	0,6	Сл.	0,07	—	0,003	0,001	0,01	—	1—5	*	0,1
53.	25 тесто	0,01	0,3	*	Сл.	*	0,3	0,7	0,005	—	0,03	0,03	—	—	0,003	—	0,2	*	—
54.	25 краситель	1,0	Осн.	*	0,5	*	10	0,7	1,0	0,001	0,1	0,02	0,001	0,001	0,003	—	0,1	*	0,1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
55.	25 глазурь голубая	1,0	Осн.	Осн.	0,7	Осн.	0,05	0,5	0,7	0,001	0,03	0,03	0,001	Сл.	0,003	0,01	0,1	Осн.	—
56.	25 глазурь (внешний слой)	10	*	*	0,5	*	0,05	0,3	1,0	0,001	0,01	0,01	0,001	0,001	0,003	0,01	0,07	*	0,5
57.	26 тесто	0,005	0,5	*	0,1	*	0,1	1,0	0,002	—	0,05	0,05	0,001	—	0,007	0,01	0,3	*	—
58.	27 тесто	0,002	0,05	5—10	—	*	0,05	0,2	Сл.	—	0,03	0,02	—	—	0,001	—	0,05	*	—
59.	27 ангоб	0,002	0,03	5—10	—	*	0,03	0,3	*	—	0,01	0,01	—	—	Сл.	—	0,05	*	—
60.	28 тесто	0,003	0,2	Осн.	0,05	*	0,1	0,1	0,001	—	0,05	0,05	—	—	0,005	0,01	0,7	*	0,3
61.	28 ангоб	0,002	0,1	10	—	*	0,03	0,5	0,001	—	Сл.	0,03	—	—	0,002	—	0,1	*	—
62.	29 тесто	0,9	0,05	10—20	—	*	0,2	0,3	0,001	—	0,03	0,03	—	—	0,002	—	0,1	*	0,5
63.	29 глазурь	Осн.	0,05	1,0	Сл.	*	0,01	0,5	0,03	—	0,03	—	—	Сл.	0,01	—	0,05	*	—
64.	29 краситель красный	0,5	0,01	1—5	—	*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	*	—
65.	29 краситель зеленый	Осн.	0,07	10	—	*	0,005	0,005	0,05	—	0,03	0,01	—	—	5—10	0,03	0,05	*	—
66.	30 тесто	*	—	10	Н.о.	*	0,005	0,5	0,002	—	0,05	0,03	—	0,001	Сл.	0,05	0,3	*	—
67.	30 глазурь	1—3	0,02	10	*	*	0,005	0,5	3,0	—	0,03	0,03	—	—	0,001	—	0,1	*	—
68.	30 краситель	1—3	0,05	Осн.	—	*	0,005	0,5	0,5	—	0,01	0,01	—	—	—	—	0,01	*	—
69.	31 тесто	0,001	Н. о.	0,01	—	Осн.	0,03	0,3	0,003	—	0,05	0,05	—	—	0,003	—	0,1	Осн.	—
70.	31 ангоб	0,001	*	—	—	1—10	0,003	0,05	0,002	—	—	0,03	—	—	—	—	0,05	*	—
71.	1 тесто (Р—III)	0,001	0,05	10—20	—	Осн.	0,005	0,5	0,001	—	0,02	0,07	—	—	0,001	—	0,01	*	—
72.	1 ангоб	0,005	*	10—20	0,1	*	0,1	0,8	0,02	0,03	0,03	0,02	Сл.	Сл.	0,002	0,01	0,03	*	0,1
73.	1 глазурь	0,007	*	Осн.	0,5	*	0,1	1,0	0,02	0,005	0,07	0,05	*	*	0,005	—	0,1	*	0,1
74.	1 краситель	0,007	*	*	0,5	*	0,5	Осн.	0,5	3,0	0,1	0,07	0,3	0,001	0,007	0,05	0,2	*	0,1
75.	2 ангоб	0,005	*	*	—	*	0,01	0,2	0,005	—	0,01	—	—	—	—	—	0,01	*	—
76.	2 глазурь	0,03	*	10—20	0,3	*	0,03	0,5	0,01	—	0,03	0,02	—	—	—	—	0,01	*	0,1
77.	2 краситель	0,005	10—20	10	—	*	0,5	0,1	0,03	0,3	0,02	—	0,001	—	0,005	—	0,005	*	—
78.	3 тесто	0,001	1,0	Осн.	—	*	0,2	Осн.	0,002	—	0,1	0,05	—	—	0,007	—	0,7	*	—
79.	3 ангоб	0,01	5—10	10	—	*	0,005	0,3	0,01	—	0,01	0,01	—	—	—	—	0,01	*	—
80.	3 глазурь	0,01	Осн.	10	Сл.	*	0,01	0,2	0,03	—	0,01	0,02	—	—	—	—	0,05	*	—

81.	3 краситель	0,01	*	10—20	—	*	0,01	1,0	0,05	3—10	0,02	0,03	0,05	—	—	—	0,07	*	0,1
82.	4 тесто	0,001	0,5	Осн.	—	*	0,3	0,005	0,1	0,001	—	0,01	—	—	—	—	0,01	*	—
83.	4 ангоб	0,005	1—3	*	Сл.	*	0,002	0,3	0,005	—	0,01	0,03	—	0,001	0,002	0,01	0,05	*	—
84.	4 краситель	0,001	0,3	1—3	*	*	0,03	1,0	0,007	0,001	0,01	0,05	—	Сл.	0,003	—	0,3	*	—
85.	5 тесто	0,001	0,8	3—5	0,2	*	0,2	10—20	0,02	0,5	0,03	0,05	0,005	0,001	0,003	0,03	0,3	*	—
86.	5 ангоб	0,001	0,05	1—3	Сл.	10	0,01	1,0	0,002	—	0,02	0,05	—	0,001	Сл.	—	0,3	*	—
87.	5 краситель	0,005	0,5	1,0	0,2	10	0,2	0,5	0,4	0,8	—	Сл.	0,002	0,001	*	0,01	0,03	*	—
88.	5 глазурь	0,01	1—3	1,0	Сл.	Осн.	0,01	0,5	0,03	0,01	0,02	0,05	Сл.	0,001	0,001	—	0,2	Осн.	—
89.	6 тесто	0,001	0,2	10	*	*	0,1	0,8	0,001	—	0,05	0,1	0,001	Сл.	0,005	0,03	0,5	*	—
90.	6 ангоб	Сл.	0,07	0,7	*	*	0,01	0,1	0,001	—	0,03	0,07	—	—	0,003	—	0,5	*	—
91.	6 глазурь	0,01	3—5	3—5	*	*	0,005	0,5	0,01	—	0,01	0,03	—	0,001	Сл.	—	0,03	*	—
92.	7 тесто	0,001	0,03	0,6	—	1—5	0,01	0,1	0,001	—	0,01	Сл.	0,002	—	—	—	0,03	*	—
93.	7 ангоб	0,001	1,0	3—5	0,1	Осн.	0,005	0,3	0,002	0,03	0,01	*	—	—	0,001	—	0,01	*	0,1
94.	7 краситель	0,005	Осн.	10	1,0	*	0,1	1,5	0,6	5—10	0,01	0,05	0,02	Сл.	0,003	0,2	0,5	*	—
95.	7 глазурь	0,003	0,5	10	0,3	10	0,02	10	0,005	—	0,01	—	—	0,001	0,005	—	0,8	*	—
96.	8 тесто	0,001	0,2	0,2	—	0,5	0,003	0,06	0,005	—	0,03	—	—	Сл.	—	—	0,003	*	—
97.	8 ангоб	0,01	Осн.	3—5	1—10	Осн.	0,01	1,0	0,02	0,001	0,01	0,03	—	0,001	0,002	—	0,07	*	—
98.	8 глазурь	0,007	*	3—5	0,5	10	0,005	1,0	0,02	0,002	0,05	0,2	0,001	0,001	0,005	—	0,1	*	—
99.	8 краситель	0,005	*	3—5	0,3	Осн.	0,8	1—10	0,4	5—10	0,03	0,03	0,005	—	0,003	—	0,05	*	—
100.	9 тесто	0,002	0,5	10	0,5	*	0,02	Осн.	0,003	—	0,05	0,2	0,001	—	0,007	—	3—5	*	—
101.	9 краситель	0,007	10—20	1—3	—	*	0,4	1,0	0,03	2,0	0,02	0,05	0,007	0,001	0,003	0,05	0,5	*	—
102.	9 глазурь	0,02	10—20	1—3	Сл.	*	0,01	1,0	0,05	0,01	0,02	Сл.	0,05	—	0,003	—	0,3	*	—

Сауран

103.	1 тесто	0,005	10	Осн.	0,5	Осн.	0,2	Осн.	0,005	Сл.	0,5	0,5	0,005	—	0,007	0,07	3—10	3—10	0,1
104.	1 глазурь	0,02	Осн.	*	1—5	*	0,3	*	0,003	*	0,05	0,1	0,001	Сл.	0,005	—	1,0	Осн.	0,1
105.	2 тесто	0,003	10—20	*	1—5	*	0,5	*	0,005	0,001	0,7	0,5	0,008	—	0,01	0,01	3—10	*	0,1
106.	2 глазурь	0,001	Осн.	*	0,5	*	0,2	*	0,001	0,001	0,1	0,03	Сл.	—	0,003	—	0,03	*	0,1
107.	3 тесто	10—20	0,2	*	0,8	*	0,5	*	0,005	Сл.	0,3	0,5	0,002	—	0,005	—	3—5	*	—
108.	3 глазурь	Осн.	0,05	1—10	0,1	1—3	0,03	1—3	0,01	—	0,03	0,1	—	—	0,002	0,05	1,0	*	—
109.	4 тесто	0,003	Осн.	Осн.	10	Осн.	0,5	Осн.	0,02	0,002	—	0,5	0,005	—	0,01	0,01	1—3	*	—
110.	5 тесто	1,0	*	*	1—3	*	1,0	*	0,03	0,002	0,5	0,5	0,005	—	0,01	—	3—5	*	—
111.	5 глазурь	1,0	10	*	10	*	0,5	*	0,02	0,002	0,5	0,7	—	—	0,01	—	3—5	*	—
112.	6 тесто	3—5	1—5	*	3—5	*	0,3	*	0,005	0,001	0,2	0,5	0,005	—	0,007	—	1,0	*	—
113.	6 ангоб	1—3	0,03	10	Сл.	*	0,02	0,7	0,001	—	0,05	0,05	0,005	—	—	—	0,7	*	—
114.	7 тесто	0,06	0,5	Осн.	0,5	*	0,2	1,0	0,001	—	0,1	0,1	—	—	0,005	—	0,5	*	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
115.	7 глазурь	Осн.	—	0,05	—	Осн.	0,004	0,5	0,001	—	—	—	0,002	—	—	0,01	0,01	Осн.	—
116.	8 тесто	0,5	0,2	Осн.	0,3	★	0,2	1,0	0,001	—	0,05	0,07	—	—	0,005	—	0,2	★	—
117.	9 тесто	0,03	0,05	★	0,1	★	0,005	1,0	0,001	—	0,07	0,02	0,001	—	—	—	0,1	★	—
118.	9 глазурь	Осн.	0,3	★	0,5	★	0,2	1—3	10—20	Сл.	0,1	0,2	0,001	0,03	0,007	0,02	1,0	★	—
119.	10 тесто	0,03	0,2	★	0,3	★	0,1	1,0	0,001	—	0,03	0,07	0,003	—	0,003	—	0,5	★	—
120.	10 ангоб	0,5	—	0,3	—	1,0	0,005	0,04	—	—	—	—	0,001	—	—	—	0,1	★	—
121.	11 тесто	Осн.	0,02	1—3	—	1—3	0,03	0,3	0,005	—	0,01	0,03	—	—	—	—	0,05	Осн.	—
122.	11 краситель коричневый	0,007	0,01	5—10	Сл.	1—3	0,007	0,3	Сл.	—	0,01	0,02	Сл.	—	0,003	—	0,03	★	—
123.	11 краситель желтый	Осн.	0,02	10	—	Осн.	0,05	1—3	0,01	—	0,05	0,07	—	—	0,004	—	0,3	★	—
124.	11 ангоб	★	0,01	1—3	—	★	0,005	0,5	0,01	—	0,01	0,02	—	—	—	—	0,01	★	—
125.	12 тесто	0,003	Осн.	—	—	—	1,0	0,5	0,04	—	0,05	0,05	—	0,001	0,005	—	0,1	★	—
126.	13 тесто	0,003	★	★	10	★	1,0	Осн.	0,07	0,003	0,5	0,3	0,005	—	0,01	—	3—5	★	—
127.	13 ангоб	0,005	10	★	1,0	★	0,5	★	0,005	Сл.	0,05	0,3	0,005	—	0,01	—	1—3	★	—
128.	14 тесто	0,001	0,01	1,0	—	1,0	0,005	0,3	Сл.	—	0,01	—	—	—	—	—	0,01	★	—
129.	14 ангоб	0,03	0,5	Осн.	1,0	Осн.	0,3	1—3	0,001	—	0,07	0,5	0,005	—	0,01	0,01	0,7	★	—
130.	15 тесто	0,001	0,05	10	0,3	★	0,05	0,5	0,001	—	0,03	Сл.	0,001	—	0,003	—	0,03	★	—
131.	15 краситель	0,001	0,03	Осн.	Сл.	—	0,03	0,3	0,001	—	0,01	★	—	—	0,005	—	0,03	★	—
132.	16 тесто	0,003	10	★	1—3	★	0,3	Осн.	0,003	0,001	0,05	0,5	0,002	—	0,02	—	10	★	—
133.	17 тесто	0,01	0,5	★	0,3	★	0,1	★	0,001	—	0,3	0,2	0,001	—	0,003	—	3—5	★	—
134.	18 тесто	0,01	3—5	★	5—10	★	10	★	0,005	0,001	0,3	0,5	0,005	—	0,02	—	10	★	—
135.	19 тесто	0,01	1—3	★	5—10	★	0,5	★	0,003	0,001	0,5	0,5	0,003	—	0,01	0,01	—	★	—
136.	19 ангоб	0,005	0,2	★	0,1	★	0,3	10—20	0,001	—	0,05	0,05	0,001	—	0,003	—	0,3	★	—
137.	20 тесто	0,002	0,5	★	0,3	★	0,3	Осн.	0,001	—	0,1	0,05	0,001	—	0,007	—	0,2	★	—
138.	21 тесто	0,001	0,03	★	Сл.	★	0,1	1—3	0,001	—	0,03	0,03	0,003	—	0,007	—	0,1	★	—
139.	21 ангоб	0,05	0,1	★	0,3	★	0,3	Осн.	0,005	—	0,3	0,05	0,003	—	0,007	Сл.	0,5	★	—
140.	22 тесто	0,005	10—20	Осн.	0,7	Осн.	0,5	Осн.	0,005	0,001	0,5	0,07	0,003	—	0,01	—	0,7	Осн.	—
141.	22 ангоб	0,003	0,1	★	0,2	★	0,3	10	0,001	—	0,03	0,02	0,01	—	0,01	—	0,05	★	—
142.	23 ангоб	0,001	0,3	★	Сл.	★	0,2	1,0	0,001	—	0,05	0,02	Сл.	—	0,003	—	0,5	★	—
143.	24 тесто	—	—	0,2	—	★	0,001	0,03	—	—	—	—	—	—	—	—	0,002	★	—
144.	25 тесто	Сл.	0,01	1—3	0,1	★	0,005	0,5	0,001	—	0,02	0,01	0,002	—	0,003	—	0,2	★	—
145.	25 ангоб	1,0	1,0	Осн.	0,5	★	0,3	Осн.	0,007	—	0,3	0,05	0,001	—	0,01	—	0,7	★	—
146.	26 тесто	0,001	0,01	1,0	—	★	0,007	0,5	0,001	—	0,01	Сл.	—	—	0,001	—	0,02	★	—
147.	27 тесто	—	Сл.	0,7	—	★	0,005	0,1	Сл.	—	—	—	0,001	—	—	—	0,01	★	—
148.	27 ангоб	0,4	0,7	Осн.	—	★	0,5	10	0,003	—	0,2	0,03	0,002	—	0,01	Сл.	0,5	★	—
149.	28 тесто	0,3	—	—	—	★	0,001	0,03	0,007	—	—	—	—	—	—	0,5	0,002	★	—

150.	28 ангоб	Осн.	Н. о.	Осн.	0,3	*	0,03	1-3	0,8	-	0,2	0,02	0,005	-	0,01	Осн.	0,5	*	-
------	----------	------	-------	------	-----	---	------	-----	-----	---	-----	------	-------	---	------	------	-----	---	---

Додвен

151.	1 глазурь	10-20	0,02	5-	-	5-	0,03	Осн.	0,001	-	0,001	0,3	-	-	0,005	-	0,8	*	-
152.	2 тесто	0,003	0,5	*	1,0	Ссн.	0,3	*	0,001	Сл.	0,05	0,3	0,001	-	0,01	-	0,8	*	-
153.	3 тесто	0,005	0,2	*	Сл.	10	0,1	*	0,001	-	0,05	0,3	0,001	-	0,003	-	0,5	*	-
154.	3 глазурь	0,3	Осн.	*	3-5	10	0,1	*	1,0	Сл.	0,05	0,03	Сл.	-	0,005	0,01	0,1	*	0,1
155.	4 тесто	0,003	0,2	*	Сл.	1,0	0,1	10	0,003	-	0,03	0,05	0,001	-	0,003	-	0,3	*	0,3
156.	4 глазурь	0,3	Осн.	3,0	3,0	Осн.	0,3	0,7	5,0	-	0,01	0,03	-	-	0,007	0,01	0,2	*	-
157.	1 тесто	0,002	0,01	1,0	-	0,5	0,03	Осн.	0,003	-	0,003	0,05	-	-	-	-	0,03	Осн.	Сл.
158.	1 краситель	0,02	-	10-20	-	Осн.	0,05	1-3	0,005	-	0,03	0,03	-	-	-	-	0,03	*	-
159.	5 глазурь	Осн.	0,3	1,0	-	*	0,03	1-3	0,001	-	0,03	0,05	0,001	-	0,005	-	1,0	*	-
160.	5 тесто	0,02	0,3	-	0,2	*	0,03	10	Сл.	-	0,3	0,05	-	-	0,005	-	0,5	*	-
161.	6 глазурь	0,001	0,05	Осн.	0,7	*	0,01	3,0	0,004	-	0,1	0,03	0,001	-	-	0,01	0,7	*	-
162.	6 тесто	0,5	0,03	*	-	*	0,01	Осн.	0,003	-	0,05	0,01	-	0,1	0,003	-	0,05	*	-
163.	7 глазурь	-	Осн.	*	0,3	*	0,01	0,7	0,003	-	0,05	0,03	Сл.	-	0,002	-	0,2	*	-
164.	8 глазурь	0,5	*	*	0,5	*	0,03	1-3	Осн.	-	0,01	0,05	-	0,07	0,005	0,01	0,05	*	-
165.	12 тесто	0,005	0,2	*	-	*	0,02	Осн.	0,001	-	0,05	0,2	-	-	0,005	-	0,5	*	-
166.	12 ангоб	0,003	0,05	0,1	-	0,8	0,003	*	0,001	-	0,01	0,01	-	-	0,003	-	0,05	*	-
167.	13 тесто	0,005	0,03	1,0	Сл.	1-10	0,005	*	0,001	-	0,03	0,03	-	-	0,002	-	0,1	*	-
168.	14 тесто	0,003	0,5	1-3	0,3	Осн.	0,05	*	0,001	-	0,05	0,2	0,001	-	0,005	-	0,3	*	-
169.	15 тесто	0,005	0,8	10	0,5	*	0,01	*	0,001	-	0,05	0,4	0,003	-	0,005	-	1-5	*	0,1
170.	16 тесто	0,001	0,1	0,5	0,3	1,0	0,05	5-10	0,001	-	0,01	0,3	-	-	0,003	-	0,2	*	0,1
171.	17 тесто	0,002	0,2	1-3	0,5	Осн.	0,02	Осн.	0,001	-	0,03	0,4	0,001	-	0,005	-	1,0	*	-
172.	19 тесто	0,005	1-5	Осн.	1-3	*	0,03	*	0,005	-	0,05	0,4	0,002	-	0,02	-	3-5	*	0,3

Полива наносилась прямо на черепок или на высококремнеземистый ангоб. Использования глиняного ангоба в качестве подглазурной основы, применявшегося в Отраре и Сауране, в образцах Додвена не наблюдается.

Как и в предыдущих памятниках, технология приготовления теста аналогичная — смешивание двух типов глин. Однако в поливной керамике использовались в равной степени смеси с различным соотношением компонентов (преобладание ожелезненных или карбонатных, или равное их количество). В неполивной керамике всегда преобладали ожелезненные глины.

Керамика Додвена обжигалась в нейтральной среде.

Итак, Отрар, Сауран и Додвен можно выделить как самостоятельные керамические центры. В ранний период (XIII—XIV вв.) для этих центров характерно явное преобладание изделий со свинцово-кремнеземистыми поливами и использование в них трех видов подглазурной основы; в XV—XVI вв. ведущую роль играли уже щелочные поливы и один вид подглазурной основы. Общим для вышеуказанных городищ является также набор красителей — это окислы меди, марганца, железа. В технологии приготовления теста использовался тоже один прием — смешивание двух глин.

Эти общие черты гончарного производства, присущие южноказахстанским городам, сближают их со среднеазиатскими керамическими центрами⁵.

Наряду с этим Отрар, Сауран и Додвен имеют и различия, связанные как с технологией изготовления изделий, так, вероятно, и с сырьевыми источниками. Они заключаются в следующем:

1) щелочные поливы Отрара имели основным плавнем Na_2O , а поливы Саурана и Додвена — K_2O ;

2) на Отраре наряду с ведущими щелочными глазурами применялись и щелочь-свинец-оловянные, которые отсутствуют в Сауране и Додвене;

3) все виды полив Саурана и Додвена имеют высокое содержание магния;

4) среди изделий Саурана и Додвена пока не найдено образцов с кобальтовой росписью.

⁵ Сайко Э. В. Среднеазиатская глазурованная керамика XII—XV вв. Душанбе, 1969.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ В КАЗАХСТАНЕ

М. К. КАДЫРБАЕВ

Результаты археологических исследований применяются, как известно, во многих отраслях наук. Помимо собственно гуманитарных дисциплин, они с успехом используются в геологии, горном деле, металлургии, палеозоологии, антропологии, астрономии, ботанике и т. д. Более того, развитие некоторых наук находится в прямой зависимости от количества и качества добываемых археологией данных. К их числу относится история медицины.

Н. А. Богоявленский пишет: «...вопрос об активном содружестве археолога и историка медицины из стадии пожеланий вырос в большую научно-исследовательскую проблему. У нас так мало источников по истории медицины, что археология как одна из самых убедительных наук не может быть игнорирована. Ее назначение — заполнить зияющую брешь в указанной области»¹.

¹ Богоявленский Н. А. О значении данных археологии при изучении истории отечественной медицины. — В кн.: Из истории медицины. Т. V. Рига, 1963, с. 79.

О возросшем в нашей стране интересе к этой проблеме свидетельствуют серия обзоров археологических находок по истории профилактической и лечебной медицины, опубликованных в специальных сборниках рижского музея истории медицины им. П. Страдыня, появление в некоторых республиках обобщающих трудов по истории медицины и, наконец, организация при мединститутах соответствующих музеев². Значение палеопатологических исследований для современной врачебной практики убедительно раскрыто многолетними работами Д. Г. Рохлина, обобщенными в его уникальной монографии³.

Среди многочисленных данных, добытых казахстанскими археологами по истории культуры, количество материалов, связанных с древней медициной, крайне невелико. Напомним о них.

Случай винтообразного (карусельного) перелома в средней части диафиза большеберцовой кости левой голени был зафиксирован в 1957 г. в мужском погребении V—III вв. до н. э. из урочища Карабие Коунрадского района Карагандинской области. Кость после столь сложного и довольно редкого перелома срослась с небольшим укорочением, но без изменения направления костной оси⁴.

П. Боев и О. Исмагулов показали медицинский характер трепанации черепа из кургана 1 того же могильника Карабие с целью лечения эндокринного заболевания у родового вождя, вероятно, совмещавшего при жизни военную власть со жреческими функциями. Они установили, что операция на черепе производилась металлическим сверлом в форме острия копья и еще каким-то металлическим инструментом⁵.

² Вишневский Б. Н. Новые находки трепанированных доисторических черепов в СССР. — Труды II съезда зоологов, антропологов и гистологов СССР. М., 1927; Оганесян Л. А. История медицины в Армении с древнейших времен до наших дней. Ереван, 1948; Саакишвили М. Г., Гелашвили А. П. Иллюстрации к истории медицины Грузии (с древнейших времен до XIX в.). Тбилиси, 1959; Дарумс В. Я. Костные заболевания у древних жителей Прибалтики по материалам археологических раскопок. — В сб.: Из истории медицины, т. V. Рига, 1963, с. 81—95; Фокина Е. Н. Археологические находки по истории медицины на территории СССР за последние десятилетия (1926—1963). — В сб.: Из истории медицины, т. VII. Рига, 1967, с. 137—149. Последний автор на стр. 146 повторяет ошибку П. Боева и О. Исмагулова о тюркской принадлежности черепа из Карабие (Боев П., Исмагулов О. Трепанированный череп из Казахской ССР. — СЭ, 1962, № 2, с. 131) и, кроме того, в подписи к рис. 5 дает неверную датировку. Характеристика и хронология этого памятника дана в ст.: Кадырбаев М. К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. — ТИИАЭ, т. 7. Алма-Ата, 1959, с. 170—173, 192.

³ Рохлин Д. Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох — нормальные и патологически измененные). М.—Л., 1965.

⁴ Кадырбаев М. К. Памятники ранних кочевников..., с. 173, рис. 8.

⁵ Боев П., Исмагулов О. Трепанированный череп из Казахской ССР, с. 131—132.

К сакскому времени относятся еще два случая трепанации, по-видимому, с лечебной целью. В раскопанном А. Х. Маргуланом кургане 3 урочища Сарша (Центральный Казахстан) обнаружен скелет женщины возмужалого возраста. На венечном шве черепа были выявлены два просверленных симметрично расположенных отверстий диаметром 8,8—9,5 мм. Расстояние между ними 5,3 см⁶.

В одном из погребений Улутауских гор А. Х. Маргуланом найден череп с круглой полусантиметровой пробойной на венечном шве⁷.

Во всех отмеченных случаях области трепанационных отверстий не имели следов заживления. Следовательно, хирургическое вмешательство закончилось смертельным исходом для пациентов. Однако истории медицины известны многочисленные примеры удачно выполненных операций, имевших место в Южной Америке, Северной Африке, Передней Азии, Европе и у нас, на территории СССР в эпохи неолита, бронзы, раннего железа и позднейшие времена⁸. О древнегреческой врачебной практике трепанации черепов в качестве метода лечения от таких заболеваний, как эпилепсия, сообщает Гиппократ⁹. Примерно в то же время в Индии и Китае подобные операции совершались при лечении некоторых видов слепоты. Письменные источники донесли до нас и легенды о знаменитых буддийских хирургах Дживаке и Хуа То (Юань-Хуа)¹⁰.

В древности, наиболее широко была распространена посмертная трепанация черепов. Ее выполняли шаманы и жрецы в ритуальных целях для изготовления амулетов, игравших роль оберега¹¹. К числу таких операций, на мой взгляд, относится трепанация на черепе богатого воина IV—V вв. н. э., захороненного в сводчатом помещении городища Кзыл-Кайнар-тобе близ г. Джамбула¹². Ритуальное назна-

⁶ Гинзбург В. В. Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР. — «Труды ИЭ АН СССР», т. XXXIII, 1956, с. 260—261; Исмагулов О. И. Череп из курганов с каменными выкладками (Центральный Казахстан). — В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 256—259. В. В. Гинзбург правильно отнес это погребение к комплексу курганов «с усами».

⁷ Кадырбаев М. К. Памятники ранних кочевников..., с. 190—191.

⁸ Обзор литературы см.: Рохлин Д. Г. Болезни древних людей..., с. 17—18, 173—174; Дэржум В. Я. Костные заболевания..., с. 93.

⁹ Гиппократ. О воздухе, водах и местности, гл. 21.

¹⁰ Demieville P. Dictionnaire encyclopedique du Bouddhisme d'après les sources chinoises et japonaises. Tokyo—Paris, 1937, p. 73; Юар П., Ван М. К изучению древней китайской медицины. Из истории науки и техники в странах Востока. М., 1963, с. 201.

¹¹ Broca P. Sur la trepanation du crâne et les amulettes crâniennes à l'époque néolithique. Congr. Internat. d'anthropol. et archéol. préhist., 1876, p. 101; Воев П. Върху историческите трепанации. — «Известия на Института по морфология», 1959, т. III, София, с. 197—198.

¹² Мерцисев М. С. Поселение Кзыл-Кайнар-тобе I—IV веков и захоронение на нем воина IV—V вв. — В кн.: По следам древних культур Казахстана, с. 86—88.

чение такой трепанации определяется очень крупным, округлой формы отверстием диаметром около 11 см, захватившим большой участок теменной, лобной и височной костей. Аккуратность, с которой проделан вырез отверстия исключает травматическое происхождение трепанации, а величина и топография отверстия — хирургическую операцию с лечебной целью.

В костном материале, добытом при археологических раскопках, зафиксированы следы боевых травм. Они не имеют прямого отношения к лечебной медицине, но, вероятно, интересны с точки зрения медицинской экспертизы. Знакомство с такими костями как бы оживляет давно прошедшие события и боевые эпизоды.

В 1966 г. при раскопках могильника Караоба близ горы Эдрей (Центральный Казахстан) был исследован курган 16, расположенный особняком, в восточной части могильного поля. Каменная насыпь покрывала две грунтовые могилы с погребениями воинов. Время захоронений определяется по железным трехперым черешковым наконечникам стрел, найденным в обеих могилах, и по деталям погребального ритуала началом I тысячелетия н. э. При расчистке южной могилы мы столкнулись с редким фактом, объясняющим причину гибели погребенного. Его череп отчетливо сохранил треугольный скол размерами $2,2 \times 2,5$ см на правой стороне лобной кости, в 2 см от надбровной дуги. Судя по сколу, глубина которого у наиболее длинной стороны достигала 2 мм, удар был нанесен сверху слева. В результате этого длинная сторона скола имеет круто обрывающийся край. Вероятнее всего, удар был нанесен чеканом и из-за неточности или защитных действий обороняющегося не полностью поразил цель, содрал кожу и повредив лобную кость. Однако рана была достаточно серьезной, по-видимому привела к потере сознания, и второй удар, нанесенный спереди сверху в область центральной части венечного шва оказался смертельным. Проникающее в ткань мозга ранение оставило на черепе две трещины и четкий рисунок прямоугольного отверстия размером $1,5 \times 1$ см, соответствующий сечению боевой части чекана.

О ранении со смертельным исходом можно судить по захоронению сакского времени из могильника Киик-су в Центральном Казахстане¹³. В правой лопатке воина, у ее внутреннего края, торчал бронзовый наконечник стрелы. Удар стрелы, направленный конным лучником сверху справа, был такой силы, что пробил правую сторону груди, и наконечник застрял при выходе из лопаточной кости. Убитый воин, как об этом говорит расчет траектории полета стрелы, сражался в пешем строю.

¹³ Кадырбаев М. К. Памятники ранних кочевников..., с. 165—166.

Следы боевых ранений известны и по другим данным. В коллекции Павлодарского краеведческого музея хранится тазовая кость человека эпохи раннего железа с вонзившимся в нее бронзовым двухперым наконечником стрелы.

Из археологических материалов по древней медицине Казахстана наибольший интерес представляет случай хирургической операции, выполненной на высоком для того времени уровне.

При раскопках упомянутого могильника Караоба в том же 1966 г. был вскрыт курган 55, под насыпью которого оказалась обычная грунтовая могила овальной формы. На дне ее находился разбросанный женский скелет. В неповрежденном состоянии сохранились лишь кости ног, по которым видно первоначальное захоронение погребенной на спине, головой на северо-запад. Уже в процессе раскопок было обращено внимание на патологические изменения берцовых костей левой голени скелета (рис. 1). Поскольку это вызывает особый интерес, приведем заключение специалиста-рентгенолога полностью: «На рентгенограммах ископаемых берцовых костей в прямой и боковой проекциях определяется ампутационная культя в средней части диафизов берцовых костей левой голени. Культя конически сужена, дугообразно искривлена по направлению спереди назад за счет периостальных остеофитов; имеется синостоз между берцовыми костями, обусловленный мостовидным остеофитом. Опорная часть культи склеротирована, поверхность ее выпуклая, сглаженная. Костномозговой канал расширен больше к дистальному концу, а корковый слой на этом уровне структурно изменен по типу гиперпластической перестройки, в остальных отделах он равномерно истончен. На протяжении 3—4 см от конца культи имеются периостальные наслоения характера периостоза. Берцовые кости по сравнению с неизмененными костями правой го-

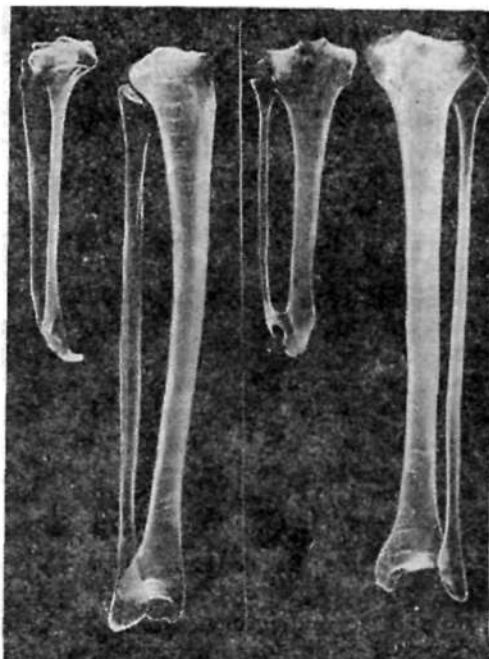

Рис. 1. Рентгенограмма берцовых костей левой и правой голени из погребения кургана 55 могильника Караоба

лени представляются остеопоротичными. Выражена костная атрофия. Эпиметафизарные отделы изучаемых костей полностью синостозированы. Суставные поверхности проксимальных концов берцовых костей левой конечности и обоих концов берцовых костей правой конечности не изменены. Ампутационная культя средней трети берцовых костей левой голени многолетней давности с остеофитами, не мешающими опорной функции культы. Кости принадлежат взрослому человеку, вероятнее всего, молодой женщине (более 23 лет), о чем свидетельствует полный синостоз эпифизов с метадиафизами. Рентгенологически выявленные изменения следует расценить как прижизненно приобретенные в результате оперативного вмешательства»¹⁴.

Существенное значение имеет вопрос о дате захоронения.

Могильник Караоба состоит из 87 курганов, сгруппированных в две цепочки, отстоящие друг от друга на 50 м и вытянутые с севера на юг. В состав каждой такой цепочки входят по два кургана с каменными грядами. В могильнике раскопано 15 курганов. Насыпи большинства исследованных курганов представляют естественный развал широких колец из мелкого камня, сооруженных вокруг грунтовых могил, покрытых каменными плитами (рис. 2). Могильные ямы сравнительно неглубокие, не более 1 м, и ориентированы длинной осью в широтном направлении или по линии С-З — Ю-В.

Курган 55 является типичным для этой группы и расположен в северной, наиболее насыщенной курганами, части западной цепочки. Вещевых находок в нем не оказалось вследствие ограбления многих курганов могильника в древности. Но в раскопанных рядом с ним аналогичных погребениях 45 и 65 найдены бронзовое зеркало с ушком по краю диска, каменный жертвенник ладьевидной формы, костяные проколка и игла (рис. 3). Перечисленные изделия близки к вещам конца второго этапа тасмолинской культуры, обнаруженным в могильниках Карамурун I и Жолкудук¹⁵. Следовательно, время кургана 55 — конец I тысячелетия до н. э.

Итак, перед нами достоверно установленный факт успешного исхода операции, произведенной в Казахстане более двух тысяч лет назад. Не меньший интерес вызывает еще одно обстоятельство, выявившееся при расчистке женского погребения из Караобы.

В 4 см ниже культы, на месте отсутствующего участка голени находились две специально отпиленные трубчатые кости барана. Непотребовавшее положение ног захоронения, тщательность фиксации

¹⁴ Рентгенограммы, их описание и заключение выполнены ассистентом кафедры рентгенологии института усовершенствования врачей Министерства здравоохранения КазССР Г. И. Хуснутдиновой.

¹⁵ *Кадырбаев М. К.* Памятники тасмолинской культуры. — В кн.: Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 36—37, 54.

Рис. 2. Караоба, насыпь кургана 55 после расчистки

этой ситуации исключают случайность или ошибку в наблюдении. Наверное, мы никогда не узнаем, был ли это действительно примитивный протез из двух связанных вместе костей животного, обшитых каким-либо материалом, или перед нами лишь его имитация.

Характер выростов костной ткани (периостальные остеофиты) на ампутированной конечности и слияние (синостоз) между большой и малой берцовыми костями скорее всего указывают на формирование культи в послеоперационный период под нагрузкой при помощи какой-то опоры. В качестве такого временного протеза и могли употребляться кости животного с соответствующей амортизирующей прокладкой. Судя по остеопоротичности левой голени, женщина из Караобы вела малоподвижный образ жизни. Остеопороз как заболевание кости, явившееся, видимо, следствием иммобилизации, болезненности ампутированной голени,¹⁶ в конечном счете, снизил опорную функцию конечности.

В распоряжении археологов еще слишком мало подобных материалов, но целевое накопление таких данных при участии в этом

¹⁶ Майкова-Строганова В. С., Рохлин Д. Г. Кости и суставы в рентгеновском изображении (конечности). Л., 1957, с. 180—185.

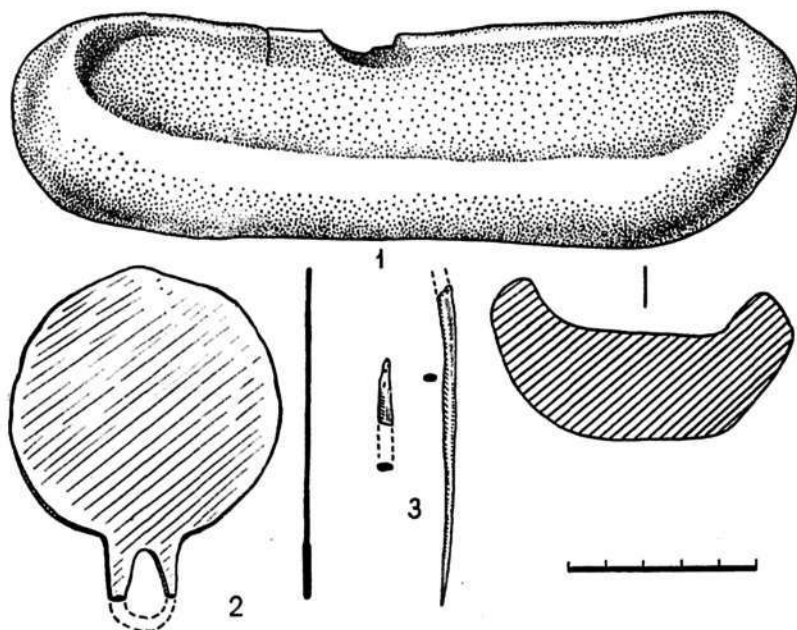

Рис. 3. Вещевой материал из двух курганов могильника Караоба:
 1, 3 — каменный жертвенник и костяные проколки, курган 62;
 2 — бронзовое зеркало, курган 45

деле специалистов-палеопатологов обогатит нашу историко-медицинскую науку конкретными знаниями о приемах и способах лечения различных заболеваний у племен и народов, населявших территорию Казахстана в разные исторические эпохи.

О НАХОДКАХ ИНДУСТРИИ КАМЕННОГО ВЕКА В КАРЖАНТАУ И КАРАОБА

Х. А. АЛПЫСБАЕВ

Древний палеолит. В 1973 г. на территории Ленинского района Чимкентской области, на восточном берегу р. Сусынген, левого притока р. Угам, нами было открыто местонахождение Сусынген. На высоком правом берегу р. Сусынген, в толще грубых обломочных валунно-галечников палевого серого цвета выявлены три грубых рубила и один массивный отщеп палево-серого цвета из темно-серого кремнистого сланца. Рубила имели двустороннюю обработку (рис. 1), следы окатанности и патинизации. Анализ этих изделий позволяет нам заключить, что данная коллекция ручных рубил из одного слоя и одного возраста. Архаические черты в технике обработки этих изделий, форма, патинизация и окатанность предположительно позволяют датировать их древним ашельским возрастом¹. Более точную их датировку дадут дальнейшие сборы и повторные наблюдения.

¹ Коробков И. И. Новая находка ручного рубила на Яштухе. — КСИА, вып. 101, 1964.

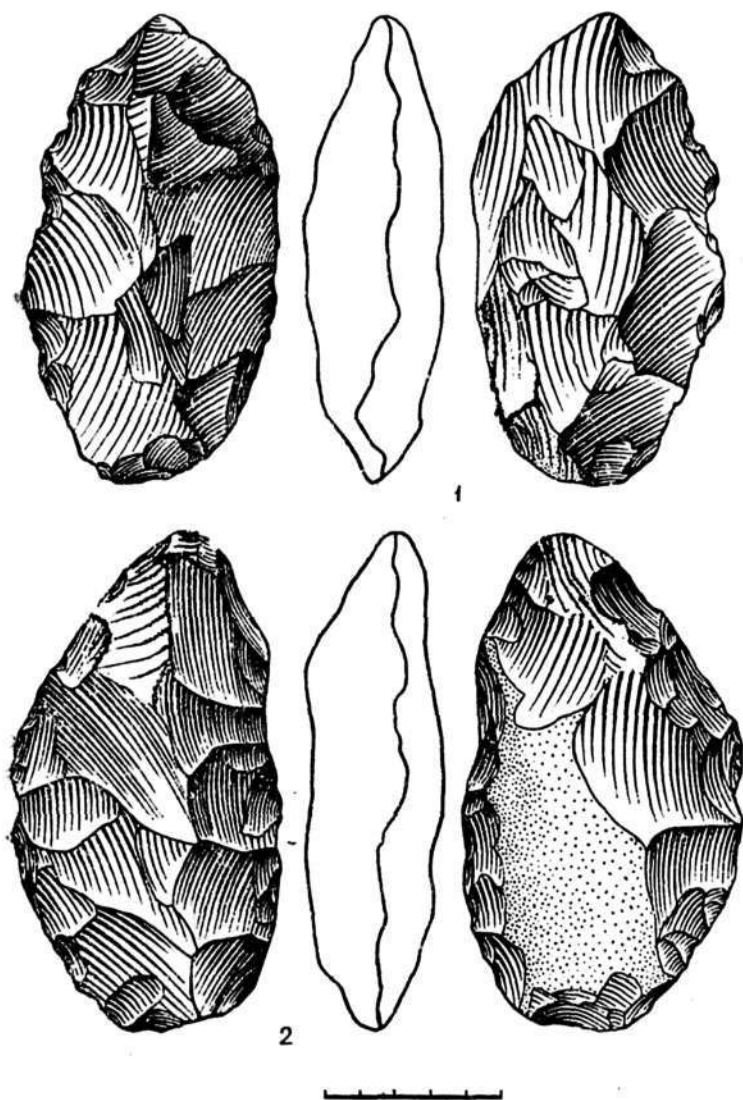

Рис. 1. Каменные изделия из Сусынгена (ручные рубила)

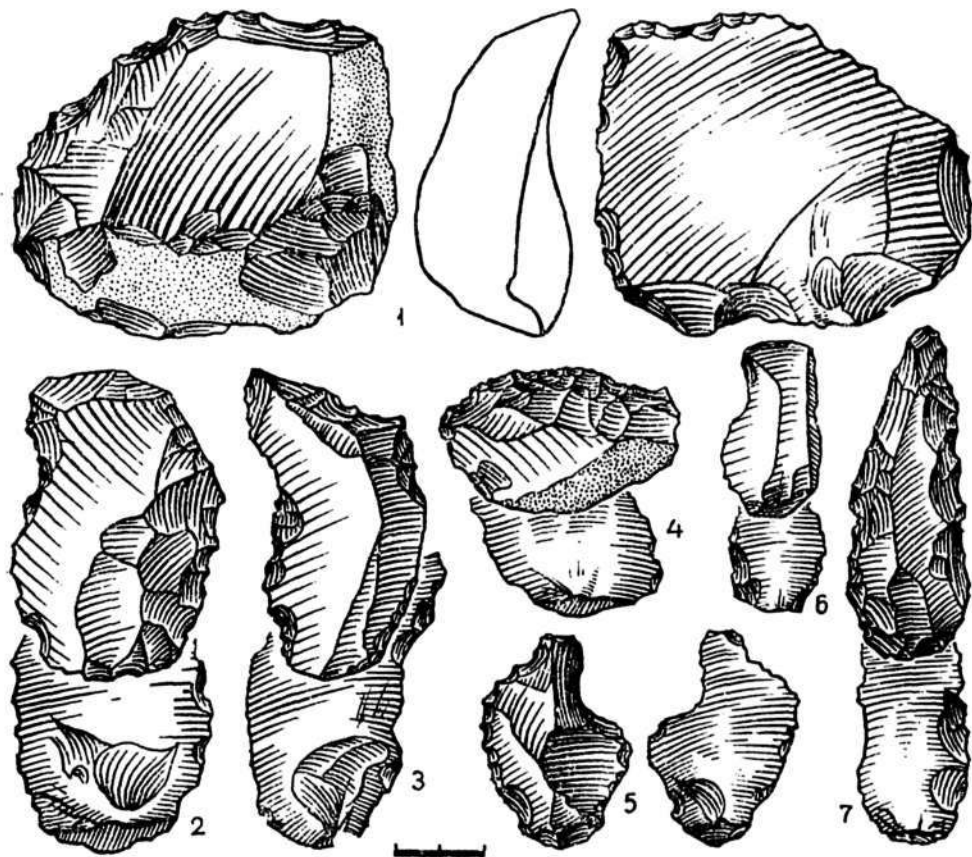

Рис. 2. Каменные изделия: 1, 6 — из Угама; 2 — из Жиенкумов; 3, 5 — из Княкты; 4 — из Жалпаксу; 7 — из Шагалысай

Жалпаксу I-II расположены в 18 км к югу от Абайского (Жигергена) участка совхоза «Коммунизм» Ленинского района Чимкентской области. Само местонахождение находится в 1,5 км к юго-западу от р. Жалпаксу, образующейся из слияния мелких горных речек, стекающих с северо-западных склонов хр. Каржантау. Коллекции каменных изделий связаны с указанным местонахождением денудационного пенепплена хр. Каржантау. На поверхности этого плато в 1973 г. зафиксировано мустьерское местонахождение. Еще в 1961 г. автор обнаружил здесь небольшой дисковидный нуклеус и несколько треугольных отщепов из кремнистого порфирита. В 1973 г. тот же тип

каменных изделий выявлен на двух участках данного местонахождения. Все они имеют различные стадии патицизации. На отщепах встречаются не очень крупные ударные бугорки, площадки, расположенные под прямым углом (рис. 2, 4). Данные каменные орудия несут на себе следы мустьерской техники обработки, что позволяет включить эти пункты Жалпаксу в группу мустьерских местонахождений Угама — Каржантау.

Местонахождения *Жалгызарча* I, II открыты в 1973 г. при тщательном осмотре всех участков плато Жалпаксу. Они расположены на плато хр. Каржантау в 23 км к юго-востоку от Жигергена на террасовидном уступе. Каменные изделия с двугранной спинкой, треугольные в сечении. На брюшке треугольных пластин довольно крупные бугорки, у большинства отщепов сняты сколы под прямым углом, а значительное число их имеют ударные бугорки, расположенные наискось по отношению к их оси. На поверхности террасовидного уступа, на высоте 160 м над уровнем речки, был выявлен крупный одноплощадный прямоугольный нуклеус леваллуазского облика, предназначенный для откалывания удлинённых пластинчатых отщепов (рис. 3, 1). Эти каменные изделия имеют несомненные следы ашельско-мустьерской техники обработки, дают основание считать их или древнее, чем каменный инвентарь Валихановского комплекса, или одновременным с ним².

Местонахождение *Киакты* расположено выше по предгорному склону хр. Каржантау, в 25 и 27 км к юго-востоку от населённого пункта Жигерген, в 7 и 9 км юго-восточнее Жалпаксу. Большинство обнаруженных пластинчатых отщепов подтреугольной листовидной формы; на спинке встречаются несколько граней, соединяющихся у вершины (рис. 3, 2). На их брюшке наблюдается крупный ударный бугорок, расположенный наискось и прямо. Форма этих пластин, характер огранки спинки, техника обработки позволяют считать, что они были сняты с леваллуазского веерообразного нуклеуса.

Среди треугольных отщепов довольно хорошо выделяются округлый скребок и выемчатое орудие (рис. 3, 3). На продольных краях последнего имеются следы употребления. Здесь же нами выявлены два ядрища: одноплощадное с прямоугольными поверхностями скалывания, причем скалывание велось с противоположных концов ядрища к его середине; на двуплощадном две поверхности скалывания, они расположены на противоположных широких плоскостях ядрища с параллельными негативами с указанного нуклеуса. Все

² Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайракумов. — «Труды Института истории АН ТаджССР», т. 33. Душанбе, 1961; Окладников А. П. Ходжакентская пещера — новый мустьерский памятник Узбекистана. — КСИА, в. 82, 1961.

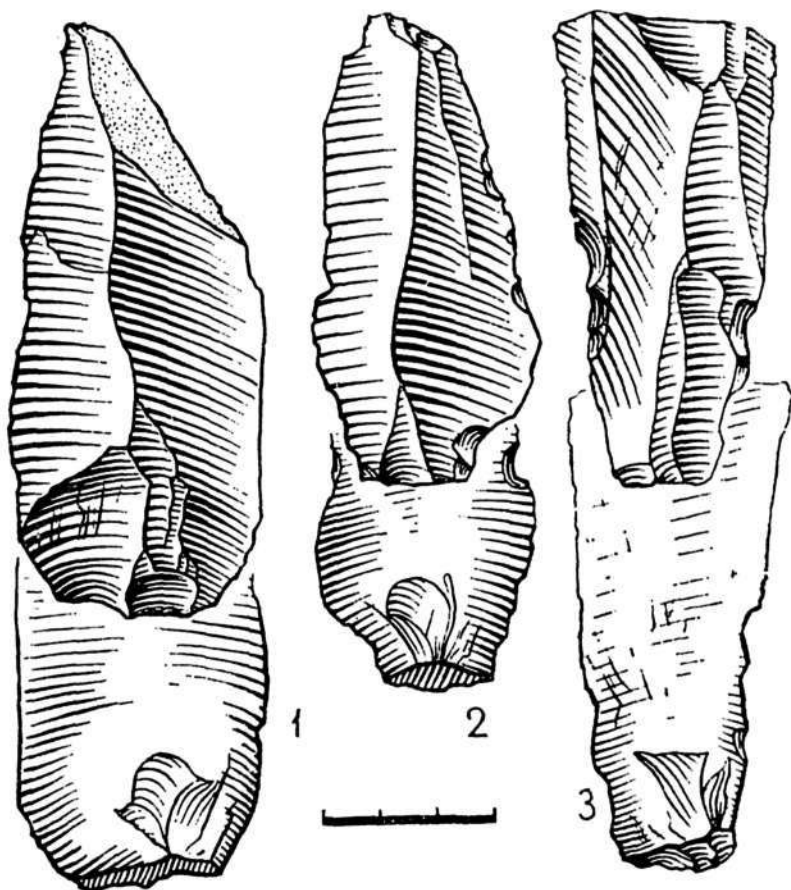

Рис. 3. Каменные изделия: 1 — из Жалгызарча; 2 — из Киякты; 3 — из Каржантау

каменные изделия из урочища Киякты дают основание датировать коллекцию мустьерским временем³.

Угам. Во время поисково-разведочных работ в долине р. Угам в 1960 г. нами была обнаружена треугольная пластина мустьерского

³ Любин В. П. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий. — МИА СССР № 131, 1965; Окладников А. П. Ходжакентская пещера — новый мустьерский памятник Узбекистана.

типа, аналогичная большинству пластин мустьерских стоянок Средней Азии и Казахстана. В 1973 г. выявлены подпрямоугольные дисквидные нуклеусы у населенного пункта Талдысай в долине р. Угам, а затем в том же году здесь были подняты три отщепа мустьерского облика (рис. 2, 1, 6).

Эти каменные материалы позволяют нам с уверенностью включить данный регион в группу мустьерских местонахождений Каржан-тау Угамского комплекса каменных орудий⁴.

Местонахождение *Каржантау* расположено в 1,5 км к северо-западу от старой грунтовой дороги, недалеко от спуска к р. Угам. Обнаружено оно в 1973 г. во время разведок на склоне хр. Каржан-тау. На поверхности, против крутого спуска, подняты три треугольных отщепа с глубокой черно-железистой патиной, на некоторых из них выявлены довольно крупные ударные бугорки и сосцеобразные выступы (рис. 3). Эти каменные изделия датируются мустьерской эпохой.

Жаужурек — данное местонахождение открыто нами в 1973 г. на поверхности возвышенности близ урочища Жаужурека, в 11 км к юго-востоку от слияния рек Угам и Сусынген. Здесь подняты отщепы треугольных форм с глубокой серой патиной, следами выветривания. На одном отщепе хорошо наблюдаются крупные ударные бугорки. Каменные материалы из Жаужурека аналогичны вышеописанным коллекциям каменных изделий мустьерского времени, что дает основание включить Жаужурек в группу мустьерских местонахождений Каржантау — Угам.

Природные условия в предгорных склонах хр. Каратау, в долинах притоков Сырдарьи были весьма благоприятны для заселения этой территории человеком с глубокой древности, с нижнего палеолита⁵.

Находки, относящиеся к более раннему возрасту, выявлены нами в 1974 г. на четвертой и третьей террасах р. Чаян, недалеко от с. Жиенкум, на землях совхоза им. Спатаева и «Октябрь». Ниже третьей террасы нижнепалеолитические изделия не встречались. При обследовании верхней террасы р. Чаян на ее поверхности в палеозойских конгломератах зарегистрированы следы кострищ овальных форм (60×30 см), пережженные пятна супеси и суглинков. Зачистка выявила крупные вертикально выложенные плоские доломитовые камни, залегавшие на поверхности конгломератов. Рядом подняты мустьер-

⁴ Окладников А. П. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца. — В кн.: Тешик-Таш. Палеолитический человек. М., 1949.

⁵ Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов А. А. Древности Кайраккумов; Ранов В. А. Палеолит Таджикистана. Душанбе, 1965; Окладников А. П. Древние связи культур Сибири и Средней Азии. — В кн.: Бахрушинские чтения, вып. 1, 1966.

ские более архаичные изделия. Большинство из них со следами предыдущих фасеток с глубокой серой патиной; на нуклеусах и его заготовках имеется глубокая белая пати́на.

Многие каменные поделки изготовлены из бело-молочного халцедона. Подобное каменное сырье использовалось еще на позднеашельских стоянках Торральба и Амброн (Испания)⁶ и позже — на мустьерской стоянке им. Ч. Ч. Валиханова.

Среди обнаруженных сразу бросаются в глаза такие халцедоновые изделия, как двусторонне обработанные рубящие орудия типа чоппингов, которые изготавливались нанесением поперечных противоположащих сколов; от рубящих орудий снимались отщепы вертикально то с одного, то с другого края. Таких орудий в этой коллекции три экземпляра.

Кроме них на высокой террасе нами собраны 29 каменных изделий. Среди них шесть нуклеусов; все они атипичные, архаичные. Первый нуклеус дисковидный, треугольных очертаний, служивший для скалывания широких треугольных отщепов. Скалывание производилось только с одной плоскости и одного края к центру. Тыльная сторона ядрища у площадки — плоская ось с одним широким поперечным сколом. Поверхность нуклеуса имеет следы выветривания. Вторым нуклеусом прямоугольных очертаний со следами конвергентных сколов, третий служил для получения четырехугольных сколов. На четвертом прослеживаются фасетки от снятых отщепов не только треугольных, но и прямоугольных очертаний.

На верхней террасе р. Чаян обнаружены также 7 отщепов нуклеусов и каменных орудий.

Все каменные изделия этого района относятся к одному времени. Находки сконцентрированы на небольшом пространстве, разрозненности их не наблюдается. По своей древности и выветренности весь подъемный материал легко объединяется в одну коллекцию. Многие каменные изделия, как нуклеусы, так и заготовки, сделаны из халцедона, причем выходы такого халцедона поблизости пока не обнаружены.

На *Жалпаксу III* в 1974 г. выявлены аналогичные находки. Все каменные орудия однородны по назначению и архаичны, одинаковой выветренности. Для них характерны крупные ударные бугорки и тупой угол между плоскостью брюшка и ударной площадкой. Поскольку следы каких-либо подправок на них отсутствуют, они не древнее, чем комплекс каменных изделий из Токалы, Кзылрыбека хр. Каратау, но, вероятно, более раннего возраста, чем изделия

⁶ Howell F. C. Observations, on the earlier phases of the European Lower palaeolithic. — American Anthropologist, vol. 68, pt. 2, 1966.

стоянки им. Ч. Ч. Валиханова⁷. Рассмотрим выявленные здесь типичные отщепы. Это массивные отщепы с широкой ударной площадкой, составляющей тупой угол с плоскостью брюшка (рис. 3, 2).

Другой отщеп снят от нуклеуса под тупым углом; массивный ударный бугорок занимает третью часть нижней плоскости, в точке удара наблюдается сосцеобразный выступ. На спинке следы фасеток. Оба края обработаны широкой фасеточной подтеской. Поверхности изделия глубоко патинизированы и заглажены фасетками. По характеру обработки данная поделка могла быть использована как скребло или режущее орудие.

Незначительно представлены зубчато-выемчатые изделия. Одно из них оформлено на древней заготовке. Треугольный отщеп снят под углом к плоскости ударной площадки; ударный бугорок занимает большую часть брюшка изделия. Поверхность отщепа со стороны двугранной спинки представляет собой желвачную корку с налетом патинизации. Следы сработанности наблюдаются на левой продольной стороне. Они покрыты широкой ретушью и оформлены как выемчатое орудие. Противоположные края и вершина остроконечника обработаны широкой фасеточной ретушью. Можно сделать вывод, что изделия являются симметричными остроконечными скреблами.

В качестве орудия может выступать и асимметричный двускатный отщеп с крупным ударным бугорком, сколотый под тупым углом от плоскости ударной площадки. Крупная ударная площадка его имеет две грани; продольные рабочие края подправлены ретушью. Вероятно, данный отщеп использовался как колющее орудие. Отщепы могут использоваться и как острие-проколка, правый рабочий край этого орудия сформирован одним резцовым сколом; левый продольный край частично обработан полого-приострящей ретушью. Этот отщеп снят под острым углом от плоскости ударной площадки и напоминает летящую птицу; спинка у него двугранная. На обеих поверхностях налет желто-железистой патины. Один из отщепов в коллекции имеет трапецевидную форму, его продольный край оформлен полой приострящей ретушью, а противолежащий левый край обработан выемчатой притупляющей ретушью, она как бы создает две выемки и зубчатость орудий. На обеих поверхностях отщепа отмечаются следы выветривания и заглаженность.

Интересным изделием является подтреугольное скребкообразное орудие на крупном отщепе, который снят под тупым углом от плоскости ударной площадки. На широкой ударной площадке две грани.

⁷ Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайракумов; Коробков И. И. Новая находка ручного рубила на Яштухе; Окладников А. П. Проблемы древнейших культурных и этнических связей Средней Азии и Сибири.—В кн.: Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1972.

Обе поверхности покрыты желто-железистой патиной. Широкий прямой край отщепа обработан приострающей ретушью. Фасетки данного изделия сильно заглажены и патинизированы. К группе резцовых орудий, найденных в древних стоянках ашельско-мустьерского периода примыкают отщепы со следами резцовых сколов.

Шагалисай. Другим мустьерским местонахождением следует считать и Дарбаза-Кудык-Шагалисай. Он расположен на склоне небольшой возвышенности с выходами коренной красной палеогеновой породы. Здесь на I—II террасе древнего русла р. Шагалисай выявлены мелкие чешуйчатые сколы, отщепы и один треугольный симметричный остроконечник. Оба края и вершина орудия обработаны плоской ретушью. На вершине она частично заходит на спинку изделия (рис. 2, 7).

Мелкие отщепы и чешуйки свидетельствуют об обработке орудий на месте стоянок или местонахождения.

Подобные остроконечники были зафиксированы в Самарканде, на III террасе р. Пскем 1, на мустьерской стоянке им. Ч. Ч. Валиханова и в других аналогичных мустьерских памятниках.

Жиенкум. В 1974 г. во время разведочных работ в районе Жиенкума, вдоль р. Чаян, при ее впадении в канал Арысь — Туркестан, нами открыты три участка с каменными орудиями, покрытыми глубокой коричневой патиной. Это тринадцать отщепов и одноплощадочный треугольник. Нуклеус и отщепы, возможно, леваллуазского облика. Большинство отщепов имеют тупой угол от ударной площадки и сосцеобразные выступы (рис. 2, 2). На всех каменных изделиях следы глубокого выветривания. Этот пункт местонахождения Жиенкум также можно причислить к ашельско-мустьерским комплексам хр. Каратау⁸.

Кзылжар. В 12 км к северо-востоку от Кызылжарского населенного пункта, на поверхности IV террасы р. Арыстанды, нами зафиксированы два пункта нижнего палеолита. Среди находок ашельско-мустьерского облика отщепы со следами ожелезнения и выветренности.

Жузымдык-Арыстанды. В 1974 г. во время разведки в Алгабаском районе Чимкентской области в 11 км южнее с. Жузымдыка выявлены каменные изделия на правом берегу пересыхающей р. Арыстанды, на поверхности IV террасы в палеогеновой красной глине, тянущейся на 2 км. Отсюда происходят нижнепалеолитические отщепы (13 экз.) со следами предыдущих сколов и с глубокой патиной. Это прямоугольные, овальные и треугольные отщепы с крупными ударными бугорками. В четырех из них ударные бугорки расположены наискось по отношению к их оси. Пять отщепов имеют

⁸ Коробков И. И. Нуклеусы Яштуха. — МИА, вып. 131. М.—Л., 1965.

ограничение на спинке, что свидетельствует о дисковидной форме нуклеусов, с которых были сколоты эти отщепы. В целом комплекс палеолитических орудий более древний, чем материалы из стоянок Крыма⁹.

Жанатас III. В 1973 г. в 800 м. юго-восточнее г. Жанатаса, на поверхности небольшой возвышенности были выявлены каменные изделия: неправильный призматический нуклеус, отщепы, удлиненные пластины, некоторые из них с подтеской по брюшку, скребок с полукруглым рабочим краем. Данный кремневый инвентарь можно сравнить с материалами верхнего слоя стоянки им. Ч. Ч. Валиханова и датировать это местонахождение поздним палеолитом, как и Коктас близ р. Беркутты.

Местонахождение *Майтобе* находится южнее совхоза Майтобе, в 50 км к западу от г. Джамбула, возле водохранилища. Здесь в 1973 г. обнаружены каменные орудия, состоящие из трех неправильно-призматических нуклеусов и их обломков, отщепов, пластин. Один из них с выемкой, образованной ретушью, а другие с затупленной спинкой. Большинство каменных поделок изготовлены из черного кремня, а другие — из красновато-розового халцедона, выходы которых имеются в районе оз. Акколя, в 70 км от этого местонахождения. Данные каменные материалы позволяют считать их аналогичными материалам Коктаса.

Неолит. Шалкия. Стоянка Шалкия 1 расположена на южном пологом подножье горы Караоба, в 2 км к югу от с. Шалкия, в 85 км к югу от рудника Каражала Жанааркинского района Джезказганской области. Неолитическая стоянка Шалкия находится в 500 м южнее родника. В древности она, вероятно, находилась еще ближе к роднику. Наличие хорошего пастбища, топлива, сырьевого и строительного материала благоприятствовало освоению этой местности древним человеком еще в эпоху неолита. Эта стоянка плавно повышается в сторону горы Караоба. На стоянке близ скважины № 210 заложен большой шурф размером 1,20×2,20×3 м. В нем отмечены следующие разрезы:

- 1) дерновая сероватая супесь 0,40—0,60 м;
- 2) гумусированный суглинок 0,60—0,90 м;
- 3) темно-сероватый суглинок с щебнем 0,80—1,20 м;
- 4) желтая глина 1,10—1,30 м;
- 5) коренные серовато-зеленые базальты.

Поверхностный осмотр и небольшая зачистка, давшая массу костей животных, показали, что культурный слой залегает непосред-

⁹ Гладили В. Н. О технике леваллуа в мустье Русской равнины и Крыма. — Археология, т. 22. Киев, 1969. На укр. яз.

ственно под десятисантиметровым слоем дерна над желтыми глинами — коренными породами. Отдельные участки культурного слоя стоянки Шалкия оказались развеянными. Площадь, занятая поселением, огромна и богата неолитическими находками. Данная стоянка была основным местом обитания, на что указывают находки и кости животных. За пределами стоянки подъемный материал отсутствует.

Археологический материал, полученный из заложенных нами шурфов, а также в результате зачисток шурфов местных геологов и сбора с выброшенного балласта, очень многочислен и весьма разнообразен. В коллекции Шалкия насчитывается 1263 изделия из камня, в том числе 1220 отщепов и чешуек. Большинство из них беловато-серого, непрозрачного красновато-серого и черного кремня, красновато-коричневого роговика и других местных пород.

Нуклеусов в коллекции Шалкия 13 экземпляров, в числе их шесть целых (призматические, конусовидные, клиновидные и один карандашевидный), четыре обломка (поперечные сколы, один из них крупный, от клиновидного нуклеуса, один небольшой обломок призматического нуклеуса, другой обломок от конусовидного нуклеуса). Форма нуклеусов различна и, вероятно, зависит от начальной формы камня, который послужил для них основой. Большой интерес представляет призматический нуклеус с тремя рабочими площадками. На одной стороне уцелела часть желвачной корки; две площадки расположены перпендикулярно друг к другу, а третья — по длинной боковой грани. Аморфные нуклеусы имеют беспорядочные сколы в различных направлениях. Очень велико число заготовок и мелких сколов с нуклеусов, реже встречаются ребристые пластины (3 экз.). В коллекцию входят ножевидные пластины без ретуши и их обломки (9 экз.), отщепы, обломки и чешуйки (121 экз.). В большинстве случаев эти изделия мелкие; незначительная часть их имеет очень мелкую ретушь или отчетливые следы употребления; 1/2 часть этих изделий на поверхности сохраняет желвачную корку. В ряде моментов отщепы оформлены ретушью, имеют выемки и зубчатость. Средние отщепы употреблялись в качестве резцов — скребущих орудий, более удлиненные и тонкие — как ножи.

Ножевидные пластинки (23 экз.) преимущественно средних размеров (1,8—5,3 см). Некоторые из них имеют притупленность и ретушь. Хорошо выраженных орудий очень мало. Они устойчивой формы и, вероятно, выполняли несколько рабочих функций. Две микропластинки имеют ретушь по двум продольным краям, две — со стороны спинки и брюшка. Они симметричной и асимметричной формы (7×4,5×2,5 см; 5,2×2,1×0,6 см).

В коллекции стоянки Шалкия 18 скребков: три экземпляра выской формы; четыре с выпуклым рабочим концом; два с ретушью

по продольным и поперечным краям; два выемчатой формы (они имеют довольно много рабочих элементов); три — скребки округлой формы; два — скошенные скребки; три экземпляра — скребки-резцы. Подавляющее большинство этих орудий изготовлены из подчетырехугольных, треугольных, овальных полукруглых отщепов. Только незначительная часть их сделана из ножевидных пластинок. Оригинальны скребки-резцы на отщепах, на правой боковой стороне которых несколько резцовых сколов. У скребка, сделанного из подчетырехугольного отщепа, скошенный полукруглый край оформлен как рабочее лезвие, а противоположный правый конец имеет вид бокового резца. Близко к ним по назначению и небольшое острие с заостренным боковым концом-носиком и с боковым выемом. Всего одним экземпляром представлен ребристый остроконечник с боковым выемом, с краевыми выщербинами, сделанный из розоватого роговика. Сильная заполированность и заглаженность указывает на его использование в качестве орудия.

Перечисленный материал из стоянки Шалкия компактен и весьма характерен. Датировка его в пределах конец неолита — энеолит. Орудия из этой стоянки, такие, как скребки различных форм, употреблялись для разделки туш, обработки шкур, изготовления охотничьих орудий и украшений. Ножами могли служить миниатюрные пластинки, вставленные в оправу.

Неолитическая культура Центрального Казахстана генетически связана с традициями каменной индустрии эпохи позднего палеолита. Среди орудий из стоянки Шалкия имеются образцы позднепалеолитического облика, наблюдается сосуществовавшие с мезолитическими микролитами. Эти данные свидетельствуют о долговременности обитания человека на стоянке Шалкия.

Флоро-фаунистическая обстановка благоприятствовала освоению данного региона первобытным человеком. Большое количество костей оленей, джейранов и других диких животных, на которых охотился человек, доказывает это положение.

Прекрасным примером сосуществования старых и новых форм орудий могут служить каменные изделия, обнаруженные в северо-восточной части города Джезказгана. Здесь поздние палеолитические орудия смешаны с неолитическими. Джезказганские стоянки располагались по берегам русел древних рек и родников. Для изготовления орудий в эпоху палеолита и неолита чаще всего использовали красные, желтые роговики, яшмы, полупрозрачный халцедон, кремнь и кварцит. Среди каменных изделий преобладают небольшие прямые, скошенные и полукруглые скребки, нуклеусы, острия, проколки, наконечники стрел, ретушированные пластинки-вкладыши, конусовидные, призматические, карандашевидные нуклеусы. Разме-

ры ножевидных пластин и пластинчатых отщепов и ядрищ всегда соответствуют друг другу. На этих орудиях часто встречаются острые выступы и выемки, обработанные ретушью; некоторые из них служили ножами, скреблами и выполняли иные функции.

Памятники древнекаменного века Центрального Каржантау-Угам весьма архаичны. Древнейшим из них является местонахождение Сусынген. Другие памятники относятся к ашельско-мустьерскому времени, о чем говорит наличие в коллекции пластин и ядрищ леваллуазского типа. Вероятно, новые памятники, открытые нами (Жалпаксу I, II, III, Жалгызарча I, II, Каржантау, Киякты и др.) памятники с явно леваллуазскими традициями.

МАТЕРИАЛЫ К ОХОТНИЧЬЕ-ПРОМЫСЛОВОЙ ФАУНЕ ЭПОХИ НЕОЛИТА И БРОНЗЫ КАЗАХСТАНА

Л. А. МАКАРОВА

Видовой состав остатков диких млекопитающих в неолитических слоях и на поздних стоянках эпохи бронзы позволяет выяснить одну из сторон хозяйственной деятельности людей того времени, а именно значение охоты на промысловых животных.

По имеющимся на сегодня сведениям об остатках диких животных голоценовой эпохи, известных из раскопок археологических памятников, можно выделить отдельные районы республики, наиболее полно исследованные в палеофаунистическом отношении.

В основу данной статьи положены результаты определения костей диких млекопитающих, собранных археологами Казахстана во время раскопок в пещере Караунгур в Чимкентской области и на некоторых поселениях эпохи бронзы в Северном и Центральном Казахстане. Приведены и ранее известные сведения о находках в республике остатков дикой фауны, сопутствующей предметам материальной культуры.

Для изучения охотничье-промысловой фауны эпохи неолита большой

интерес представляет найденная на южных склонах Каратау мезолит-неолитическая пещерная стоянка Караунгур¹. В фауне этого уникального захоронения среди костных остатков зафиксировано свыше 5000 костей диких млекопитающих, из которых наибольший процент составляют промысловые животные². В преобладающем большинстве это представители отряда хищных (лисица), парнокопытных (кабан) и жвачных (архар, косуля). Остатки костей указывают на разнообразие животного мира южных склонов хребта Каратау в видовом отношении, на обитание здесь животных, связанных с различными ландшафтно-экологическими условиями. Так, из широко распространенных животных современной фауны республики здесь обнаружены кости барсука, волка, лисицы; из животных, связанных с каменистыми биотопами (скалами и осыпями), — костные остатки горного козла; из мезофильных форм — шакала, кабана; из представителей гор — архара; из степных видов — хорька; из обитателей пустынь Казахстана — сайги и выявлены также кости кулана и дикого быка, водившихся здесь в недалеком прошлом.

По количественному составу костных остатков среди представителей хищников кости лисицы составляют 93%. Из копытных наибольший процент приходится на кости архара (55,8), затем кабана (22,3) и на косулю (14,3). В общем количестве материала кости архара составляют 39,7%, кости лисицы — 18,1, кабана — 15,7 и косули — 10,3%. Эти животные, видимо, доминировали и в фауне диких млекопитающих южного склона хребта Каратау, в связи с чем очевидна и лучшая доступность их для охоты. Большое количество костей архара указывает на его значение в жизни древних людей как основного промыслового животного. По сообщению Н. К. Верещагина, среди остатков крупных животных, добывавшихся первобытными людьми, преобладали кости архара³. Распространение этого животного в горах Каратау подтверждается находками наскальных изображений⁴.

Как видно из числа костных остатков, основным видом пушного

¹ Аллысбаев Х. А. Неолитическая стоянка в пещере Караунгур (Южный Казахстан). — «Известия АН КазССР. Серия обществ.», 1969, № 2, с. 85.

² Макарова Л. А. Терофауна пещеры Караунгур. — В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с. 146.

³ Верещагин Н. К. Охоты первобытного человека и вымирание плейстоценовых млекопитающих в СССР. — В кн.: Материалы по фауне антропогена СССР. Л., 1971, с. 200—230.

⁴ Антипин В. М. Экология происхождения и расселения диких баранов Казахстана. — «Известия АН КазССР. Серия зоол.», 1947, вып. 6, с. 3—22; Соколов В. Е. О прошлых ареалах копытных по наскальным изображениям. — «Бюллетень Московского общества испытателей природы, отд. биол.», т. XIX (I), 1964, с. 113—114; Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата, 1977.

промысла являлась лисица. На это животное, по данным Н. К. Верещагина, охотились почти повсеместно на территории СССР в палеолите, неолите и в эпоху бронзы⁵. Однако Н. К. Верещагин не указывает для палеолита и неолита Казахстана находок костей в составе зверей охотничьего промысла дикого кабана. Костные остатки из пещеры Караунгур доказывают, что охотники неолита Каратау отлавливали кабанов довольно в большом количестве.

Из других промысловых копытных животных, костные остатки которых в находках немногочисленны, можно отметить сайгу, оленя-марала и горного козла. Небольшое число костей сайги, по-видимому, можно объяснить тем, что сайга как житель открытых пространств в данный район горного хребта заходила редко и охота на нее оказывалась случайной. Охота на козлов, по всей вероятности, затруднялась обитанием их высоко в горах. Возможно также, как предполагает С. С. Черников⁶, что редкая охота на этого зверя могла быть связана с какими-то религиозно-тотемистическими представлениями, с каким-нибудь табу. То же самое можно сказать и об охоте на оленя. Однако обитание козлов и оленя в прошлом в горах Каратау подтверждается многочисленными наскальными рисунками⁷. В работах М. К. Кадырбаева и А. Н. Марьяшева по петроглифам Каратау наскальные изображения датируются эпохой бронзы и раннего железа. Это позволяет говорить о существовании и в эти эпохи таких установленных нами в фауне хребта Каратау видов животных, как лисица, барс, медведь, олень, косуля, архар, горный козел, дикий бык и кабан⁸.

Малочисленность костей дикого быка в захоронении стоянки Караунгур затрудняет точное их видовое определение. Установлена лишь несомненная принадлежность этих костей к роду *Bos*. Однако образ быка-тура в петроглифах Каратау подтверждает возможность распространения данного животного в фауне этого района и охоты на него в прошлом. Судя по наскальным изображениям, этот вид существовал уже около трех тысяч лет назад⁹. В Средней Азии костные остатки первобытного тура известны из верхнепалеолитической стоянки, обнаруженной на правом берегу Комсомольского озера г. Самар-

⁵ Верещагин Н. К. Охоты первобытного человека..., с. 200—230.

⁶ Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА. М.—Л., 1960, № 88, с. 62—66.

⁷ Соколов В. Е. О прошлых ареалах копытных..., с. 113—114; Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н. Третий сезон работы на Каратау. — В кн.: Археологические открытия 1971 года. М., 1972, с. 499—501.

⁸ Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н. Наскальные изображения..., с. 151.

⁹ Кожамжулова Б. С. Антропогенная ископаемая териофауна Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 110—117.

канда¹⁰, а также из древнейших культурных слоев городища Анау, близ Ашхабада¹¹.

Караунгурские виды млекопитающих для неолита южного хребта Каратау стали известны впервые, а хорек, выдра, медведь, шакал, барс и горный козел — впервые для неолита Казахстана.

К сожалению, в литературе мало сведений о костных остатках диких и домашних животных из археологических памятников эпохи неолита на территории Казахстана. Некоторые данные сообщает Л. А. Чалая¹². Раскопки неолитических стоянок Иман-Бурлук 1, 2 в Кокчетавской области, Пеньки 1 в Павлодарской показали, что здесь имеются кости крупного и мелкого скота и лошади. Определить, каким животным (диким или домашним) принадлежат кости, оказалось невозможным¹³. Однако нахождение большого числа костей лошади на стоянке Иман-Бурлук 2 по сравнению с костями других животных и особенно характер захоронения их в одном месте (по устному сообщению Л. А. Чалой) говорят, скорее всего, о принадлежности этих костей дикой форме лошади, возможно лошади Пржевальского, которая, по многочисленным литературным сведениям, обитала на территории Казахстана еще во второй половине XIX в. По всей вероятности, охотники неолита, учитывая особенности ландшафта, устраивали загоны, засады на диких лошадей, куланов и сайгу и охотились на них с применением такого метательного орудия, как боласы¹⁴. По свидетельству литературных источников, неолитические стоянки обычно располагались по берегам рек, куда приходили на водопой и дикие животные, составлявшие основной промысел древних охотников¹⁵.

На поселении Пеньки 2 найдена фигура из камня — изображение головы и шеи лося, который водился в этом районе до недавнего времени¹⁶. В березово-осиновых лесах и сосновых борах Северно-

¹⁰ Там же, с. 117.

¹¹ Громова В. И. Предварительное сообщение о первобытном быке или туре в СССР. — Доклады АН СССР, № 4. Л., 1930, с. 85—90.

¹² Чалая Л. А. Поздненеолитический инвентарь и хозяйство стоянки Иман-Бурлук. — В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с. 202.

¹³ Чалая Л. А. Поздненеолитический инвентарь..., с. 202.

¹⁴ Кланчук М. Н. Галечные орудия местонахождения Музбель 1—2 в Центральном Казахстане. — В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 217—226.

¹⁵ Акишев К. А. Памятники старины Северного Казахстана. — «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 7, 1959; Чалая Л. А. О культуре микролитов эпохи неолита в бассейне реки Каратурской. — В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 192.

¹⁶ Чалая Л. А. Озерные стоянки Павлодарской области Пеньки 1, 2. — В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 161—181.

го Казахстана иногда и теперь находят старые сброшенные рога маралов, а также лосей — свидетельство бывшего обитания там этих ныне исчезнувших зверей¹⁷. О существовании оленя-марала в прошлом на территории Северного Казахстана говорят и найденные в 1967 г. близ пос. Вишневки в Целиноградской области костяные пластины от колчана с изображением этого животного¹⁸. Небольшое количество костных остатков оленя в памятниках эпохи неолита и бронзы, видимо, как уже отмечалось, связано с культовым значением этого животного, которое проявлялось и в запрете охоты на него. Однако частое изображение марала в наскальных рисунках и на предметах материальной культуры, несомненно, указывает на его широкое обитание в пределах современного Казахстана¹⁹. С древнейших времен и до середины XVIII столетия олень являлся степным обитателем и лишь позднее был оттеснен людьми в лесные районы²⁰. Ископаемые остатки его в пределах республики прослеживаются с нижнего антропогена и до современности²¹.

В 1955 г. около поселения Железинки были обнаружены остатки неолитического захоронения и некоторые предметы, в том числе ожерелье из просверленных зубов хищных животных и две фаланги кулана (определение В. С. Бажанова)²².

Дикие млекопитающие эпохи бронзы на территории республики стали известны по археологическим раскопкам из ряда мест Северного, Центрального и Восточного Казахстана. Автором настоящего сообщения был определен костный материал из поселений эпохи поздней бронзы Бугулинского, Каркаралинского, Шортанды-Булака и Суук-Булака в Карагандинской и Атасу в Джезказганской областях Центрального Казахстана²³. Здесь также можно выделить некоторый археологический палеофаунистический комплекс, характерный для Казахского мелкосопочника, своеобразного в ландшафтно-географическом отношении. Так, из поселения Атасу известны степной хорек, заяц, лисица, кабан, кулан, олень, сайга, джейран; из Бугулинско-

¹⁷ Афанасьев А. В. Зоогеография Казахстана. Алма-Ата, 1960, с. 92.

¹⁸ Кадырабаев М. К. Зооморфные пластины из Северного Казахстана. — В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975, с. 130—140.

¹⁹ Там же, с. 130—140.

²⁰ Бажанов В. С., Костенко Н. Н. Атлас руководящих форм млекопитающих антропогена Казахстана. Алма-Ата, 1962, с. 28.

²¹ Кожамкулова Б. С. Антропогенная ископаемая териофауна..., с. 78—81.

²² Агеева Е. И., Максимова А. Г. Отчет Павлодарской археологической экспедиции 1955 г. — «Труды ИИАЭ АН КазССР», 1959, т. 7, Археология, с. 32—58.

²³ Макарова Л. А. Кости животных из некоторых археологических раскопок в Казахстане. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 202; Она же. Животные Атасу и других поселений Центрального Казахстана. — В кн.: Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977, с. 124.

го — кулан, джейран, сайга, архар; из Улутауского — кулан, марал, джейран; из Каркаралинского — заяц, лисица, марал, джейран и кулан; кости волка, лисицы и марала обнаружены в Суук-Булаке, а в Шортанды-Булаке — остатки речного бобра. Здесь приведены имеющиеся сведения и о ранее найденных остатках диких животных²⁴.

На поселении Атасу в Джезказганской области выявлено значительное по сравнению с другими поселениями количество костных остатков кулана, сайги и джейрана²⁵. Большую роль здесь, видимо, играло местоположение Атасу, его близость к богатой фауной обширной пустыне Бетпак-Дале и Присарысуйским степям, что и способствовало интенсивному охотничьему промыслу. На роль пустынной фауны в жизни древних поселенцев этих районов Центрального Казахстана указывал и А. Х. Маргулан²⁶. По данным Л. Ф. Семенова, на стоянке Суук-Булак, кроме упомянутых уже видов, найдено большое количество костей крупного архара. Эти находки свидетельствуют о том, что обитавшие в этой местности люди занимались не только скотоводством, но и охотой²⁷. Из поселений Карагиндской и Целиноградской областей известны также кости сурка, тура и лошади Пржевальского²⁸.

Археологические исследования в северной части республики проводились в пределах Кокчетавской возвышенности, в Приишимье и Притоболье. Это в основном лесостепные районы. Костные остатки диких млекопитающих здесь известны из поселений эпохи поздней бронзы Алексеевского²⁹ Кустанайской области, Чаглинки³⁰ Кокчетавской и Саргары³¹ Целиноградской областей. На Алексеевском поселении найдены кости сурка, бобра, зайца, лисицы, оленя и тура; на Чаглинке выявлены костные остатки сурка, хорька, волка, лисицы, кабана, северного оленя, архара, тура и кулана, а на поселении Саргары — сурка, бобра, зайца, волка, лисицы, кабана и сайги.

²⁴ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 219.

²⁵ Макарова Л. А. Животные Атасу и других поселений..., с. 124.

²⁶ Маргулан А. Х. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. — «Известия АН КазССР. Серия археол.», 1951, вып. 3.

²⁷ Семенов Л. Ф. Стоянка эпохи бронзы Суук-Булак. — «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. I, 1956.

²⁸ Кожамкулова Б. С. Антропогенная ископаемая териофауна..., с. 21, 48, 110.

²⁹ Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник. — «Труды Гос. истор. музея». Вып. XVII. М., 1948, с. 102.

³⁰ Макарова Л. А. Предварительное сообщение о животных эпохи бронзы поселения Чаглинка. — В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 269.

³¹ Макарова Л. А. Характеристика костного материала из поселения Саргары. — В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, с. 211.

Как следует из видовых списков, в состав фауны входили степные, горно-степные, мезофильные виды и обитатели лесных биотопов, а также пустынных и полупустынных пространств. В пределах Кустанайской, Кокчетавской, Павлодарской и Северо-Казахстанской областей в отложениях нижневерхнего антропогена были обнаружены кости сурка, сайги, северного оленя, марала, архара, верблюда, тура, а также джейрана³². Судя по находкам остатков, эти животные продолжали существовать здесь и в эпоху бронзы.

Анализ видового состава костных остатков указывает на некоторое разнообразие промысловых животных в фауне поселения эпохи бронзы. Однако количественное соотношение костей позволяет отметить, что не все дикие млекопитающие, имеющие промысловое значение, отлавливались в числовом отношении равноценно. Например, в составе костных остатков крупного рогатого скота на поселениях Алексеевском и Чаглинке оказалось всего лишь по одной кости тура. Эти, хотя и малочисленные находки указывают на несомненное обитание этого животного в районе данных поселений. Но, как свидетельствуют ископаемые остатки, первобытный тур как в позднем антропогене, так и в голоцене обитал в различных областях Казахстана неравномерно³³. Вполне возможно, что именно из-за небольшой численности этого зверя в фауне Кустанайской и Кокчетавской областей он являлся редким объектом охоты. По данным В. И. Громова³⁴, в Евразии уже в конце эпохи поздней бронзы туры почти полностью исчезли, и лишь на Алтае, они, по утверждению Н. К. Верещагина и Н. Н. Мельниковой, обитали еще около 250 лет назад³⁵.

Единичные находки костей верблюда известны из некоторых археологических памятников. На поселении Алексеевском обнаружены три кости; в Усть-Нарыме (Восточный Казахстан) найден один зуб; в одной из оград Аксу-Аюлы II (Центральный Казахстан) — костяк верблюжонка и в имеющемся списке видовой принадлежности костного материала из Петровки II (Северный Казахстан) отмечена под вопросом пятка верблюда (определение Н. Г. Смирнова). В нашем материале из поселения Атасу в сборах 1976 г. также зафиксирована только одна кость (обломок метаподии). Установить, дикому или домашнему верблюду принадлежит эта кость, невозможно. Также неизвестно, к диким или домашним верблюдам относятся ранее най-

³² Кожамкулова Б. С. Антропогеновая ископаемая терниофауна..., с. 23—116.

³³ Там же, с. 110—117.

³⁴ Громова В. И. Первобытный бык или тур (*Bos primigenius* Boj.) в СССР. Ежегодник зоологического музея АН СССР, т. XXXII. Л., 1931.

³⁵ Верещагин Н. К., Мельникова Н. Н. Зоогеографические открытия археологов в Восточном Казахстане и в Алтайском крае. — «Известия ВГО», 1958, т. 90, вып. 4.

денные кости. Точных сведений об этом в литературе нет. Но и эти немногочисленные костные остатки являются доказательством того, что на территории республики в указанную эпоху обитал верблюд — или в одомашненном состоянии или диком. Возможно, что обе эти формы существовали еще вместе. Тем более, как сообщает А. Г. Банников, в раннеисторическое время, а по некоторым данным еще в начале прошлого века, ареал дикого верблюда простирался на запад до Центрального Казахстана³⁶. Н. К. Верецагин, определивший костные остатки дикого верблюда в материале андроновской культуры Восточного Казахстана, считает, что исчезновение диких верблюдов в Средней Азии и Западной Сибири произошло, несомненно, лишь в нашу эпоху³⁷. О. А. Кривцова-Гракова, напротив, высказывает предположение о возможности приручения верблюда в это время. К такому же заключению приходит и А. Х. Маргулан. По его мнению, в атасуский этап эпохи бронзы Центрального Казахстана произошло одомашнивание дикого верблюда. Наиболее древней находкой двугорбого верблюда считаются ископаемые остатки, найденные в Туркмении, в памятнике эпохи неолита и ранней бронзы. Они датируются III тыс. до н. э. Это, как считает Н. М. Ермолова, может свидетельствовать о возможном одомашнивании верблюда именно в этих районах³⁸. Данное утверждение дает возможность предполагать, что в пределах Казахстана к концу II тыс. до н. э. верблюды были одомашнены. Как пишет Е. Е. Кузьмина, находки костей домашнего двугорбого верблюда на андроновских поселениях Казахстана и описанная ею фигурка из Зауралья, изображающая этого животного, подкрепляют предположение о доместикации верблюда в евразийских степях³⁹.

Среди костного материала из памятников Петровка II и Новоникольское I в Северном Казахстане⁴⁰ выявлены кости бобра, зайца, кулана, кабана, лося и сайги.

Сведения о находках костей диких животных из Восточного Казахстана почерпнуты из работ С. С. Черникова⁴¹. На поселениях (Канай, Мало-Красноярка, Усть-Нарым, Трушниково) были зафиксиро-

³⁶ Банников А. Г. Дикий верблюд-хавтагай. — «Природа», 1975, № 2, с. 63.

³⁷ Верецагин Н. К. О прежнем распространении некоторых копытных в районе смыкания европейско-казахстанских и центральноазиатских степей. — «Зоологический журнал», 1956, т. XXXV, № 10, с. 1541—1553.

³⁸ Ермолова Н. М. Где же одомашнили двугорбого верблюда? — «Природа», 1976, № 10, с. 109.

³⁹ Кузьмина Е. Е. Древнейшая фигурка из Оренбургской области и проблема доместикации бактрианов. — СА, 1963, № 2, с. 38—40.

⁴⁰ Зданович Г. Б. Стратиграфия поселения Новоникольское I. — В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с. 113.

⁴¹ Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА. М.—Л., 1960, № 88, с. 62—66.

рованы кости сурка, бобра, зайца, волка, лисицы, кабана, марала, северного оленя, косули.

Данные о ранее найденных костных остатках охотничье-промысловых животных и наш материал дают некоторое представление о млекопитающих дикой фауны, обитавших в эпоху бронзы на таких крупных ландшафтных территориях, как Казахское нагорье, Кокчетавская возвышенность и район Восточного Казахстана. Сравнение видового состава диких животных, кости которых обнаружены на поселениях эпохи бронзы Северного, Центрального и Восточного Казахстана, показало, что многие представители дикой фауны (заяц, сурок, бобр, волк, лисица, сайга, архар, джейран, марал, тур и кулан) были широко распространены во всех указанных географических областях. Это свидетельствует о сходных в той или иной степени условиях их обитания в этих районах в соответствующую эпоху. Например, речной бобр на протяжении всего антропогена обитал на территориях Уральской, Северо-Казахстанской, Кустанайской и Кокчетавской областей⁴². О костных остатках бобра, найденных около г. Атбасара в Целиноградской области, упоминает В. Н. Скалон⁴³.

Из перечисленных диких животных в современной фауне Казахстана отсутствуют в настоящее время бобр, кулан, тур и лошадь Пржевальского.

В результате изучения палеозоологического материала из археологических памятников эпохи неолита и бронзы и других сведений о составе фауны этих эпох на территории Казахстана установлено 28 видов диких млекопитающих, большинство из которых являются охотничье-промысловыми животными.

Количественное и видовое соотношение костных остатков диких зверей из раскопок неолитических стоянок, особенно таких, как пещера Караунгур, откуда происходит массовый материал, содержащий в основном кости промысловых животных, позволяет говорить о большой роли охоты в жизнедеятельности древних обитателей этого района в эпоху неолита.

Остатки диких млекопитающих встречаются и на всех поселениях эпохи бронзы Северного, Центрального и Восточного Казахстана, но в значительно меньшем количестве. Для некоторых из этих поселений количество костей диких животных в процентном отношении от всего костного материала выражается следующими цифрами, %:

Петровка II — 4,16
Бугулинское — 5,9

Новоникольское I — 4,66
Каркаралинское — 1,0

⁴² Кожамкулова Б. С. Антропогенная ископаемая териофауна..., с. 23.

⁴³ Скалон В. Н. Речные бобры Северной Азии. М., 1951, с. 5—7.

Саргары — 1,4
Алексеевское — 1,0
Трушниково — 4,0

Атасу — 10,2
Суук-Булак — 1,0
Мало-Красноярка — 3,6

Небольшой процент костей диких животных на поселениях эпохи бронзы ясно показывает, что охота уже не имела большого значения в хозяйственной жизни древних поселенцев. В это время на территории Казахстана существовало развитое скотоводство, поэтому на поселениях преобладают кости домашних животных.

ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ ДИНАМИКИ ОРОСИТЕЛЬНОЙ СЕТИ ОТРАРСКОГО ОАЗИСА В XV—XVIII ВЕКАХ

В. А. ГРОШЕВ

В последние годы все большее внимание казахстанских археологов привлекают остатки древних и средневековых ирригационных сооружений, зафиксированных в различных областях нашей республики. Перспективность их изучения объясняется той ролью и местом, которое они занимают в общей проблеме генезиса материальной культуры казахского народа.

Решением первоочередной задачи в археологических исследованиях древних гидротехнических сооружений явилось комплексное обследование оросительных систем Отрарского оазиса. Применение современной методики в полевых и камеральных работах, а также учет особенностей в развитии орошаемого земледелия позволили в течение ряда лет получить довольно обширный фактический материал по истории ирригации данного района начиная с рубежа новой эры по XVIII в.

В истории ирригационной техники Отрарского оазиса уже сейчас можно с уверенностью выделить три основных этапа: 1) лиманное орошение с использованием обвалованных стариц и не-

больших арыков (I—VI вв.); 2) самотечное паводковое орошение на базе магистральных каналов с головными сооружениями и водозабором из основного источника (VII—XVII вв.), хотя нужно отметить, что для VII—IX вв. еще характерны принципы лиманного орошения; 3) орошение с применением в головах оросительных систем водоподъемных сооружений (XVIII в.).

Второй этап, самый продолжительный, делится на два основных периода: домонгольский, с которым связывается функционирование систем Сангыл-арыка (VII—IX вв.), Алтын-арыка (X—XII вв.) и после монгольского нашествия — системы Каракунчук (XIII—XIV вв.), Темир-арыка (XV—XVII вв.). Последовательность и хронологическая периодизация оросительных систем обосновываются топографической привязкой каналов к археологическим памятникам, временем их жизни, порядком переноса истоков систем вверх по течению реки, а также материалами, полученными в результате анализа разрезов профилей каналов.

В сочинениях средневековых авторов не нашли отражения события, связанные со строительством или реконструкцией каналов исследуемого района. В обширной источниковедческой работе, посвященной ирригации Средней Азии и Казахстана, В. В. Бартольд замечает, что в источниках говорится об Отраре только как о крупном торговом городе, а «о каналах, проведенных в этой местности из Сырдарьи или Арыси, письменных известий нет»¹. Однако в них содержатся многочисленные данные косвенного характера. Ниже мы приводим наиболее ценные, на наш взгляд, сведения, касающиеся изучаемой темы.

Ибн Хаукаль еще в X в., описывая округ Фараб, писал: «В стране этой солончаковая почва и есть болота и посевы к западу от фарабской реки»². Отсюда следует, что Отрарский оазис, являясь на протяжении нескольких столетий районом непрерывного орошения, постоянно испытывал явления вторичного засоления, вызванного искусственным увлажнением солончаковой почвы и высоким уровнем грунтовых вод. Поэтому, земледелие здесь носило «кочующий» характер с периодическим забрасыванием одних возделываемых участков и освоением новых или ранее использованных. Этот факт постоянно учитывался нами при определении масштабов посевных площадей.

Сообщение Масуди о разливах Сырдарьи в Отрарском оазисе в период половодья позволяет объяснить назначение многочисленных

¹ Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. — Соч., т. III. М., 1965, с. 224.

² Беггер Е. К. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-Касыма Ибн Хаукаля. — Труды САГУ. Исторические науки, кн. 25. IV. Ташкент, 1957, с. 24.

остатков защитных гидротехнических сооружений³. Остатки дамб, сохранившихся повсеместно у истоков оросительных систем, свидетельствуют о постоянной защите оазиса от разрушительных действий периодически повторяющихся наводнений вплоть до наших дней⁴.

При освещении вопроса исторической топографии городской территории определенную роль сыграло известие, содержащееся в «Анониме Искандера», где говорится об обширных садах Отрара, среди которых можно было устроить засаду⁵.

Особое место среди письменных документов, относящихся к истории ирригации долины Средней Сырдарьи, занимают «грамоты из Сыгнака». По словам исследователей, «грамоты содержат важные сведения о земельно-водных правах одного хозяйства на протяжении почти трех веков. Благодаря им, в какой-то мере может быть прослежена эволюция земле- и водопользования типичного вакфного хозяйства, каких немало было разбросано в Туркестане»⁶. Важность изучения названных грамот для нас несомненна, так как наличие религиозного комплекса Арслан-баба в конце XIV — начале XV в.⁷ может служить признаком существования вакфных земель на территории Отрарского оазиса этого периода.

К сожалению, в письменных источниках об ирригации Казахстана содержится значительно меньше сведений нежели об оросительных сооружениях древних земледельческих культур Средней Азии.

Многочисленные остатки позднесредневековой ирригации Отрарского оазиса постоянно привлекали внимание русских путешественников, краеведов, ученых, чиновников. Особо нужно выделить работы Н. А. Маева, Н. Дингильштедта, К. К. Палена, путевые заметки П. И. Пашино, отчеты А. К. Кларе и А. А. Черкасова, И. А. Кастанье и других. Топограф Н. А. Маев, посетивший Сырдарьинскую область в 1872 г., в «Топографических очерках Туркестанского края» отметил, что источником каналов вокруг развалин Отрара и Саурана служили воды Сырдарьи и ее притоков⁸. Эти сведения дополняет

³ Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана, с. 224.

⁴ Об этом см.: Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с. 10.

⁵ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды (далее: СМЗО), т. II. М.—Л., 1941, с. 136.

⁶ Материалы по истории казахских ханств в XV—XVIII вв. Алма-Ата, 1969, с. 316.

⁷ Константинова В. В. Некоторые архитектурные памятники по среднему течению р. Сырдарьи. — «Известия АН КазССР. Серия архитектурная», 1950, вып. 2, с. 39.

⁸ Маев Н. А. Топографический очерк Туркестанского края. Спб., 1872, с. 12—13.

Н. Дингильштедт. В работе, посвященной состоянию ирригации Туркестана конца XIX в., он писал, что уже в то время «водоприемники арыков, когда-то выходявших из Арыси и орошавших древний город Отрар, оказались над уровнем воды от 2 до 3 сажень»⁹. Сообщения о заброшенных каналах Отрарского оазиса периодически появлялись на страницах печатного органа кружка любителей археологии. Так, в «Протоколах заседаний и сообщений» А. К. Кларе и А. А. Черкасов в 1904 г. поместили отчет о раскопках древнего Отрара, в котором говорилось, что «все пространство вокруг Отрара изрезано старыми арыками, но в настоящее время в них нет и следа воды. Многие арыки достигают ширины 2-х сажень»¹⁰. Судя по размерам, речь, вероятно, шла об арыках XVIII в. В 1910 г. И. А. Кастанье зафиксировал многочисленные каналы в районе между современной станцией Тимур и развалинами Отрара¹¹. Наши обследования показали, что эти земли интенсивно осваивались в период позднего средневековья.

С 1947 г. началось планомерное исследование археологических памятников Южного Казахстана. Одной из первых экспедиций, организованных Институтом истории, археологии и этнографии АН КазССР совместно с Ленинградским отделением Института истории материальной культуры, была Южно-Казахстанская археологическая экспедиция (ЮКАЭ), руководимая вначале А. Н. Бернштамом, а впоследствии Е. И. Агеевой. Одним из объектов многолетних работ ЮКАЭ стал Отрарский оазис. В публикациях о результатах экспедиции имеется специальный раздел, посвященный вопросам ирригации. Основываясь главным образом лишь на визуальных наблюдениях, исследователи характеризовали ирригационные сооружения, опираясь в основном на данные из других районов Средней Азии и этнографические параллели. В целом, по словам авторов, «в процессе археологических обследований выявлению древней ирригационной сети на юге Казахстана, к сожалению, не было уделено достаточного внимания»¹². Несмотря на названные недостатки выводы экспедиции имели определенную ценность, так как впервые затрагивали вопросы, связанные с историей ирригационной техники в Отрарском оазисе.

Новый этап в изучении оросительных каналов Отрарского оазиса начинается с 1969 г. Начало планомерному и детальному изуче-

⁹ Дингильштедт Н. Опыт изучения ирригации Туркестанского края. Сырдарьинская область. Спб., 1893, ч. I—II, с. 162.

¹⁰ Кларе А. К., Черкасов А. А. Древний Отрар и раскопки, произведенные в развалинах его в 1904 г. — ПТКЛА, год IX. Ташкент, 1904, с. 18.

¹¹ Кастанье И. А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. — «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии». Вып. XXII. Оренбург, 1910, с. 175.

¹² Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. — «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. V. Алма-Ата, 1958, с. 147.

нию гидротехнических сооружений было положено Отрарской археологической экспедицией под руководством К. А. Акишева. Экспедиция произвела плановую и перспективную аэрофотосъемку земель древнего орошения и ирригационных каналов изучаемого района¹³. В 1971 г. была образована Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция (ЮККАЭ). С 1973 г. в ее составе начал работу ирригационный отряд. Его исследования проводились в соответствии с общими планами ЮККАЭ. Всего с 1973 по 1976 г. на трассах позднесредневековых каналов и арыках XVIII в. произведено свыше 300 поисков, заложено 10 траншей и 20 шурфов различных размеров. Кроме этого, осуществлено 20 зачисток в местах пересечения каналов со строящимися дренажными системами. На основании полученных данных была установлена зависимость позднесредневековой ирригации от системы Темир-арык¹⁴.

При составлении схемы ирригационных каналов (рис. 1) и площадей командования Темир-арыка разных периодов за основу была принята схематическая карта Шаульдерского орошаемого массива. Привлекались также материалы сельхозаэрофотосъемок 1936 и 1938 гг. и аэрофотоснимки Отрарской археологической экспедиции 1969—1970 гг. Кроме этого, в заданном районе производилась топографическая съемка (инструментальная и глазомерная) отдельных гидротехнических узлов, которая сопровождалась сбором археологического материала, обмерами каналов, фотографированием и т. д.

Изучение позднесредневековой ирригации затруднялось тем обстоятельством, что большая часть каналов того времени находится в зоне современного культурного района и скрыта возделываемыми полями, другая используется в действующих системах. Хотя головные сооружения полностью уничтожены, многие элементы ирригационной системы сохранились хорошо. Для решения вопроса датировки основных моментов изменения схемы оросительных каналов и возделываемых земель XV—XVIII вв. большое значение имели материалы раскопок, характеризующие главные этапы жизни позднесредневекового Отрара¹⁵.

Археолого-топографическое обследование позволило дать следующую реконструкцию оросительной сети Отрарского оазиса с XV по XVIII в. В конце XIV — начале XV в. была построена головная

¹³ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Отрар по итогам работ 1969 г. — «Вестник АН КазССР», 1970, № 6, с. 60—64.

¹⁴ Грошев В. А. Новые данные об оросительных системах Отрарского оазиса. — В кн.: Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977, с. 19, 22.

¹⁵ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар, с. 51—60; они же. Отрар XVI—XVIII веков по итогам раскопок 1971—1973 годов. — В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975, с. 3—48.

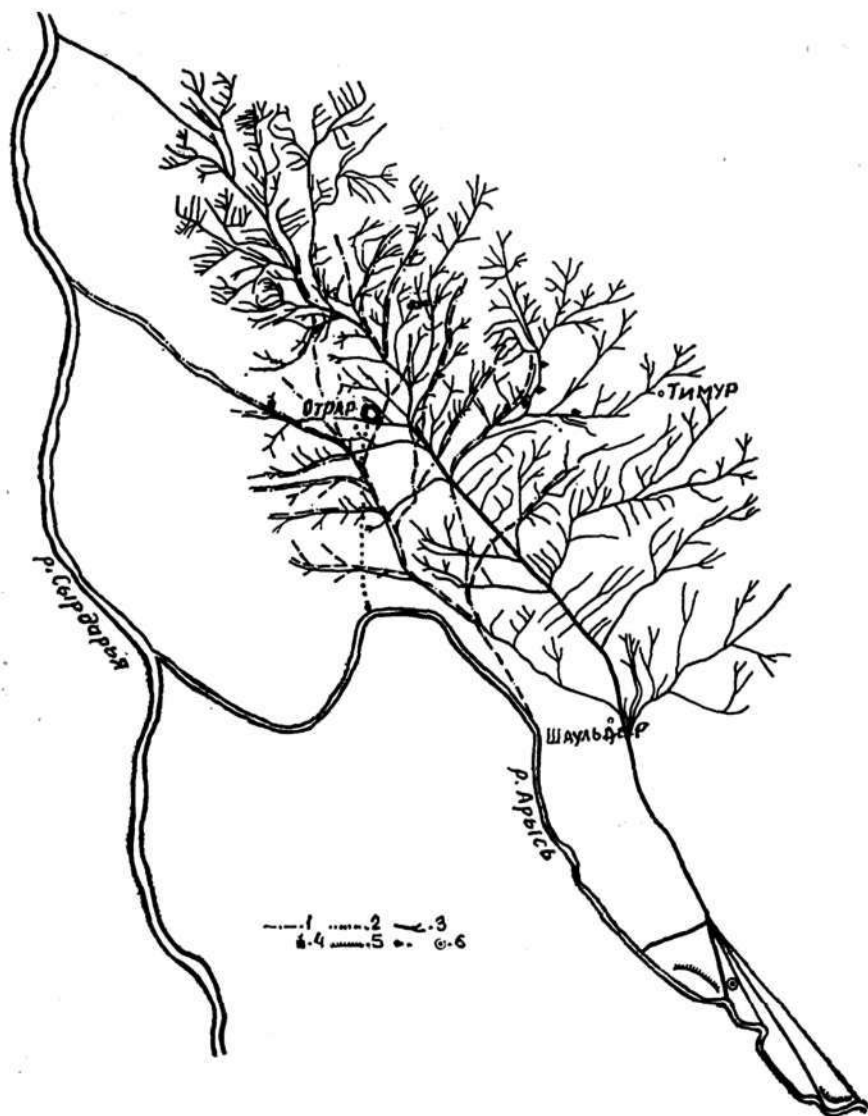

Рис. 1. Схема ирригационных каналов оросительной системы Темир-арык; 1 — каналы XIII—XIV вв; 2 — каналы XV—XVII вв; 3 — арыки XVIII в; 4 — мечеть Арслан-баба; 5 — защитные дамбы; 6 — чигири.

часть Темир-арыка с перенесением водозабора на 15 км вверх по течению р. Арыси от истока прежней системы¹⁶ (рис. 2). Изменение параметров в головной части по отношению к предыдущей позволило увеличить ее пропускную способность при максимальном урезе воды в канале до 10—12 м³/сек. Процесс перестройки на первом этапе коснулся и средней части прежней системы Каракунчук (XIII—XIV вв.). Реконструкция старых каналов хорошо фиксируется на плановых

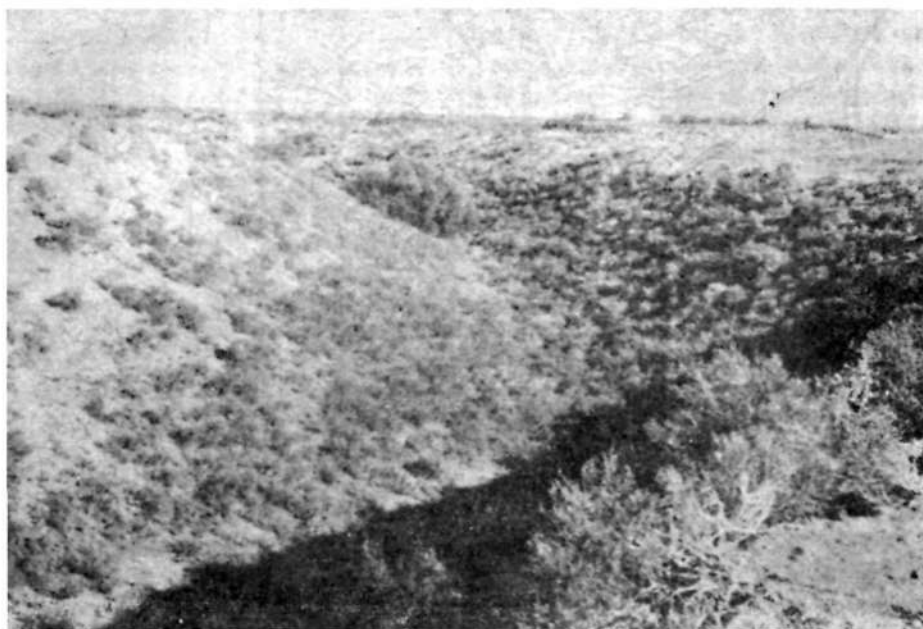

Рис. 2. Остатки головной части канала Темир-арык

аэрофотоснимках. В зоне окончания холостого пробега воды отчетливо прослеживается ряд спаренных трасс, идущих параллельно или пересекающихся между собой.

Одно из ответвлений Темир-арыка, проходящее по южной окраине около основного бугра Отрара в направлении мавзолея Арсланбаба, было обследовано ирригационным отрядом. За городской стеной, ограничивающей с западной стороны территорию рабада, хорошо сохранился отрезок этого канала. Ширина канала между валами

¹⁶ Грошев В. А. Новые данные об оросительных системах Отрарского оазиса, с. 19—20, 22.

12 м, высота валов 2 м, глубина его 2,5 м. Здесь был заложен раскоп. В разрезе выявлено два разновременных ложа. К периоду функционирования системы Каракунчук относится остаток песчаной линзы шириной 2 м и высотой 25 см. Затем канал был расширен, а его глубина увеличена за счет прироста валов. Строительство холостой части и реконструкция каналов прежней системы дали возможность увеличить земли, орошаемые Темир-арыком до 100 кв. км, или до

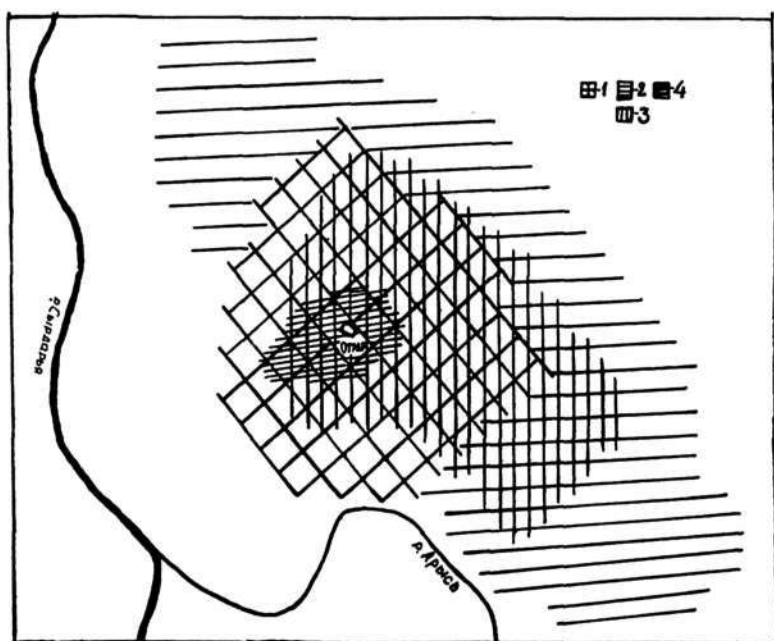

Рис. 3. Схема возделываемых земель XV–XVIII вв: 1 — пахотные земли XV в; 2 — пахотные земли XVI — первой половины XVII в; 3 — пахотные земли второй половины XVII — первой половины XVIII в; 4 — пахотные земли второй половины XVIII в.

10 тыс. га. Процентное отношение поливных земель к общей площади командования в средние века не превышало 30–40%¹⁷, что составляло 3–4 тыс. га возделываемой одновременно площади (рис. 3).

В XVI — первой половине XVII в. было возведено дополнительно еще два головных сооружения, проложено основное ложе магистрального канала Темир-арык, которое прошло в 1,5 км северо-восточ-

¹⁷ При вычислении поливных площадей средневекового Хорезма применялся этот же коэффициент. См.: Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969, с. 44.

нее Отрара, завершается также сооружение основных звеньев системы¹⁸. Восстановленная на основе аэрофотоснимков и полевых изысканий схема оросительной системы Темир-арыка свидетельствует о том, что площадь его командования в этот период увеличилась до 250 кв. км, или до 25 тыс. га, что соответствовало 7,5—10 тыс. га одновременно возделываемых земель. Этот этап ирригационного строительства мы связываем со временем существования основного строительного горизонта верхнего слоя Отрара¹⁹.

Во второй половине XVII — первой половине XVIII в. происходит сокращение оросительной сети в Отрарском оазисе. Прежние головные сооружения забрасываются. Вместо них строится один головной канал, исток которого переносится на 1,5 км вверх по течению р. Арыси. Его пропускная способность снижается до 5—7 м³/сек. Вследствие уменьшения поступления воды происходит отмирание концевых звеньев Темир-арыка и сокращение площади орошаемых земель. Полное замирание оросительных каналов этой системы происходит в середине XVIII в.

С этого времени и до конца XVIII в. (возможно, до начала XIX в.) водоснабжение и орошение Отрарского оазиса связывается с постройкой небольшого арыка, проведенного по дну магистрального канала Алтын-арык (X—XII вв.)²⁰. Вода в арыки подавалась с помощью чигиря. Резко сократились площади орошаемых земель. К концу XVIII в. возделывалось всего около 500 га.

Как показали исследования ирригационного отряда, орошение земель Отрарского оазиса в позднее средневековье связано с функционированием оросительной системы Темир-арыка. Остановимся на ее техническом описании.

Рельеф местности является во все времена существенным фактором, определяющим рисунок оросительной системы. В зависимости от расположения поливных земель по отношению к источнику орошения различают несколько типов ирригационных систем: предгорный, долинный, дельтовый и смешанный²¹. Основным источником орошения Отрарского оазиса в позднее средневековье являлась р. Арысь, которая и определила тип оросительной системы как дельтовый. Рельеф местности изучаемого района ровный, с незначитель-

¹⁸ Грошев В. А. Новые данные об оросительных системах Отрарского оазиса, с. 19.

¹⁹ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Отрар XVI—XVIII веков по итогам раскопок 1971—1973 годов, с. 48.

²⁰ Грошев В. А. Водохранилище средневекового Отрара. — В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, с. 45.

²¹ Глебов П. Д. Курс ирригации. М.—Л., 1938, с. 52; Костяков А. Н. Основы мелиорации. М., 1960, с. 160.

но развитым микрорельефом в виде ложбин, стариц, возвышений и песчаных бугров. Малые уклоны местности и высокий уровень залегания сильно минерализованных грунтовых вод являлись причиной частых наводнений во время паводков, заболачивания и засоления земель. Поскольку уклоны местности меньше допустимых, головные участки систем устраивались в высоких дамбах.

В системе Темир-арыка хорошо прослеживается деление магистрального канала на две имеющие различное функциональное назначение части: холостую и рабочую. Холостая часть протяженностью около 10 км служила для подачи воды от головного сооружения до первого распределителя и для вывода ее на командные отметки, позволяющие обеспечить самотечный полив возделываемых земельных площадей. Длина рабочей части составляет 30 км. В среднем течении канала ширина его уменьшается, что было вызвано необходимостью поддержания определенной скорости воды. По мере перехода от магистрального канала к распределителям и оросителям уменьшаются и размеры каналов.

Причиной изменения оросительной сети Отрарского оазиса XV—XVIII вв. являлись не только природно-климатические условия, но и факторы военно-политического характера. Засоленность почв, высокий уровень грунтовых вод, условия интенсивного испарения, малые уклоны местности, частые наводнения и заболачивание не могли не оказать отрицательного воздействия на динамику оросительной сети в целом. Не менее губительные последствия имела на ирригацию и общественно-политическая обстановка в регионе. История XV—XVIII вв. богата большими и малыми столкновениями в борьбе за Отрарский оазис, нашедшими отражение в источниках. По их свидетельству, обладание Отраром в XVI—XVII вв., т. е. в период наибольшего расцвета Темир-арыка, всегда обеспечивало завоевателя большим количеством хлеба и другими продовольственными припасами²². Результаты раскопок слоев Отрара этого времени говорят о высоком уровне в архитектурном строительстве, в керамическом производстве²³, отмечается рост товарно-денежных отношений²⁴. Подъем экономической жизни Отрара связывается с периодом образования казахских ханств и его значением как одного из основных городских центров средневекового Казахстана²⁵.

²² Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв., с. 29—30.

²³ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ермакович Л. Б. Отрар XVI—XVIII веков по итогам раскопок 1971—1973 годов, с. 29—48.

²⁴ Бурнашева Р. З. Монеты из Отрар-тобе (1973 г.). — В кн.: Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977, с. 24.

²⁵ Акишев К. А. Некоторые итоги раскопок городища древнего Отрара (1971—1975 гг.). — В кн.: Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977, с. 5.

Оценивая объем земляных работ, необходимых для проведения каналов Темир-арыка в XV—XVII вв., можно подсчитать возможные трудовые затраты на его строительство. При длине рабочей части 30 км и среднем сечении каналов 25 кв. м полный объем земляных работ должен был составить 1,5—2 млн. куб. м при соотношении мелкой оросительной сети 1:1. При норме 3 куб. м в день эту работу могли произвести за один год 1,5—2 тыс. землекопов, а общая численность населения Отрара в XV—XVII вв., по предварительным данным, составляла 5—7 тыс. человек²⁶.

Со второй половины XVII в., как мы уже говорили, в Отрарском оазисе наблюдается постепенный упадок ирригационной сети, вызванный военными действиями джунгарских захватчиков²⁷. Поступательное развитие в многовековой истории ирригации изучаемого района прекращается и начинается процесс замирания. Полностью оросительная система Темир-арыка прекращает свое существование к середине XVIII в. С этого времени искусственное орошение Отрарского оазиса базируется уже на новых видах, тесно связанных с некоторыми направлениями и традициями ирригации предшествующего времени.

Итак, изучение динамики позднесредневековой ирригации Отрарского оазиса говорит о высоком уровне гидротехнического строительства этого периода, который зависел как от природно-климатических условий, так и от общественно-политической обстановки. Оно вносит новые данные в историю поливного земледелия нашей республики.

²⁶ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Отрар XVI—XVIII веков по итогам раскопок 1971—1973 годов, с. 32.

²⁷ История Казахской ССР, т. I. Алма-Ата, 1957, с. 233.

ИНФРАКРАСНЫЕ СПЕКТРЫ ЭМАЛИ, ДЕНТИНА И ЦЕМЕНТА ЗУБОВ ЧЕЛОВЕКА

**М. А. САПОЖНИКОВ,
Л. Л. ШАФРАНСКИЙ**

В последние годы уделяется большое внимание изучению и внедрению в различные области биологии и медицины физико-химических методов исследования с целью более глубокого изучения процессов, происходящих в различных тканях организма человека и животных. Среди них широкое распространение получил метод инфракрасной (ИК) абсорбционной спектроскопии, с помощью которого можно определять химический состав исследуемого образца на молекулярном уровне. При исследовании этим методом зубов человека представляется возможность выявить в одном спектре изменения, происходящие как в органической, так и в неорганической частях зубной ткани. Интерпретация по ИК-спектрам упрощается, так как состав твердой ткани зуба можно легко разделить на фосфаты, карбонаты, воду и белки. Это позволяет получить детальное представление об измерении состояния тканей зуба, особенно в молекулярном строении фосфата.

Цель наших исследований — выявить спектроскопические критерии

эмали, дентина и цемента различных зубов. Это может найти применение не только в области терапевтической и судебно-медицинской стоматологии, но и при изучении зубов древнего человека, обнаруженных в различных захоронениях. В литературе имеется небольшое количество работ по этому вопросу.

В предлагаемой статье рассматриваются исследования методом ИК-спектроскопии эмали, дентина и цемента здоровых верхних правых шестого, третьего и нижнего правого пятого зубов человека, взятых у восьми трупов. Для того чтобы не нарушался химический состав ткани зуба, определены оптимальные условия обработки проб для записи ИК-спектров.

Экспериментальным путем установлено, что при высушивании тканей зуба в сушильном шкафу в течение 8 часов при температуре 50°C они не изменяют своего химического состава, только снижается содержание воды в тканях, и при этом они приобретают необходимую хрупкость для растирания проб. Такая проба называется высушенной. ИК-спектр ткани зуба, обработанного указанным способом, дает представление о состоянии органической и неорганической частей образца. Однако на таком ИК-спектре полосы поглощения органической части накладываются на полосы неорганической части, и это маскирует отдельные стороны спектра. Одним из способов для удаления органических веществ является воздействие высокой температуры. Экспериментально мы установили, что оптимальными условиями для озоления тканей зуба является температура 450°C в течение 1,5 часа. В результате полностью исчезают полосы белка, а контуры и частоты полос апатита сохраняются без изменения. Эта проба названа озоленной.

При приготовлении образцов для записи ИК-спектров твердых тканей зубов за основу была взята с некоторыми дополнениями методика Л. Л. Шафранского, Э. Ф. Степанкевича, примененная ими для исследования костной ткани.

Методика приготовления высушенной пробы. Зуб промывают в теплой проточной воде, очищают от зубных отложений и раскалывают на несколько частей. С помощью бормашины отделяют три основные ткани: эмаль, дентин и цемент, упаковывают в бумажные пакеты и выдерживают в сушильном шкафу при температуре 50°C 8 часов. Затем исследуемую ткань растирают в агатовой ступке в течение 30 минут. В 0,3—1,5 мг порошка добавляют 250 мг бромистого калия и полученную смесь вновь растирают в ступке 30 минут. В вакууме под давлением в 150—200 атмосфер прессуется таблетка и записывается ее ИК-спектр на инфракрасном спектрофотометре.

Методика приготовления озоленной пробы. Часть высушенной ранее пробы ткани зуба помещают в муфельную печь, предваритель-

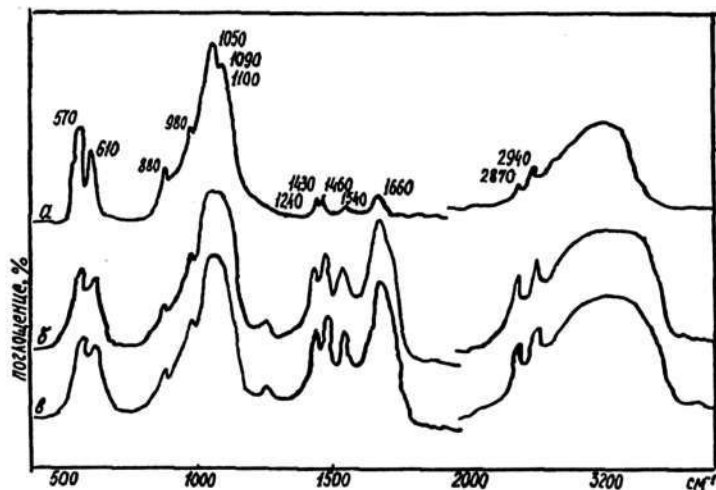

Рис. 1. Ик-спектры высушенных твердых тканей зуба: а — эмаль; б — дентин; в — цемент

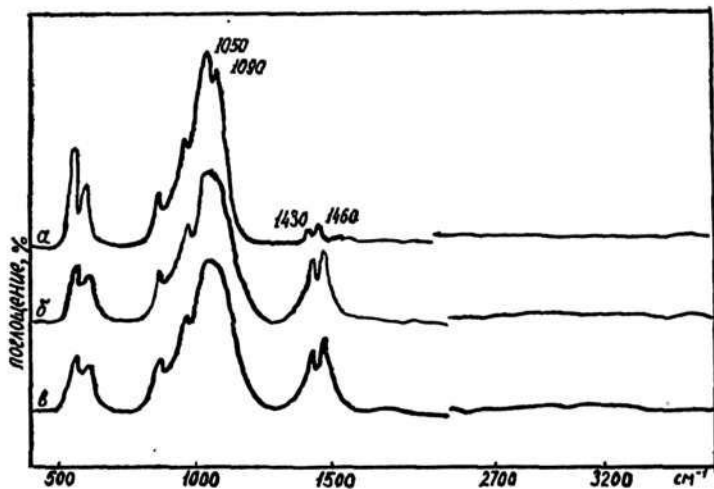

Рис. 2. Ик-спектры озоненных твердых тканей зуба: а — эмаль; б — дентин; в — цемент

но нагретую до температуры 450°C. Озоление проводят в течение 1,5 часа. Готовую ткань растирают в агатовой ступке 30 минут. Затем смешивают 0,3 мг пробы и 250 мг бромистого калия и растирают их в ступке в течение 30 минут. Все последующие этапы такие же, как и с высушенной пробой.

При растирании тканей зуба и бромистого калия нами вместо агатовой ступки была применена виброшаровая электрическая мельница, которая позволила сократить время растирания пробы в четыре раза.

Записи ИК-спектров проводились на инфракрасном спектрофотометре UR-20 (фирма Карл Цейсс, Иена, ГДР) в диапазоне частот 400—4000 см^{-1} для высушенной и 400—2000 см^{-1} для озоленной пробы. Высушенный спектр записывается в течение 25, а озоленный — 12 минут.

Условия записи: скорость — 160 $\text{см}^{-1}/\text{мин.}$, масштаб — 10, щель — 4, предел ошибки — 5 см^{-1} .

Навески во всех пробах брали одинаковыми для того, чтобы в дальнейшем можно было провести количественную оценку относительной оптической плотности полос поглощения ИК-спектра, показывающей относительную концентрацию вещества в тканях зуба. Относительную оптическую плотность полос подсчитывали по методу базовой линии, который подробно описывается в книге А. Кросса¹. Кроме этого, мы определяли степень минерализации. Для ее вычисления брались соотношения интенсивности полос поглощения минеральной (фосфаты — $\nu_{\text{ас}}\text{PO}_4^{3-}$ 1050, 1090, 1110 см^{-1} , карбонаты — $\nu_{\text{ас}}\text{CO}_3^{2-}$ 1430, 1460 см^{-1}) и органической части ($\nu_{\text{амид}}$ 1540, 1660 см^{-1}). Записано 144 ИК-спектра высушенных и озоленных проб тканей зубов (72 высушенных + 72 озоленных).

На рисунке 1, 2 представлены типичные ИК-спектры высушенных и озоленных проб эмали, дентина и цемента. Характерными в ИК-спектрах зубной ткани являются полосы поглощения, отражающие колебания молекул органической и неорганической частей при следующих частотах:

Неорганическая часть спектра			
Ортофосфаты,	см^{-1}	Карбонаты,	см^{-1}
570	980	1430	880
610		1460	
1050			
1090			
1110			

¹ Кросс А. Введение в практическую ИК-спектроскопию. М., 1961.

Органическая часть спектра

Амид-I	1660 см ⁻¹		
Амид-II	1240 см ⁻¹	(v сн)	2870 см ⁻¹
Амид-III	1540 см ⁻¹		2940 см ⁻¹

На ИК-спектре ортофосфаты характеризуются частотами валентных колебаний тетраэдров PO_4^{3-} . Полоса поглощения валентных антисимметричных колебаний наблюдается в интервале 1000—

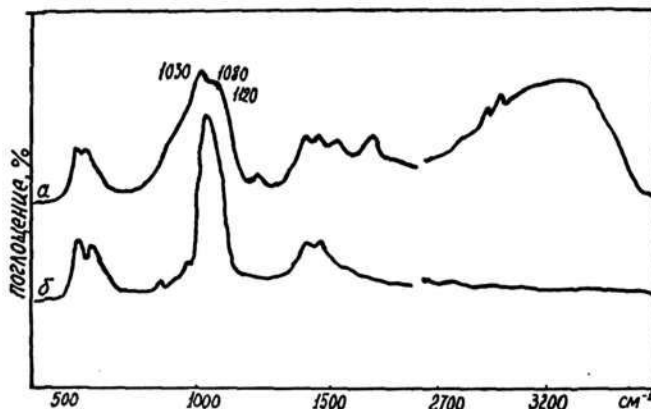

Рис. 3. ИК-спектры кости: а — высушенной; б — озолненной

1100 см⁻¹. Для деформационных антисимметричных колебаний характерны полосы в интервале 500—700 см⁻¹. В твердых тканях зуба, как и в кости, наиболее интенсивными являются полосы поглощения ортофосфатов (PO_4^{3-}), карбонатов (CO_3^{2-}) и амидных групп белков (CONH_2).

В костной ткани (рис. 3) интерес представляет интенсивная широкая полоса у 1050 см⁻¹. В сложном контуре этой полосы выделяют три частично перекрывающихся максимума: 1030, 1080 и 1120 см⁻¹. Из них наибольшую интенсивность имеет полоса у 1030, среднюю — у 1080 и слабую — у 1120 см⁻¹. При озолении костной ткани на ИК-спектре контур полосы поглощения у 1030 см⁻¹ изменяется. Здесь в спектре кости наиболее интенсивным оказывается поглощение у 1050, средним — у 1080 и слабым — у 1120 см⁻¹. Полоса поглощения у 1030 см⁻¹ при озолении исчезает полностью.

Контур полосы $\nu_{\text{ас}} \text{PO}_4^{3-}$, относящейся к антисимметричным валентным колебаниям фосфатного аниона PO_4^{3-} , в ИК-спектрах зубной ткани несколько отличается. Здесь выделяются три полосы пог-

Таблица 1

Относительная оптическая плотность частот твердых тканей $\underline{6}$, $\underline{5}$, $\underline{3}$
зубов человека

Зуб	Частота, см ⁻¹												
	570	610	880	1050	1090	1110	1240	1430	1460	1540	1660	2870	2940
Эмаль													
$\underline{6}$	0,26	0,20	0,04	0,64	0,41	0,34	0,04	0,05	0,08	0,04	0,05	0,02	0,04
$\underline{5}$	0,25	0,20	0,04	0,68	0,43	0,37	0,04	0,06	0,08	0,04	0,05	0,01	0,01
$\underline{3}$	0,24	0,19	0,03	0,63	0,38	0,33	0,04	0,06	0,08	0,04	0,05	0,01	0,02
Дентин													
$\underline{6}$	0,27	0,24	0,05	0,83	0,62	0,53	0,05	0,17	0,19	0,14	0,24	0,02	0,04
$\underline{5}$	0,52	0,21	0,05	0,82	0,58	0,49	0,03	0,15	0,16	0,14	0,24	0,03	0,03
$\underline{3}$	0,29	0,25	0,05	0,85	0,63	0,53	0,04	0,17	0,18	0,15	0,25	0,03	0,03
Цемент													
$\underline{6}$	0,25	0,22	0,05	0,76	0,47	0,41	0,05	0,14	0,19	0,16	0,25	0,02	0,06
$\underline{5}$	0,24	0,21	0,04	0,68	0,46	0,4	0,05	0,17	0,18	0,15	0,24	0,02	0,04
$\underline{3}$	0,23	0,18	0,05	0,66	0,45	0,4	0,03	0,14	0,16	0,14	0,23	0,02	0,03

лощения — у 1050, 1090 и 1110 см⁻¹. Среди них наибольшая интенсивность полосы поглощения у 1050, средняя — у 1090 и слабая — у 1110 см⁻¹. При озолении зубной ткани в отличие от костной на ИК-спектрах полосы поглощения и их интенсивность не изменяются (см. рис. 1, 2, 3).

При анализе ИК-спектров эмали, дентина и цемента мы наблюдаем некоторую разницу в их картине. У эмали отмечается высокая интенсивность $\nu_{ac}PO_4^{3-}$, причем на спектре полосы поглощения у 1050, 1090 см⁻¹ выражены отчетливо. Интенсивность частоты у 1090 см⁻¹ меньше, чем у 1050 см⁻¹. Отмечается почти полное отсутствие частоты у 1110 см⁻¹. Интенсивность $\nu_{ac}CO_3^{2-}$ невысокая. Характерной особенностью эмали является почти полное отсутствие частоты амид-III у 1240 см⁻¹ и значительное снижение интенсивности полос амид-I у 1660 см⁻¹ и амид-II у 1540 см⁻¹.

На ИК-спектрах дентина и цемента в отличие от эмали несколько меньше интенсивность частот $\nu_{ac}PO_4^{3-}$, сглажен фосфатный контур. Обращает на себя внимание отчетливое повышение интенсивности полос $\nu_{ac}CO_3^{2-}$ у 1430 и 1460 см⁻¹. Резко возросла относительная ин-

Таблица 2

Степень минерализации твердых тканей 6|, 5|, 3| зубов человека

Зуб	Частота см ⁻¹									
	1050 1540	1090 1540	1110 1540	1050 1660	1090 1660	1110 1660	1430 1540	1460 1540	1430 1660	1460 1660

Эмаль

6	16,0	10,25	8,5	12,8	8,2	6,8	1,25	2,0	1,0	1,0
5	17,0	10,75	9,25	13,6	8,6	7,4	1,5	2,0	1,2	1,6
3	15,75	9,5	8,25	12,6	7,6	6,6	1,5	2,0	1,2	1,6

Дентин

6	5,93	4,4	3,77	3,46	2,57	2,2	1,24	1,36	0,79	0,79
5	5,86	4,16	3,5	3,42	2,49	2,04	1,07	1,14	0,62	0,66
3	5,74	4,26	3,58	3,4	2,52	2,12	1,16	1,26	0,69	0,74

Цемент

6	4,75	2,94	2,56	3,04	1,88	1,64	0,87	1,19	0,56	0,76
5	4,53	3,06	2,66	2,83	1,92	1,66	1,13	1,2	0,71	0,75
3	4,71	3,21	2,86	2,87	1,96	1,74	1,0	1,14	0,61	0,7

тенсивность полос амид-I у 1660 см⁻¹, амид-II у 1540 см⁻¹ и амид-III у 1240 см⁻¹.

При проведении количественного анализа нами подсчитано 936 относительных оптических плотностей по 13 полосам поглощения фосфатов, карбонатов, белков и метильных групп. Как видно из данных таблицы 1, относительная оптическая плотность минеральных и органических веществ в эмали, дентине и цементе у шестого, пятого и третьего зубов почти не отличается. Наибольшая интенсивность полос $\nu_{ac}PO_4^{3-}$ у 1050, 1090, 1110 см⁻¹ и $\nu_{ac}CO_3^{2-}$ у 1430, 1460 см⁻¹ наблюдается в дентине, средняя — в цементе и наименьшая — в эмали. Обращает на себя внимание значительное снижение интенсивности полос $\nu_{ac}CO_3^{2-}$ и частот амид-I и амид-II у эмали. Степень минерализации тканей зуба определялась по соотношению интенсивности полос поглощения минеральной части и органической. При этом было подсчитано 720 соотношений. Анализируя полученные результаты, приведенные в таблице 2, нетрудно заметить, что степень минерализации эмали примерно в 2,5 раза выше у дентина и в три раза превышает степень минерализации цемента. Разница в степени минерализации зубов между собой незначительна.

Выводы

1. Характеристическими полосами поглощения на ИК-спектрах тканей зуба, отражающими колебания молекул неорганической и органической частей, являются следующие волновые числа: 570, 610, 880, 980, 1050, 1090, 1110, 1240, 1430, 1460, 1540, 1660, 2870, 2940 см^{-1} .

2. По ИК-спектрам высушенных проб эмали, дентина и цемента установлены достоверные различия. Так ИК-спектр эмали отличается высокой интенсивностью $\nu_{\text{ас}} \text{PO}_4^{3-}$ максимумов у 1050, 1090 см^{-1} , слабо выраженной интенсивностью $\nu_{\text{ас}} \text{CO}_3^{2-}$ максимумов у 1430 и 1460 см^{-1} . Полосы амидов-I, II, III почти не видны. На ИК-спектрах высушенных проб дентина и цемента резко увеличена интенсивность $\nu_{\text{ас}} \text{CO}_3^{2-}$ максимумов у 1430, 1460 см^{-1} , а также полос амидов-I, II, III.

3. На ИК-спектрах озоленных проб эмали, дентина и цемента имеются характеристические полосы неорганической части со следующими волновыми числами: 570, 610, 880, 980, 1050, 1090, 1110, 1430, 1460 см^{-1} .

4. По ИК-спектрам озоленных проб эмали, дентина и цемента установлены достоверные различия. Так ИК-спектр эмали отличается высокой интенсивностью $\nu_{\text{ас}} \text{PO}_4^{3-}$ максимумов у 1050, 1090 см^{-1} , слабо выраженной интенсивностью $\nu_{\text{ас}} \text{CO}_3^{2-}$ максимумов у 1430 и 1460 см^{-1} . На ИК-спектрах озоленных проб дентина и цемента резко увеличена интенсивность $\nu_{\text{ас}} \text{CO}_3^{2-}$ максимумов у 1430 и 1460 см^{-1} .

5. Количественная характеристика подсчитана по относительным оптическим плотностям (ООП) полос. Наибольшая ООП $\nu_{\text{ас}} \text{PO}_4^{3-}$ и $\nu_{\text{ас}} \text{CO}_3^{2-}$ в дентине, средняя — в цементе и слабая — в эмали.

6. Степень минерализации эмали в 2,5 раза выше, чем дентина, и в три превышает степень минерализации цемента.

7. Предварительные итоги показали, что нет статистически достоверных различий между ООП и степенью минерализации шестого, пятого и третьего зубов у человека.

8. Результаты исследования могут применяться в археологии при изучении зубов человека, обнаруженных в различных захоронениях, в терапевтической и судебно-медицинской стоматологии для определения характера зубной ткани вообще и в экстремальных условиях (после захоронения, сожжения).

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ С ГОРОДИЩА ОТРАР-ТОБЕ ЗА 1974 ГОД

Р. З. БУРНАШЕВА

За полевой сезон 1974 г. из четырех раскопов с городища Отрар-тобе добыто 496 монет. Большой интерес из этого материала представляют два медных клада, обнаруженные на раскопах I (170 экз.) и II (214 экз.), позволяющие говорить о некоторых сторонах денежного обращения не только позднесредневекового Отрара, но и Ташкента и Туркестана, так как значительная часть монет из кладов чеканена в этих городах. В 1973 г. на Отраре был найден первый крупный клад медных монет (978 экз.). Поскольку монеты трех кладов имеют много общего (типы, вес, датировка), то естественно, что эти материалы будут рассмотрены в отдельной публикации, посвященной денежному обращению Отрара конца XVI—XVIII вв.

Общее число единичных монет с раскопов за 1974 г. с Отрара составляет 112 экземпляров. Из них 34 совершенно стерты или изъедены окислами, 10 имеют квадратную или квадратно-удлиненную форму. Надписи на них стерлись или же сохранились настолько фрагментарно, что для конкретного

определения монеты не пригодны. По технике изготовления, а такая техника очень характерна для позднего средневековья (XVI—XIX вв.), эту медь с Отрара мы датируем концом XVI—XVIII в., так как уже к началу XIX в., по археологическим данным, город как экономический центр пришел в упадок и существовал как незначительное селение¹. В последней четверти XVIII в. в денежном хозяйстве Отрара еще встречаются медные монеты Юнус-ходжи, выпущенные в Ташкенте².

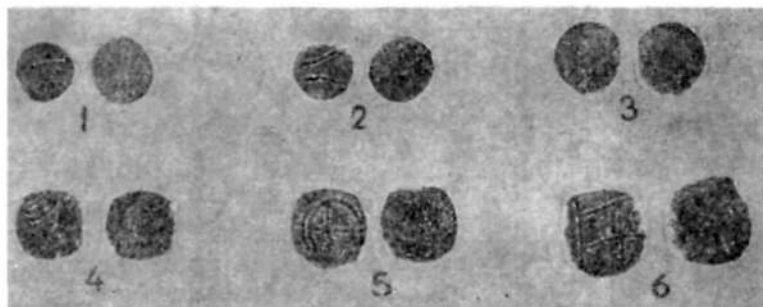

Таблица I. Мелкие медные монеты, называемые в народе «пулами»: 1, 2, 4, 5, 6 — монетки с тамгами; 3 — гладкая монета

27 экземпляров относятся к мелким медным монеткам, пулам (табл. I, рис. 1—6); чеканились они, видимо, с конца XVI в. и широко использовались в денежном обращении Отрара, Туркестана и Ташкента.

По нумизматическому материалу прошлых лет с Отрара и Отрарского оазиса нами установлено, что эта медь распадается на несколько номиналов по весовым данным. Были получены денежные единицы с указным весом в 0,3, 0,6 и 0,9 г, составляющие 1/18, 1/9 и 1/6 части основного медного номинала этого периода — динара со стандартным весом в 5,2 г³. Мелкую медь с Отрар-тобе за 1974 г. по весовым данным также легко разделить на три вида. Вес монет первого вида (11 экз.) колеблется от 0,26 до 0,48 г (0,26 г — 1 экз., 0,32 г — 1, 0,39 г — 1, 0,42 г — 1, 0,45 г — 3, 0,47 г — 3 и 0,48 г — 1 экз.).

¹ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972. с. 41.

² Бурнашева Р. З. Монетный материал с городища Отрар-тобе за 1971—1972 годы. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 172.

³ Бурнашева Р. З. Монеты из Отрар-тобе (1973 г.). — В кн.: Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977, с. 24—25.

Средний вес этих монет 0,3 г. Ко второму виду мелких денежных знаков относятся 13 экземпляров, с весом от 0,51 до 0,84 г (0,51 г — 2 экз., 0,53 г — 3, 0,63 г — 1, 0,64 г — 2, 0,65 г — 1, 0,67 г — 1, 0,69 г — 1, 0,73 г — 1 и 0,84 г — 1 экз.). Средний вес этих монет 0,6 г. К третьему виду принадлежат только три монеты (0,94, 0,96 и 1,10 г) со средним весом один грамм. Их следует отнести к мелким пулам с указным весом в 0,9 г. Таким образом, мелкая медь с Отрара за 1974 г. не противоречит нашим сведениям об обращении в Отраре в XVI — в начале XVIII в. трех видов разменных денежных знаков — пулов со стандартным весом в 0,3, 0,6 и 0,9 г. По тамгам на них они в основном переключаются с находками прошлых лет. Типичные тамги — дугообразные, параллельные ободку монетки линии, решетка-плетенка с точками и новый знак — крестик в двойном ободке. Причем последний только в одинарном ободке встречается и на донце поливных чаш из Отрара и является тамгой племени дулат Старшего жуза⁴. Монетка, имеющая частичное изображение зверя и вес 1,10 г, относится к медному чекану XVII — середина XVIII в., так как все медные монеты с изображениями зверя, найденные на Отраре и в Туркестане, по нашему мнению, чеканились в джанидское время. Возможно, что мелкие монетки весом 0,3 г и 0,6 г находились в обращении только на территории города Отрара, поскольку этот материал пока зафиксирован только в археологических находках с Отрар-тобе. Пул весом в 0,9 г выявлен Е. А. Давидович⁵ в ташкентском медном кладе XVI в. и нами на Отраре в находках прошлых лет⁶.

Такие же мелкие монеты (9 экз.) обнаружены и в кладе № 3⁷ с раскопа II. Причем по весу они также разделяются на денежные знаки указанных выше трех видов — 0,3 г (0,46 г и 0,48 г); 0,9 г (0,8 г; 0,88 г; 0,95 г; 0,96 г) и 1,2 г (1,36 г и 1,47 г). Остальные монеты клада чеканены по традиции, когда каждый последующий номинал больше предыдущего на 0,3 г. Клад показывает преемственность тра-

⁴ Ахинжанов С. М. К вопросу о знаках на керамике позднесредневекового Отрара. — В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975, с. 52, рис. 3.

⁵ Давидович Е. А. Клад среднеазиатских пулов первой четверти XVI в. — «Нумизматика и эпиграфика», М., 1960, 1, с. 197.

⁶ Бурнашева Р. З. Монетный материал с городища Отрар-тобе за 1971—1972 годы, с. 164—165; она же. Монеты из Отрар-тобе (1973 г.), с. 23—25.

⁷ Далее медные клады с Отрара будут фигурировать под № 2 ($\frac{P-I-74}{170}$) и № 3 ($\frac{P-II-74}{214}$). Клад № 1 ($\frac{P-III-73}{978}$) найден на городище в 1973 г. Цифры в числителе показывают номер раскопа и год, а в знаменателе количество монет в кладе.

дий в соблюдении весовых соотношений в чеканке медных монет XVI—XVII вв. Находка на городище Отрар-тобе в 1974 г. мелких пулов как отдельными экземплярами, так и в материале клада № 3, вероятно, свидетельствует о дробности медного чекана на юге Казахстана, в частности в Отрарском оазисе, в XVI—XVII вв. А это, в свою очередь, позволяет говорить о денежной торговле, что несомненно связано с ростом торгово-денежных отношений в период образования казахских ханств. Вышесказанное предположение подтверждают также и сведения, которые были получены начальником Оренбургской экспедиции И. Кирилловым от ташкентца Нурмухамеда Муллы Алимова и в 1734 г., использованные в донесении на имя императрицы Анны: «В Ташкентском и Туркестанском владениях довольно железа, кое копают в горах, а тем паче на реке Чилса (р. Чирчик. — М. А. Бубнова), медь привозят из Самаркандской стороны, и продается дешевою ценою, свинцу вблизи Туркестана в горе, называемой Сувунду, великое множество, где всяк, кому надобно, берет и льет пули...»⁸.

Монетный материал с раскопов хорошо группируется по периодам, и потому будем рассматривать его в хронологической последовательности.

Самые ранние монеты Отрар-тобе 1974 г. (2 экз.) относятся к караханидскому чекану XI в. Они стертые, спекшиеся между собой, найдены на раскопе II, помещение 61, № 54 (инв. № 449/15).

Следующий период — джагатаидский чекан — представлен семью монетами. Шесть из них медные посеребренные дирхемы Отрарского монетного двора 50—60 гг. XIII в., с надписью *منگوخانی* — «менгу-хани», являющейся типичной для монет, чеканенных в Отраре в данное время. Они выпускались без имени правителя (на одной стороне имелась надпись с именем и титулом умершего халифа Насира и на другой — символ веры). Чекан и обращение этих дирхемов относятся к первым двум этапам реорганизации денежного обращения при Джагатаидах.

По периодизации, предложенной Е. А. Давидович, реорганизацию монетного дела и денежного хозяйства монголов можно разделить на три этапа⁹. Первый этап охватывает первую четверть XIII столетия от завоевания Средней Азии монголами и примерно до середины XIII в. Более или менее систематический выпуск монет на этом

⁸ Бубнова М. А. Добыча полезных ископаемых в Средней Азии в XVI—XIX вв. М., 1975, с. 15.

⁹ Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Мас'уд-бека (XIII в.). М., 1972, с. 127, 136, 140.

этапе осуществляли только Бухара и Самарканд. Второй этап начинается регулярным чеканом золотых монет и характеризуется оживленной мелкой денежной торговлей. Об этом свидетельствует обильный выпуск посеребренных дирхемов одного типа, чеканенных в Отраре. Они обслуживали торговлю не только самого Отрара и его провинции, но и районы Южного Казахстана, Ташкента и Ферганы¹⁰. Второй этап длится до 1271 г., т. е. до денежной реформы Мас'уд-бека, когда серебряные монеты впервые, кроме Алмалыка, стал выпускать и Отрар¹¹. Зафиксированные нами медные посеребренные дирхемы с Отрара являются продукцией Отрарского монетного двора второго этапа. Подобные монеты довольно часто встречаются вкладах и отдельных экземплярами на территории современного Казахстана, Киргизии, Узбекистана. Все это говорит об обильном выпуске медных посеребренных дирхемов и о ведущей роли Отрара в денежном хозяйстве Джагатаидов XIII века. Это подтверждается и находкой на городище в 1972 г.клада медных монет (190 экз.), относящихся к Отрарской чеканке 50—60 гг. XIII в.¹² В основном это медные посеребренные дирхемы с надписью «менгу хани» منگو خانی или просто «хани» خانی. Но самым интересным является то, что в составеклада оказались 19 экземпляров медных фельсов, чеканенных в Отраре в эти же годы. До сих пор считалось, что на втором этапе реорганизации денежного хозяйства Джагатаидов медные фельсы наряду с золотыми и серебряными монетами выпускались только в Алмалыке — в столичном городе джагатаидских правителей¹³. По данным: Е. А. Давидович, медные фельсы Отрара известны только с 677—685 гг. х., т. е. уже с третьего этапа после реформы Мас'уд-бека¹⁴. Они являются однотипными и по оформлению очень близки к серебряным монетам этого этапа. Отрарские медные фельсы второго этапа в типовом отношении копируют медные посеребренные дирхемы Отрара этого периода за исключением одной монеты, которая по оформлению и по почерку резко отличается от остальных 18 экземпляров и несет на себе имя Мас'уд-бека.

Выпуск меди на Отраре свидетельствует о росте денежной торговли в сфере обслуживания мелкой розничной каждодневной тор-

¹⁰ Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Мас'уд-бека (XIII в.), с. 139.

¹¹ Там же, с. 142.

¹² Клад хранится в отделе археологии Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР, инв. № 81/190.

¹³ Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Мас'уд-бека (XIII в.), с. 37.

¹⁴ Там же, с. 109.

говли, что связано с развитием различных ремесел со второй половины XIII в.

Из медных посеребренных дирхемов, найденных на Отраре (инв. № 449/15, 16, 17, 18, 19, 24), только на одной частично читается круговая легенда: *بلده اترار* — «город Отрар». На остальных выпускные сведения стерты.

К этой же серии монет джагатаидского чекана XIII в. относится и медный фельс, по-видимому, чеканенный в Алмалыке. К сожалению, сохранность его весьма плохая. Обратная сторона совершенно стерта, на лицевой стороне частично в двух линейных ободках сохранились фрагментарно надписи круговых легенд, однако они не поддаются расшифровке. Но в типовом отношении и по размеру монета оформлена точно так же, как и серебряные дирхемы Алмалыка 639 г. х., 645 г. х. и 65. г. х.¹⁵ Поэтому данный фельс (инв. № 449/26) можно отнести к алмалыкскому чекану конца первого или начала второго этапа реорганизации денежного хозяйства Джагатаидов.

XIV в. представлен на Отраре шестью медными монетами, чеканенными эмиром Тимуром в Самарканде, дата выпуска стерта. Все монеты однотипные, плохой сохранности. Четыре экземпляра найдены на раскопе III (инв. № 450/9; 450/11; 450/12 и 450/28) и два на раскопе IV (инв. № 451/10 и 451/12). Только на одной монете (инв. № 451/12) на лицевой стороне читается в поле, окаймленном квадратным линейным ободком, имя и титул Тимура *امير تيمور* — «эмир Тимур». Частично прослеживается линейный и точечный ободок. Выпускные сведения в отсеках не сохранились. На оборотной стороне в поле — трехлепестковый орнамент с тремя кружками, считающимися тамгой Тимура. По сторонам в трех сегментах — наименование монетного двора *ضرب...قند* — «чекан Самарканда» (табл. II, рис. 1). Аналогичные монеты Тимура зафиксированы на Отраре в раскопах прошлых лет¹⁶. Е. А. Давидович датирует этот тип 786 г. х./1384—1385 гг.¹⁷, а Х. М. Френ — 785 г. х./1383—1384 гг. под вопросом¹⁸.

¹⁵ Собрание отдела нумизматики Государственного Эрмитажа, Джагатаиды, плакетка 186, серебряный чекан Алмалыка 639 г. х., 643 г. х. и 645 г. х. Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Мас'уд-бека (XIII в.), таблицы, серебряный чекан Алмалыка 65. г. х., № 3.

¹⁶ Бурнашева Р. З. Монетный материал с городища Отрар-тобе за 1971—1972 годы, с. 163—164.

¹⁷ Давидович Е. А. Материалы для характеристики чекана и обращения среднеазиатских медных монет XV в. — «Нумизматика и эпиграфика». М., 1965, V, с. 228.

¹⁸ Френ Х. И. Монеты ханов улуса Джучиева, или Золотой Орды, с монетами разных мухаммеданских династий. Спб., 1832, с. 62, табл. XV, № 5.

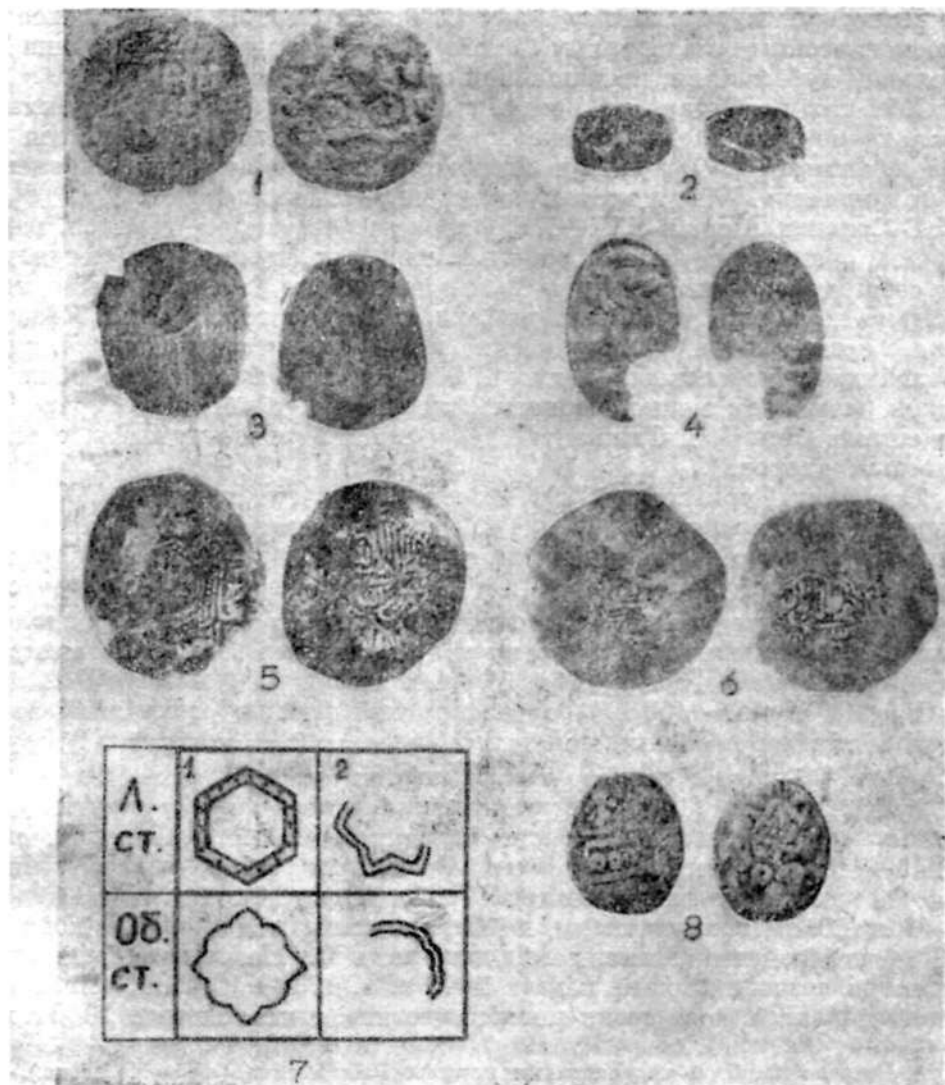

Таблица II. 1 — медная монета эмира Тимура. Чекан Самарканда 786 г. х. 1384—1385 гг.; 2—4 — медные монеты, чеканенные в Ясы (Туркестане) в XVI — в начале XVII вв.; 5—6 серебряные теньги Искандер-хана Шейбанида; 7 — картуши серебряных теньг Искандер-хана с рисунков 5—6; 8 — медная монета Абдуллы-хана II, чеканенная в 1000 г.х.; 1591—1592 гг. Место чекана не читается

Монеты Тимуридского времени (XV в.) с Отра́ра в комплексе с археологическим материалом этого периода будут рассмотрены в отдельной публикации, посвященной этой проблеме.

XVI век на Отра́ре по монетным находкам 1974 г. представлен довольно широко. Медные монеты с надчеканами, относящиеся к первой четверти XVI в., будут исследованы совместно с надчеканенными монетами XV в. и поэтому здесь не рассматриваются.

В Средней Азии в XVI—XVII вв. отмечается рост городов, расширение орошаемых земель, развитие торговли, культуры и феодальной собственности на землю¹⁹. Такое положение, видимо, было характерно не только для Средней Азии, но и для городов юга Казахстана, несмотря на периодически повторяющиеся войны между казахскими и узбекскими ханами. Об этом свидетельствуют обилие мелкой разменной медной монеты в денежном обращении Отра́ра²⁰, Туркестана (Ясы²¹) и Ташкента²² и функционирование в них своих монетных дворов.

К чекану Туркестана (Ясы) принадлежат три медные монеты, найденные на раскопах II, III и IV. Первая монета (449/14) является мелким номиналом, она квадратно-удлиненной формы. На лицевой стороне сохранилось частично سی — «сы» от Ясы и زر — «зар» от слова «зарб» — чеканено. На оборотной стороне по полю расположены параллельные краю монетки два линейных ободка, а между ними ободок из насечек (табл. II, рис. 2).

Вторая монета (450/21) более округлой формы, сохранила на лицевой стороне название монетного двора یسی — «Ясы». Вокруг все стерто. Обратная сторона также стертая (табл. II, рис. 3).

Третья монета (451/13) фрагментарна, имеет форму округло-удлиненную. На лицевой ее стороне название монетного двора, на обратной — геометрический орнамент. Этот тип монет известен по монетам из туркестанских кладов²³ (табл. II, рис. 4).

К шейбанидскому чекану на Отра́ре относится медная монета (450/3), чеканенная от имени Абдуллы-хана II. На лицевой стороне просматривается имя хана и дата 1000 г. х./1591—1592 гг. На оборотной стороне, в поле среди мелких цветков, читается дата 1000 г. х.

¹⁹ Чехоев О. Д. О периодизации истории Узбекистана (XVI—XVIII вв.). — «Известия АН УзССР». Ташкент, 1954, № 5, с. 109.

²⁰ Бурнашева Р. З. Монеты из Отра́р-тобе (1973 г.), с. 24—25.

²¹ Бурнашева Р. З. Клады медных монет из города Туркестана (предварительное сообщение). — В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 61.

²² Давидович Е. А. Клад среднеазиатских пулов первой четверти XVI в., с. 193—198.

²³ Бурнашева Р. З. Клады медных монет из города Туркестана, с. 61.

и остатки надписи, которая не поддается определению. Место чекана этой монеты не сохранилось (табл. II, рис. 8).

К этому периоду относятся также две серебряные монеты Искандер-хана (1560—1583), найденные в 1974 г. на городище Ран²⁴ при археологических работах на полу помещения № 5. Обе монеты чеканены одним ханом, хотя картуши на них разные (табл. II, рис. 7). К сожалению, на монетах не читаются дата и место их выпуска. Но мы знаем, что Искандер-хан Шейбанид правил в 1560—1583 гг. и при нем функционировали монетные дворы в Андигане, Ахсы, Балхе, Бухаре, Герате, Самарканде, Ташкенте и Ясы²⁵. Естественно было бы предположить, что эти монеты являются продукцией таких городов, как Ташкент или же Ясы, поскольку контакты жителей северных склонов Каратау, несомненно, были теснее с вышеупомянутыми городами, чем со среднеазиатскими, хотя картуши на этих монетах и не совпадают с картушами опубликованных ранее типов монет Искандер-хана, выпущенными в Ташкенте и Ясы²⁶. Возможно, мы имеем дело с новыми типами серебряных теньг этого хана.

Первая монета из городища Ран (инв. № 444/1) хорошей сохранности. На лицевой стороне в картуше читается имя и титул правителя *الخاقان العادل*. Правда, имя написано несколько стилизовано. От круговой легенды сохранилась только часть титулатуры *اسکنر... بهادر خان*. На оборотной стороне в картуше содержится символ веры, как принято на шейбанидских и джанидских теньгах. Круговая легенда стерта (табл. II, рис. 5).

Вторая монета (инв. № 444/2) в верхней части стертая. Надписи читаются только в картушах. На лицевой стороне, как и на монете первой, содержится имя и титул правителя. Внизу под картушем от круговой легенды, по-видимому, читается дата ۹۷۲ — 973 г. х./1565—1566 гг. и слово не то *سر* «шир», не то *سی* — Ясы. Если это название монетного двора Ясы, то, видимо, Искандер-хан чеканил в этом городе серебро нескольких типов, что говорит об интенсивности чекана. Обратная сторона в картуше содержит символ веры. Вокруг стерто (табл. II, рис. 6).

Находки шейбанидских серебряных теньг на северных склонах Каратау наряду с медными монетами на Отраре дают нам картину

²⁴ Городище Ран расположено на северных склонах Каратау, в ущелье Коксай, в 50 км к юго-западу от древнего Сузака. Раскопки проводил отряд Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции АН КазССР, начальник отряда С. Ж. Жолдасбаев.

²⁵ Давидович Е. А. Нумизматические заметки (Караханиды, Чингиз-хан, Шейбаниды). — «Известия АН ТаджССР, отделение общественных наук». Душанбе, 1968, 3(53), с. 83.

²⁶ Там же, с. 82.

распространения и обращения шейбанидских тенг за пределами Шейбанидского государства.

Концом XVI—XVIII вв. датируются восемь медных монет. По наличию на них надписей и изображению они могут быть разделены на несколько типов.

Тип I. К нему относится одна монета (№ 449/—21), квадратно-удлиненной формы. На лицевой стороне читается только **ضرب** «че-

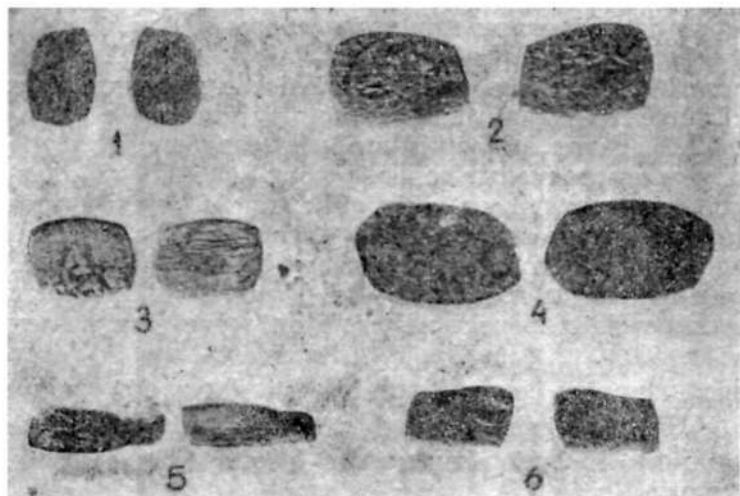

Таблица III. 1 — медная монета с изображением зверя, XVI—начало XVII вв.; 2—4 — медные монеты, чеканенные в Ташкенте XVI—XVIII вв.; 5 — медная монета, имеющая форму «ложечки» или «лопаточки». Чекан Ташкента XVI—XVIII вв.; 6 — неопределенная медная монета XVI—XVIII вв.

канена». На оборотной стороне имеется изображение зверя, смотрящего влево, с изгибающимся над спиной хвостом (табл. III, рис. 1). Медные монеты с таким хищником выпускались на монетных дворах Ташкента и Ясы с конца XVI до середины XVIII в. Они довольно в большом количестве встречаются в денежном обращении Отрара этого периода²⁷. Однако указанная выше датировка этих монет не говорит о том, что данная медь непрерывно чеканилась в это время. Безусловно, что часть монет выпускалась в конце XVI — в начале XVII в., другая, возможно, — в XVII—XVIII вв., когда для этого создавались объективные причины, связанные с благоприятной внешнеполитической и внутренней ситуацией в стране.

²⁷ Бурнашева Р. З. Монеты из Отрар-тобе (1973 г.), с. 31—32.

Тип II. К этому типу принадлежат три монеты квадратно-удлиненной формы, анэпиграфные. Все три имеют на лицевой стороне цветочный орнамент, vyplненный в каждом случае по-своему. На первой монете (449/28), в поле, окаймленном линейным ободком, цветочный орнамент в виде ромашки; на оборотной стороне изображение зверя (табл. III, рис. 2).

На второй монете (450/4) на лицевой стороне в поле, окаймленном двумя линейными ободками, между которыми проходит точечный, также цветочный четырехлепестковый орнамент. Обратная сторона стертая (табл. III, рис. 3).

Третья монета плохой сохранности (450/3). На лицевой стороне с трудом просматриваются остатки цветочного орнамента. Обратная сторона стертая (табл. III, рис. 4). Эти монеты мы относим к чекану г. Ташкента XVI—XVIII вв., поскольку в материалах кладов из Отрара и Туркестана медные монеты такого типа встречаются часто.

Тип III. Это две монеты округлой формы с изображением птицы на оборотной стороне. Первая монета (448/10) имеет на лицевой стороне в поле, окаймленном линейным ободком, изображение зверя влево. На оборотной стороне изображение птицы плохой сохранности. В медном кладе № 1, найденном на Отраре в 1973 г., аналогичные монеты составляют примерно 50% из общего количества, датируются они XVII—серединой XVIII в.

Подобные медные монеты с изображениями птиц отмечены М. Е. Массоном в кладе, найденном в 1920 г. в Самарканде. Клад определен им как аштарханидский (XVII—середина XVIII в.).²⁸

Вторая монета (449/29) на лицевой стороне в поле содержит остатки плохо сохранившейся надписи. На оборотной стороне в поле, окаймленном линейным ободком, видимо, изображение птицы.

Тип IV включает две монеты. Первая (450/6) имеет форму «ложечки» или лопаточки и относится к чекану г. Ташкента, так как аналогична выпущенным в этом городе²⁹ медным монетам 2-й подгруппы с растительным орнаментом из туркестанских кладов (табл. III, рис. 5). К сожалению, для точного отнесения их к чекану определенного хана у нас пока нет данных, поскольку на этих монетах нет ни имени правителя, ни времени их выпуска. Ориентировочной датировкой монет такого типа, вероятно, можно считать какие-то отрезки времени с конца XVI по XVIII в.

²⁸ Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 гг. — «Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины искусства и природы», вып. III. Ташкент, 1928, с. 293.

²⁹ Бурнашева Р. З. Клады медных монет из г. Туркестана, с. 62.

Вторая монета (449/27) представляет собой плотный обрубок прута с неясными следами надписи на обеих сторонах. Надписи оттиснуты на монете не полностью из-за малого размера. Судя по технике изготовления, ее также можно датировать этим временем. Такие монеты хорошо знакомы по туркестанскимкладам и относятся к третьей подгруппе медных монет³⁰, чеканенных в Ташкенте (табл. III, рис. 6).

Итак, анализ вышеприведенного нумизматического материала из Отрара за 1974 г. показал, что в нем преобладают монеты, относящиеся к чекану XVI—XVIII вв., выпущенные в основном в Туркестане, Отраре и Ташкенте. Это явление не случайное, если мы примем во внимание следующие факторы.

Во-первых, с середины XVI в. большую роль в хозяйственной жизни среднеазиатских и казахских ханств начинает играть Россия. В торговле с ней города северных и южных склонов Каратау и районов Сырдарьи служили перевалочной базой для товаров, шедших из России в Среднюю Азию и обратно. Несомненно, что транзитная торговля через эти районы была важным стимулом, благоприятствовавшим сохранению городской жизни в этих районах вплоть до XVII—XVIII вв.³¹

Во-вторых, письменные источники и памятники материальной культуры, относящиеся к XVI—XVII вв., свидетельствуют о развитии и расцвете в городах и оседлых поселениях Казахстана этого периода плотничного, кузнечного, ювелирного, токарного, шорного, кожаного, портняжного, сапожного и других промыслов и ремесел³².

В-третьих, немаловажной причиной для роста торгово-денежных отношений в конце XVI—XVIII вв. в районе присырдарьинских городов являлся также переход значительной части казахов к оседлому и полuosедлому образу жизни. Особенно интенсивно этот процесс протекал в районе Туркестана³³. Этому способствовало непосредственное общение казахов-кочевников с местным земледельческим населением, имевшим высокую культуру развитого земледелия и ремесленного производства. Оседавшие казахи-кочевники шире вовлекались в сферу торговых отношений, ремесленного производства и поливного земледелия.

³⁰ Там же.

³¹ Ермаков Л. Б. Оседлая культура Южного Казахстана XVII—XVIII вв. (По материалам городищ Чуйской и Таласской долин, северных склонов Каратау. Историко-археологический очерк). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Л., 1966, с. 15.

³² История Казахской ССР, т. I. Алма-Ата, 1957, с. 184.

³³ Пищулина К. А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVIII веках. — В кн.: Казахстан в XV—XVIII веках. (Вопросы социально-политической истории). Алма-Ата, 1969, с. 47.

КЕРАМИКА ГОРОДИЩА ТУРКЕСТАН ИЗ ВЕРХНЕГО СТРОИТЕЛЬНОГО ГОРИЗОНТА (XVII—XVIII вв.)

Т. Н. СЕНИГОВА

В данной статье мы ограничимся описанием керамического материала из стратиграфического раскопа, связанного с первым строительным горизонтом XVII—XVIII вв., так как изученные нами наиболее важные объекты в районе городища Туркестан уже получили свое освещение в печати¹.

Раскоп № 1 заложен в верхнем строительном горизонте (от 30 до 60 см²) в юго-восточной части шахристана средневекового городища Туркестан (Ясы). Он прямоугольной формы (30×15 м²), стерильных культурных на-

¹ Сенигова Т. Н. Уникальное культовое сооружение Аулие Кумчик-Ата в районе г. Туркестана. — В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, с. 105—120; она же. Культовые сооружения около мавзолея Ходжи Ахмеда Ясеви. — В кн.: Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977, с. 42—58; Сенигова Т. Н., Бурнашева Р. З. Новые данные о городище Туркестан. — «Известия АН КазССР, серия обществ. наук», 1977, № 2, с. 49—55.

² За основную реперную точку была принята вершина юго-восточной башни городища с отметкой 218, 57 по топографическому плану. Учет материалов велся по квадратам (5×5 м), по ярусам (50 см) и уровням полов.

слоений не сохранил. В начале третьего яруса (1,60 м от репера) выявлен пол с хозяйственными ямами, тандыром и остатками трех помещений. Стены возведены из сырцового прямоугольного кирпича (30×22×9 см), кирпич уложен плашмя на глиняном растворе. Толщина стен от 0,8 до 1,02 м. Размеры помещений различны: 5,60×4,90 м, 6,37×4,80 м, 3×3,9 м. На уровне пола этих помещений и рядом с ними обнаружена значительная коллекция керамических изделий.

Неполивная керамика представлена фрагментами и целыми сосудами. Вся продукция гончарной выделки, изготовлена из глиняного теста с примесью мелкозернистого песка, иногда с вкраплениями известковых зерен, которые обнаруживаются в изломе изделий. Цвет черепа в изломе красновато-сероватый, реже серый.

Рассмотрим основные типы сосудов.

Ямы появились в Хорезме в XII—XIV вв.³. О широком их распространении свидетельствуют находки этих сосудов при раскопках городища XIV—XVII вв. Представлены они фрагментами боковин и венчиков (рис. 1, 1). Это крупные открытые сосуды с диаметром устья 65 см. Слегка выгнутые стенки поднимаются вверх, завершаясь массивным плоским, иногда округлым гофрированным венчиком. Часто покрыты серым ангобом. Дно плоское с подсыпкой песка, иногда на дне — отверстие.

Хумы выделялись почти без шейки, с массивным палочковидным венчиком, отогнутым наружу. Округлый корпус переходил в конус к основанию и заканчивался плоским дном. На фрагменте венчика от одного из хумов просматривается орнамент из прямоугольников, расчлененных внутри крестом на четыре треугольника с точками в центре. В промежутках между основными узорами размещены мелкие ромбики, также разделенные на четыре треугольника, ниже и выше прямоугольников и ромбиков концентрические кружки-горошинки и поясok из ломаных линий и углов (рис. 1, 2, 3).

Зафиксирован венчик хума, покрытый беловатым ангобом. Край венчика отогнут наружу и украшен рельефом в виде волнистой линии, корпус хума сплошь покрыт рельефными косыми насечками. В ряде случаев верхняя часть венчика хума орнаментирована оттисками перлов (рис. 1, 3).

Кувшины подразделяются на два вида. Наиболее распространенными являлись крупные кувшины с невысоким прямым, расширяющимся вверх горлом. Интересен одноручный кувшин с ручкой плос-

³ Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). — «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. IV. М., 1959, с. 302, рис. 19, 5.

кого сечения. Верхним концом она прикреплена к краю горловины и возвышается над последней (рис. 2). Узкогорлые кувшины представлены многочисленными обломками сосудов с носиками (типа кумганов). Обычно они имеют высокое цилиндрическое профилированное горло с закраиной раструбом, округлый корпус и петлеобразную ручку (рис. 2, 1, 2).

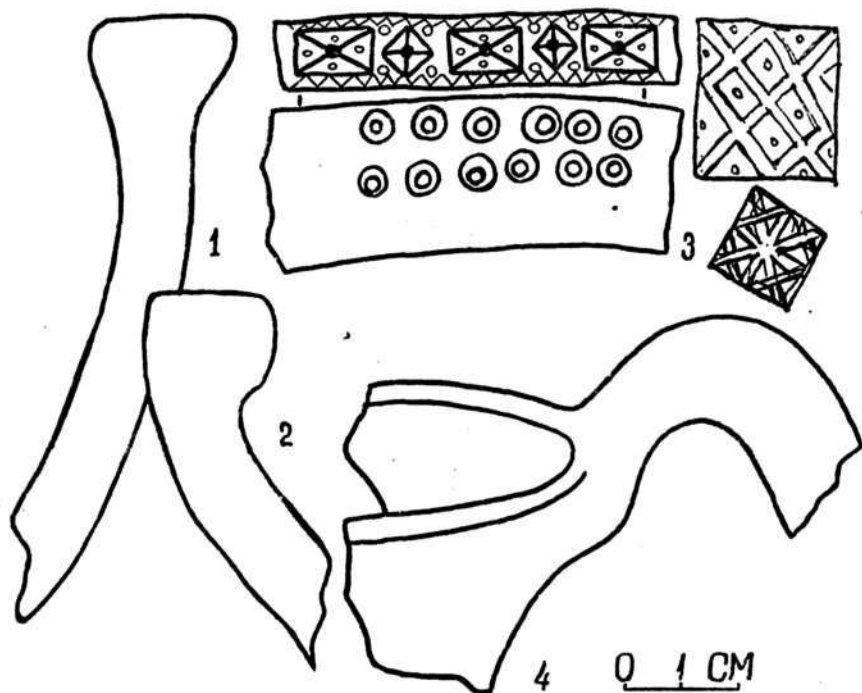

Рис. 1. Неполиванная керамика верхнего строительного горизонта

Чаши также можно подразделить на два вида: высокие полу-сферические плоскодонные и на кольцевом поддоне с отогнутым наружу краем. Диаметр верха 16—18, дна 7—8 см (рис. 3, 1). Низкие чаши с широко расходящимися в стороны прямыми стенками (рис. 3, 2). В ряде случаев стенки чаш этой группы отогнуты наружу. Поддон кольцевой. Диаметр верха 23—25, дна 8—10 см. Чаши изготовлены из глины с незначительной примесью мелкотолченого песка. Обжиг красновато-палевого цвета. Как правило, чаши не орнаментированы. Только четыре из них расписаны внутри. Это поясok кольцевых линий, размещенных по бортовой части изделия, иногда сочета-

ющихся с косыми мазками и полем звездочек на бортовой части. Реже косые мазки размещались по бокам стенок изделий (рис. 3, 3, 4). Узор выполнен коричневой, красноватой, серо-зеленоватой красками. Эти чаши имели, очевидно, большой спрос на рынке наряду с пышно украшенной поливной посудой этих же форм.

Котелки представлены фрагментами от шаровидных корпусов с отогнутым наружу волнистым краем. Тесто плотное, красноватого цвета (рис. 2, 3, 4).

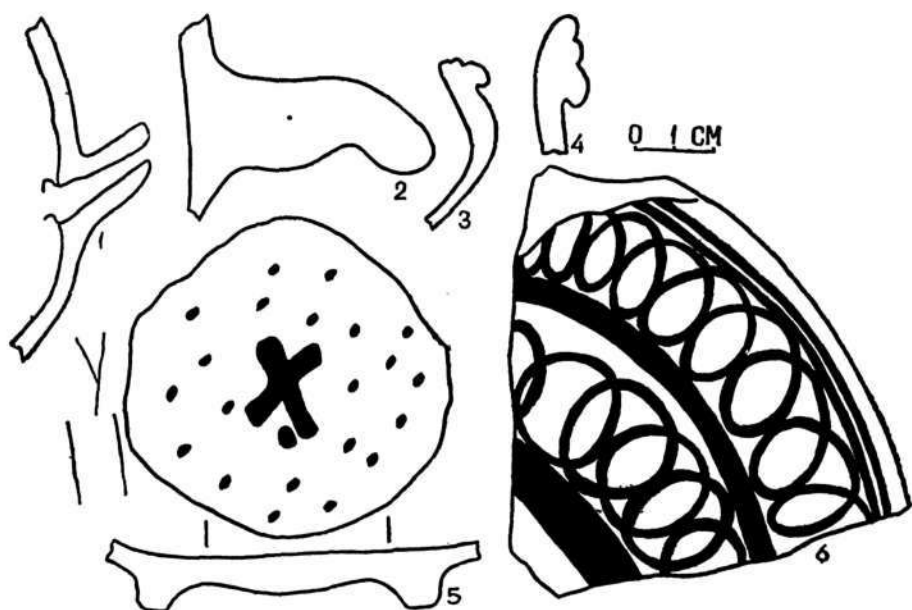

Рис. 2. Керамика верхнего строительного горизонта: 1, 2, 3, 4 — неполивная керамика; 5, 6 — поливная керамика

Поливная керамика состоит из довольно значительного числа посуды, изготовленной из глины с добавлением мелкого песка. Черепок в изломе красновато-коричневый. Изделия облицованы по светлomu ангобу поташной стекловидной поливой. По составу глазурей керамика распадается на две группы: бесцветные и окрашенные поливы. Типы сосудов в обеих группах повторяются. Роспись весьма разнообразна и выполнена черной, бирюзовой, коричневой, фиолетовой красками. Полива наносилась с двух сторон. Внешняя, как правило, до середины корпуса.

Чаши — самая распространенная форма посуды. Они представлены тремя разновидностями. Низкие чаши мелкие, большого диаметра до 30 см, на дисковидном поддоне, с врезным желобком и с ребром на корпусе. Для них характерен отогнутый наружу край борта (рис. 4; 5, 1, 2, 3). Высокие глубокие чаши имеют высоту 10—12 см. У них полусферический корпус и прямая или чуть отогнутая наружу закраина. Диаметр 16—18 см. Поддон дисковидный, диаметром 6—8 см (рис. 6, 1, 2; 7, 1).

Неглубокие чаши на дисковидном поддоне. Стенки их, отходя от дна под уклоном, расширяются вверх. Высота 8—10, диаметр верха 22—30, диаметр дна 10 см (рис. 7, 3; 8, 5).

Блюда низкие, широкие и массивные, двух типов. Первый: стенки отходят под тупым углом от широкого плоского дна. Диаметр 28—30 см. Внутри у бортика выступ (рис. 7, 2). Второй: стенки плавно переходят к отогнутому наружу бортику, покоятся на дисковидном поддоне. Диаметр верха 28, диаметр дна 10,5, высота 7,5 см (рис. 8, 1).

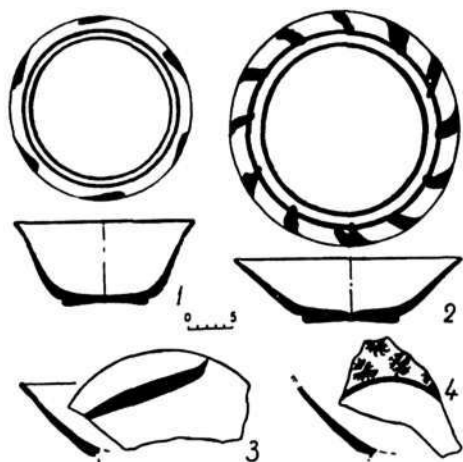

Рис. 3. Чаши с ангобной раскопкой

Закономерностей в орнаментальных композициях, присущих той или иной форме изделий, не прослеживается. Полива голубоватая, желтоватая, иногда розоватая светлых тонов. Есть группа фрагментов от сосудов расцвеченных под фактуру дерева. Орнаментом покрыта внутренняя поверхность. Снаружи расписаны только высокие чаши. На них разнообразный орнамент, выполнен голубой краской и марганцем. Основной мотив узора наносился марганцем. Бирюзой оконтуривали орнамент, подцвечивали, прочерчивали его. Таким же цветом осуществлялась и концентрическая разбивка плоскости сосуда линейными поясами. Украшались также закраины и донца. Пространство между ними было свободно от узора.

Орнамент обычно несложен. Это геометрические и растительные мотивы. К геометрическим относятся завитки спирали, пояски, узоры ромбов, треугольников, заштрихованных квадратов, концентрических колец. Есть фрагмент чаши с геометрическим осевым делением дна на четыре части. Пространство внутри каждой части заполнено четкими параллельными голубыми полосками или параллельными

черными линиями, соединенными штрихами или круглыми пятнами (рис. 8, 2). Борты одной чаши с голубоватым фоном сплошь покрыты черной ромбической сеткой и заштрихованными треугольниками (рис. 9, 2). Внутри ромбов другой чаши узор в виде коробочек хлопка (рис. 7, 4). Ромбами, заключенными в медальоны, орнаментирована внешняя поверхность высокой чаши (рис. 6, 1). Ромб являлся основным орнаментальным мотивом и другой чаши (рис. 8, 4). Фигура

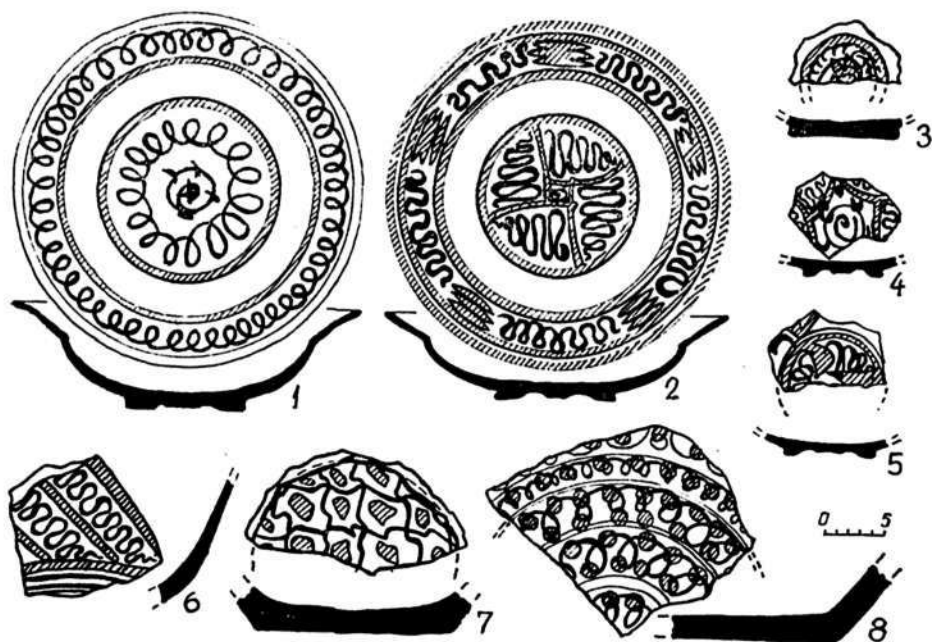

Рис. 4. Керамика верхнего строительного горизонта: 1—7 — чаши, 8 — донца тагоры

ромба выполнена марганцем и удачно размещена на бортах (рис. 7, 1). Снаружи она очерчена тремя кольцевыми линиями. В углах ромба запятые грязновато-голубоватого цвета. Пространство с внешней стороны ромбов заполнено отрезками спиралей, как бы накрученных на голубоватого цвета стержни. В центре дна прочерченные подглазурные зигзаги.

Близки между собой по комбинации геометрических штриховых узоров и сочетанию голубого цвета и марганца чаши с бортовым орнаментом, очерченным двумя-тремя кругами, черного и бирюзового цвета. Основным мотивом орнамента являются вращающиеся спицы,

состоящие из наклонно положенных штрихов черного цвета, чередующихся с косыми голубыми кружками, в обе стороны от которых отходят извилистые хвостики (рис. 8, 5). Иногда бирюзовые кружки и хвостики оконтурены черными линиями, заключенными в бирюзовые фестоны. По закраине идет бордюр из голубоватых «звездочек», расположенных по светло-молочному фону, оконтуренных тонкой бирюзовой линией (рис. 8, 3).

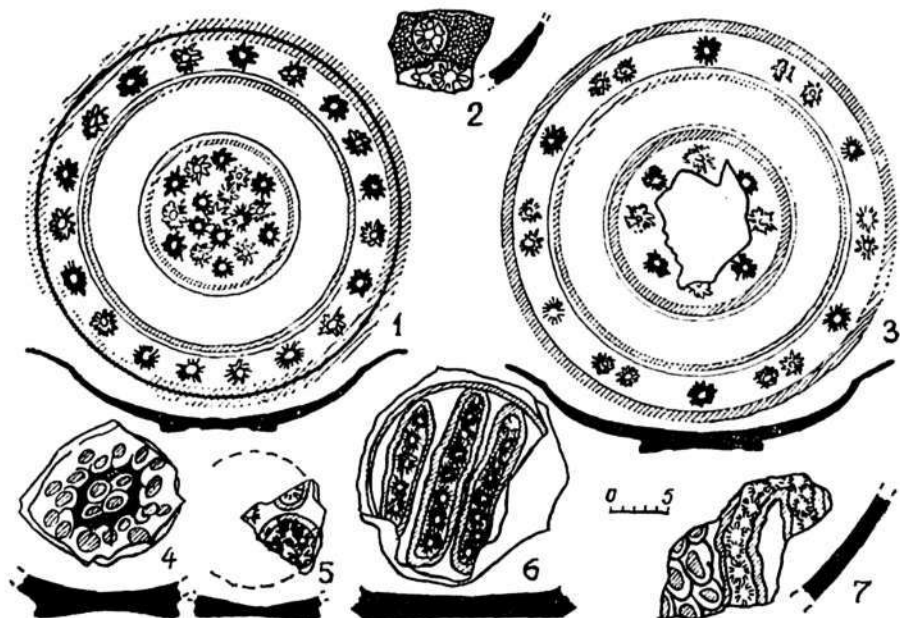

Рис. 5. Поливные чаши

На некоторых чашах узор образуется наклонно нанесенными на борта линиями. Пространство между ними заполняли спирали, ограниченные тремя рядами кольцевых линий, размещенных у перехода дна к стенкам (рис. 4, 6). К типу геометрических узоров следует отнести узор на чаше, бортовой композицией которой являлась пятиугольная размашистая звезда, очерченная двумя кольцевыми линиями. Пространство между углами и сами углы заполнены отрезками спиралей. Орнамент выполнен марганцем и бирюзой (рис. 10, 1). Спираль являлась весьма характерным орнаментальным мотивом для чаш трех форм. Она размещалась как на бортах, так и на донной части, то в виде сплошного пояса, то отрезками. Она выполнялась мар-

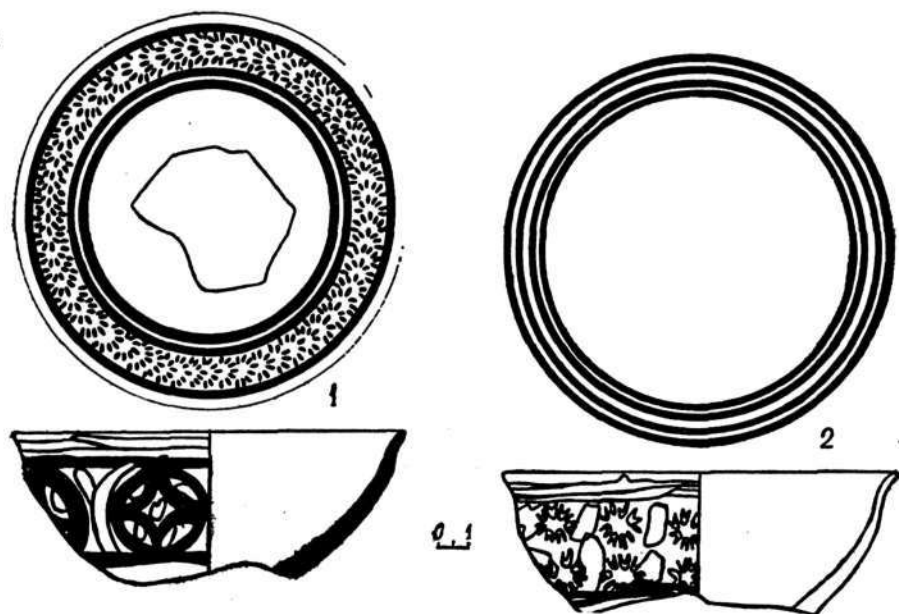

Рис. 6. Глубокие чаши

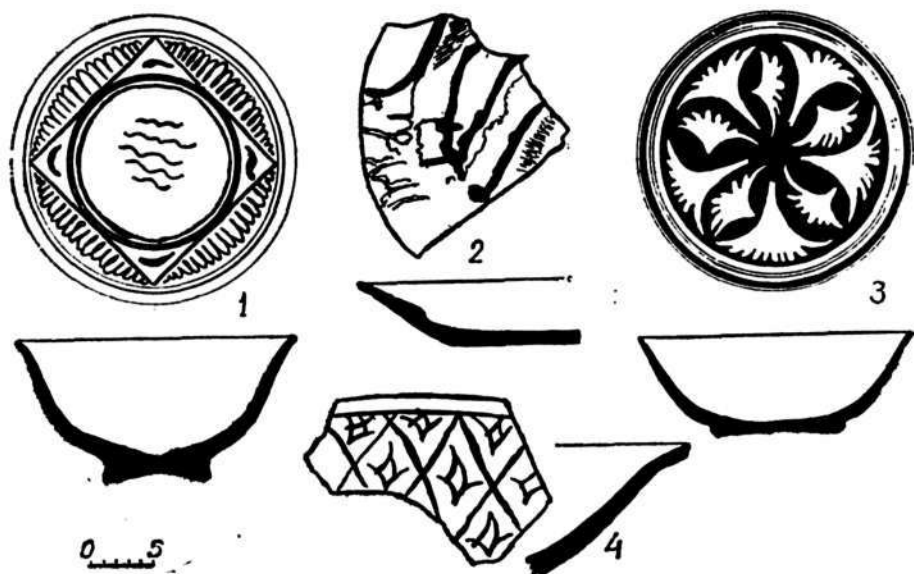

Рис. 7. Чаши, блюда

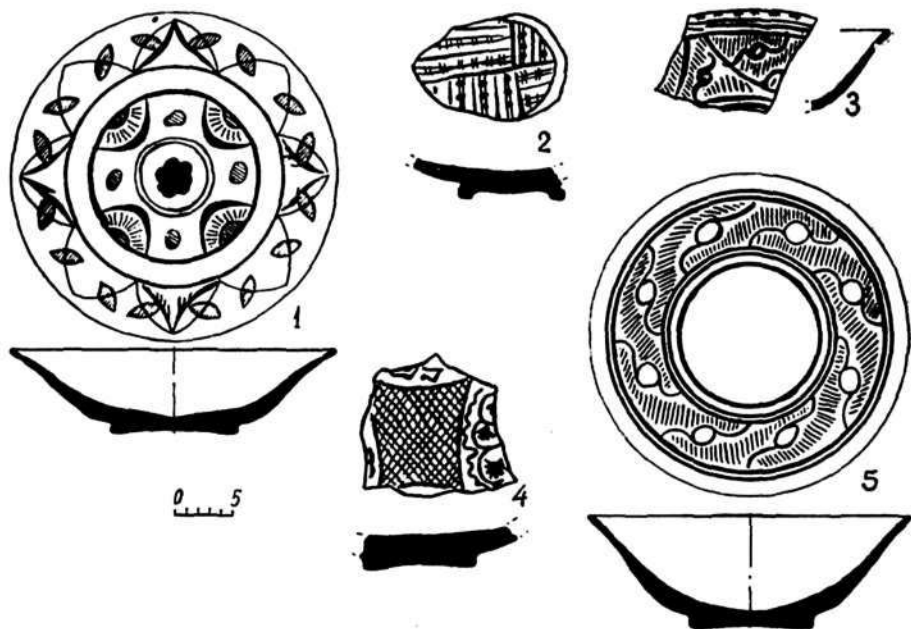

Рис. 8. Чашы, блюда

ганцем (от коричневого до черного оттенка) и наносилась на изделие с белым или чуть подцвеченным в розоватые и голубоватые тона фоном.

Рассмотрим узоры на полностью сохранившихся чашах. Дно одной из них украшено овалом с крестиком и четырьмя «запятами» на краю. Овал оконтурен спиралью, заключенной в круг. Бортовая композиция также состоит из раскрученной спирали, заключенной в третий круг (рис. 4, 1). К этой же группе по характеру узора относится и другая чаша (диаметр 22 см). На дне ее также овал с «запятами», но помещен он в квадрате, от которого бирюзовой краской отводятся четыре сектора, в каждом из них по отрезку спирали (рис. 4, 2). Узор очерчен двумя кругами. Бортовая композиция состоит из разорванных спиралей. В промежутках спиралей мазки голубой подцветки пятнами. Узор оконтурен кольцевыми обводами.

К этой группе относятся и донца чашек, узор которых состоит из спиралей и завитков. Пространство в сторону спиралей разделено в одном случае на четыре (рис. 4, 5), в другом на пять частей (рис. 4, 4).

Каждый сектор заполнен отрезками спиралей. Иногда узор заключен в три ряда кольцевых линий. Центральная композиция одного из донцев: спираль, ооконтуренная двумя кольцевыми линиями. Одна из линий составлена «запятами» (рис. 4, 3). Сюда же относится фрагмент донной чаши с двумя поясами раскрученных спиралей (рис. 2, 6). Нельзя не отметить и отдельно расположенные завитки спиралей, нанесенные на борта низких чаш (рис. 9). По бортику снаружи узор в виде ломаных линий.

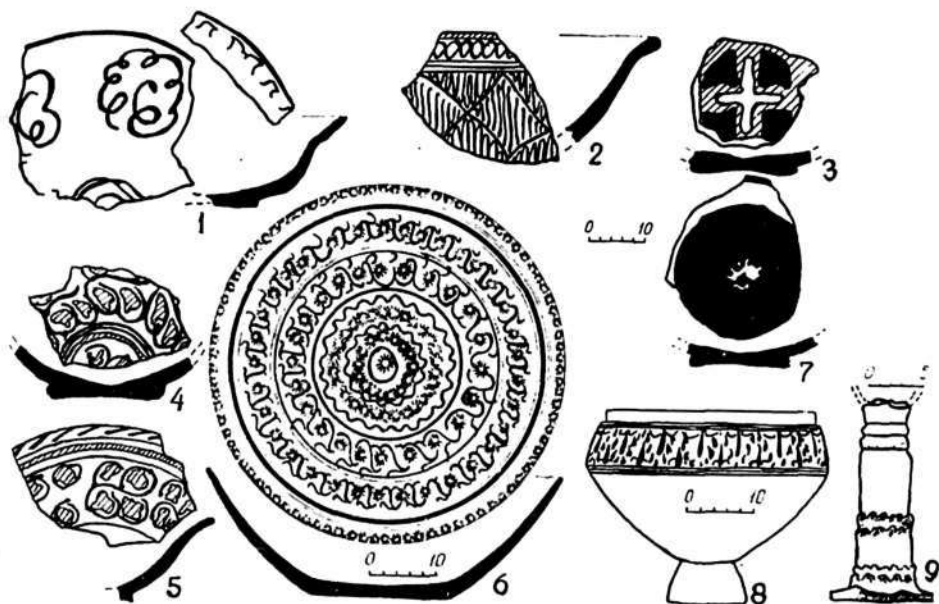

Рис. 9. Керамика верхнего строительного горизонта: 1, 2, 3, 4, 5, 7 — чаши; 6 — тагора, 8 — вазообразный сосуд; 9 — светильник

К числу геометрических узоров на керамике относятся кресты, двойные линии и вилы, нанесенные красками в центре открытых чаш. Это тамги (рис. 2, 5). Геометрический орнамент использован при росписи чаш на кольцевом поддоне. Узор на них выполнен цветными поясами колец, размещенных на борту изделия. Фон изделий беловато-сероватый, зеленоватые кольца чередуются с желтыми и коричневыми. Дно свободно от узора.

Наряду с геометрическим орнаментом, значительную роль в отделке поливной посуды художники отводили мотивам растительно-

стилизованного характера. Росписи растительного содержания выполнены двумя приемами: условным и реалистическим. К первому типу относятся росписи в виде звездочек, нанесенные на поверхности чаш первой и второй групп (рис. 5, 1, 3). Как правило, они украшали изделие по краю сосуда, располагаясь пояском в виде пальметок цветка, заключенных в кольцевую композицию. Донная часть изделия сплошь усеяна звездочками-цветками бирюзового и коричневого цвета и заключена в округлый медальон. В подъемном материале

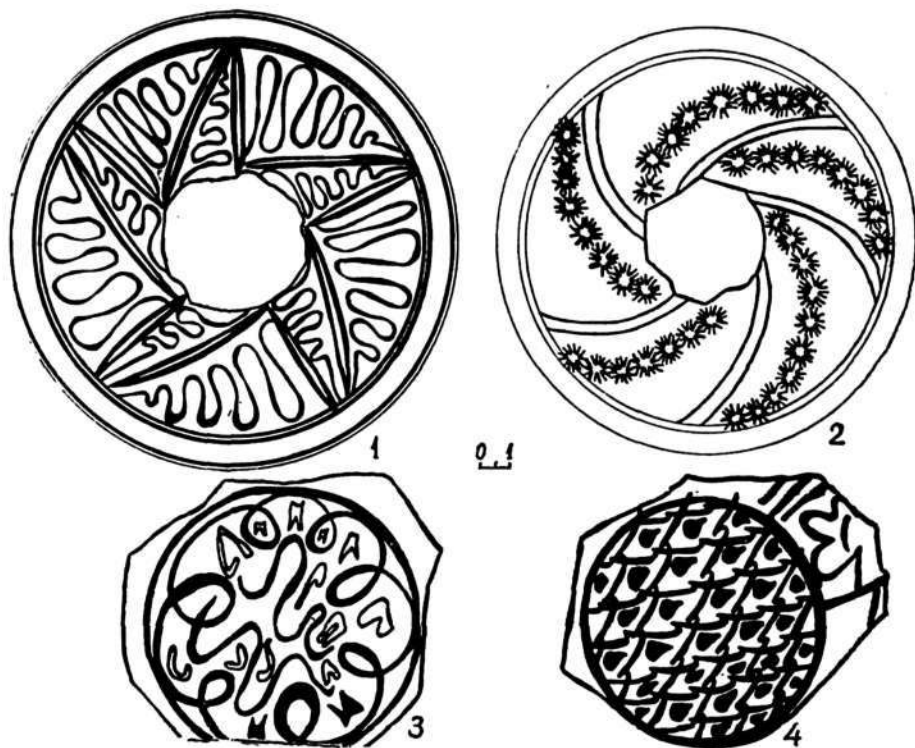

Рис. 10: 1, 2 — чаши, 3, 4 — дно тагоры

встречаются донца с мелкими овальными медальонами вроде букетов, с тремя рядами гирлянд звезд, оконтуренных бирюзовой краской. В бортовой композиции ряда чаш также использовался стилизованный растительный орнамент. Иногда борта чаш сплошь заполнялись голубыми звездочками (рис. 5, 1). По краю шел пояс из округлых медальонов со звездочками. Пространство между медальонами рас-

цветчено сероватыми зигзагами, как бы воспроизводящими мраморную фактуру изделия. Иногда звезды располагались цепочками, оконтуренными бирюзовой канвой в виде листы (рис. 5, 1), иногда в виде вихревой розетки (рис. 10, 2). Реже звездами украшалась внешняя поверхность (рис. 6, 2).

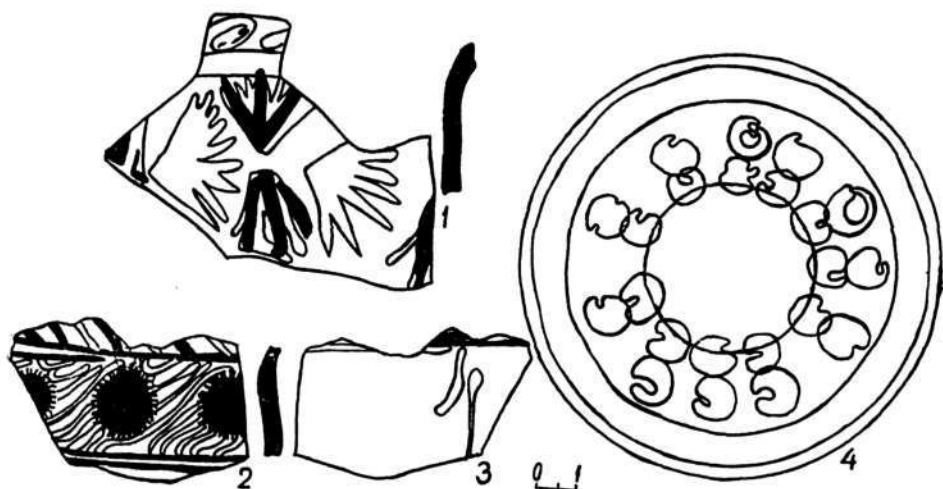

Рис. 11. Керамика верхнего строительного горизонта: 1, 4 — чаши, 2, 3 — горшкообразные сосуды

Ко второму типу росписей — реалистическому — относятся сюжеты плодов и листы. «Виноградными гроздьями» украшали как стенки сосудов, так и донную часть (рис. 5, 4; 9, 4, 5). «Грозди» бирюзового и зеленоватого тонов оконтуривались коричневой каймой. Мотивами листы художники-керамисты покрывали внутреннюю поверхность чаши — бортики до дна (рис. 11, 1). Вся внутренняя поверхность чаши фиолетово-коричневатого цвета широкими лопастями листьев делилась на пять овалов (рис. 7, 3), внутри которых размещались листья поменьше.

К этой же категории относится блюдо с восьмилепестковой розеткой и четырьмя полуovalами на донной части. Узор заключен в кольцо. Бортовая композиция из углов и разбросанных листиков. Основной фон изделия бирюзового цвета. Узор коричневый. Края блюда снаружи украшены ovalами (рис. 8, 1).

Тагоры имели трапециевидную форму, плоское дно, стенки постепенно расширяясь в верхней части, заканчивались отогнутым

наружу венчиком, оформленным палочковидной площадкой, иногда с желобком у края. Диаметр венчика 45—50 см, диаметр дна 20—22 см, высота сосуда от 13 до 18 см.

На внутренние их плоскости марганцем коричнево-черноватых и бирюзоватых тонов нанесен орнамент. Мотивы орнаментальных

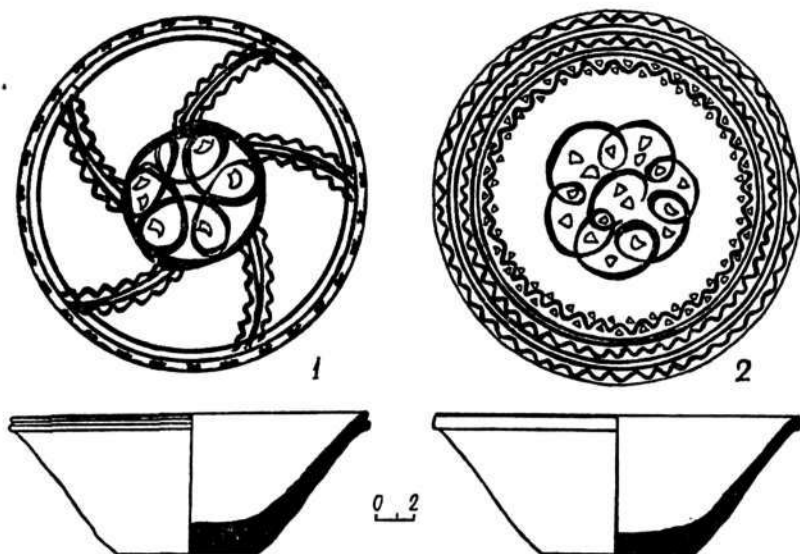

Рис. 12. Тагоры

композиций те же, что и на чашах: пояса звездочек на бортах и донной части, «раскрученные» спирали на дне, волнистые линии по краю, вихревые розетки изломанных линий на бортах (рис. 10, 3; 12, 1, 2). Донная часть одного изделия украшена ромбической сеткой с пятнами в ячейках. На бортах стилизованные цветы (рис. 10, 4). Орнамент из звездочек обычно располагается поясами на внутренней поверхности. Для этого поверхность разбивалась на две плоскости горизонтальными линиями (рис. 13, 1, 2). В промежутках между линиями размещался поясик звездочек, объединенных волнистой линией с хвостиками (рис. 9, 6). Донная часть украшена сплошным двойным кольцом звездочек, концентрирующихся вокруг одной. Промежутки между кольцами заполнены ломаными линиями. Сплошным кольцом звездочек завершен и край тагоры. Есть тагоры, внутренние поверхности которых орнаментированы желто-зелено-коричневыми мазками, спиралями и пятнами с размытым контуром

(рис. 4, 8). Систему расположения и четкость узора проследить не представляется возможным. Значительно меньше сосудов с однотонной поливой, голубого, зеленоватого, желтого цветов. Роспись под окрашенными поливами отсутствует.

Особо следует остановиться на характеристике изделий, покрытых по черепку желтовато-коричневой глазурью, придающей фону оттенок дерева. На донце одной чаши размещался крест, промежутки

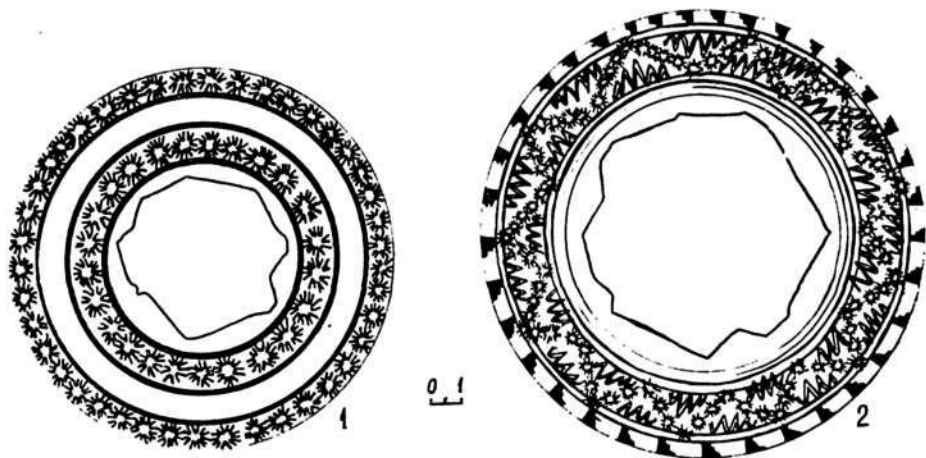

Рис. 13. Тагоры

между лопастями заполнены черными пятнами (рис. 9, 3). В центре другой «звезда». Одна чаша имела на бортах кольцевой узор из желтых звездочек, сгруппированных по две — четыре штуки на внутреннем пояске, и шесть на внешнем зеленом у края. Основной орнамент другой чаши также располагался на бортах, расчлененных горизонтальными линиями на две плоскости. Нижняя плоскость у донной части украшена пояском спаренных кружочков неправильной формы, отделенных от верхней части зеленоватой каймой (рис. 11, 4).

Горшкообразные сосуды представлены фрагментами от изделий с округлым корпусом и плоским дном. Широкая, низкая горловина заканчивается отогнутым наружу краем. Как правило, на горловине этих сосудов размещается по две-три петлеобразных ручки. Обе поверхности сосуда покрывались поливой. Внутри полива беловато-голубоватого цвета, иногда светло-бирюзовая, желтоватая. По закраине внутри S-образная кайма коричневого цвета или густая кольцевая полоса. Внешняя поверхность богато украшалась росписью бирюзо-

вого, желтоватого, коричневого оттенков. Широкий пояс располагался по горловине и состоял из крупных медальонов, типа солярного узора. Внутри орнамент усилен тонкими ломаными линиями. По краю размещен поясик косых линий, выполненных кобальтом (рис. 11, 2).

Интересны по орнаменту горшкообразные сосуды светлого фона, с простым узором в виде пояса веточек, размещенных на плечиках сосуда. Нижнюю часть корпуса украшали завитки раскрученной спирали с подцветкой бирюзовых пятен. По краю венчика шли косые насечки, снаружи и внутри завитки. У других сосудов основным узором на плечиках являлся пояс из овальных медальонов. Центральная фигура медальонов — стилизованная четырехлепестковая розетка, заключенная в бирюзового цвета овал, оконтуренный черным ободком с зубчатыми краями. Пространство между медальонами заполнено трехлепестковыми розетками. Нижняя часть корпуса сосуда сплошь орнаментирована плодами винограда.

Вазообразные сосуды представлены двумя разновидностями форм, с глубоко традиционными чертами, присущими посуде Семиречья сако-усуньского и тюркско-карлукского периодов.

Сосуды с прямой низкой шейкой, широкими плечиками. Донце оформлено высоким коническим полым поддоном. От края на плечики сосуда отходят четыре плоских ручки. Сосуд, хотя и приближается к горшкообразной форме, но открытое устье, конический поддон приближают его к форме вазообразных. Диаметр верха 19, дна 9,5 см, высота сосуда с поддоном 19 см. Внутри изделие покрыто желтоватой поливой с густыми подтеками зеленовато-коричневатых разводов. Внешняя поверхность до нижней части корпуса покрыта зеленоватой поливой с подтеками коричневато-желтоватых оттенков.

Сосуды с отогнутым наружу краем венчика без шейки с более короткими и острыми ребрами плечиков. Наблюдается отличие и в поддоне: он выше. Диаметр венчика 36, дна 10 см, высота сосудов 20—22 см. Они покрыты белой, чуть подкрашенной в голубоватый цвет, поливой. Плечики украшены волнистыми поясами и линейными полосами, нанесенными бирюзового цвета краской, или поясами из треугольников, образованных каплевидными пятнами и выполненными, как и ломаная линия по краю сосуда, кобальтом (рис. 9, 8).

Исключение составляют два сосуда. У одного узор располагался на донной части и состоял из трех массивных полуovalов. Основной рисунок нанесен марганцем и оконтурен полосами бирюзового и голубого цветов. Тот же узор помещен и на внешней поверхности сосуда. У другого орнамент на внешней поверхности состоял из спаренных коричневато-желтых листиков с ветвистыми ободками и был аналогичен узору на вышеописанных чашах.

Светильник представлен одним образцом. Форма его близка к массивному сплошному цилиндрическому стержню с чуть расширенным основанием. Высота 14,5, диаметр верха 5, диаметр основания — 8,5 см. Часть основания и верха утрачены. Непосредственно под остатком вазообразного резервуара проходит три ряда рельефных прямоугольников. У места перехода к основанию также рельефный валик, выполненный защипами пальцев. Ствол светильника облицован поливой коричневатого-горчичного цвета (рис. 9, 9).

Рассмотренная керамика (неполивная и поливная) имеет широкие аналоги в материалах городищ среднего течения Сырдарьи (Отрар⁴, Сыгнак, Сауран⁵), северных склонов Каратау (Сузак, Куль-Тобе, Ран⁶), Таласской долины (Тараз⁷, Сайрам⁸) и на городищах Хорезмского оазиса⁹, в слоях, датированных XVII—XVIII вв.

Итак, гончарные изделия XVII—XVIII вв. весьма разнообразны по видам. К их числу относятся глубокие ямы, хумы, чаши трех форм (высокие, низкие и с коническими стенками), блюда, тагоры, горшкособразные и вазообразные сосуды, светильники на высоких основаниях. Вся посуда гончарной выделки. Среди неполивных изделий чаще встречаются неорнаментированные. Исключение составляют чаши, борта которых расписаны ангобными красками: красноватой, фисташкового и палевого цветов. Роспись ангобом — глубоко традиционная черта керамики X—XII в. района Сырдарьи и Таласа. По составу глазурей поливная керамика распадается на две группы: одна с бесцветной поливой, другая с окрашенной в зеленовато-бирюзовый, голубоватый и желто-коричневый тона. Различия в узорах, нанесенных на типы изделий, не наблюдается. Росписи выполнялись коричневой, черной, фиолетовой краской, марганцем. Заметно стремление к концентрическому расположению орнамента на поверхности сосудов. Основные мотивы росписей геометрические. Это углы, ром-

⁴ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата, 1972, с. 121, р. 81; Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Раскопки в северо-восточной части Отрара. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 157.

⁵ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана. — В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 41—42, т. X.

⁶ Ерзакович Л. Б. Поливная керамика городища Сузак XIII—XVIII вв. — «Вестник АН КазССР», 1960, № 5, с. 31; Жолдасбаев С. Материальная культура казахов XV—XVIII вв. (по археологическим данным). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Алма-Ата, 1975.

⁷ Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972, с. 34, 35, табл. II, X.

⁸ Случайные сборы и изделия современных ремесленников Сайрама в фондах Чимкентского музея.

⁹ Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.), с. 239, рис. 43.

бы, пятиугольные звезды, треугольники, кольцевые линии, заштрихованные полосы, волнистые линии, «раскрученные» спирали, пояски из «звездочек» и точек, солярные знаки, завитки. Наряду с этим встречены и сосуды с растительными композициями узора в виде плодов винограда и листы граната, выполненных в живописной манере. Особый интерес представляют росписи тамг, помещенные в центре дна чаш. Они представлены фигурами в виде креста (тамга киреев), двух параллельных полос (тамга кипчаков), знаком в виде вил (тамга найман) и свидетельствуют о значительном влиянии, которое оказали представители этих казахских родов на развитие гончарного ремесла в XVI—XVIII вв. Большинство изделий покрыто однотонной поливой сочных тонов: зеленой, желтой, коричневой, бирюзовой.

Керамика Туркестана XVII—XVIII вв. по художественной отделке и качеству уступает керамике предшествующего времени: утрачивается изящество свободной живописной композиции, краски поливы часто обесцвечиваются, полива отслаивается от черепка.

Богатая коллекция керамики Туркестана дополнила имеющиеся представления о художественных традициях и разнообразных живописных манерах исполнительства, присущих гончарам-ремесленникам сырдарьинских городов XVII—XVIII вв. Восприняв сюжеты растительного орнамента, свойственные среднеазиатскому искусству, творчески перерабатывая их, туркестанские мастера украшали ими изделия кочевнической утвари. Разнообразие форм посуды и богатство орнаментальных композиций свидетельствовало не только о широком спросе керамики на рынке, но вместе с тем и о развитии товарно-денежных отношений, так как ремесленники продавали свои изделия как приезжавшим в Туркестан среднеазиатским купцам (Бухара, Самарканд, Ташкент, Коканд), так и кочевому населению близлежащих степей Казахстана, привозившему на продажу шерсть, сало, ковры.

Туркестан стал одним из крупнейших феодальных торгово-ремесленных городов на юге Казахстана. А с ростом феодальных городов «художественные ремесла приобретали народнохозяйственное значение, став одним из показателей роста производительных сил феодализма всего Среднего Востока, Балканских стран и стран Восточной Европы»¹⁰.

¹⁰ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. М., 1965, с. 208.

ЕЩЕ ОДИН КУРГАН ИССЫКСКОГО МОГИЛЬНИКА

А. Г. МАКСИМОВА

В 1976 г. на северной окраине г. Иссыка, к северо-западу от кургана, давшего интереснейшее захоронение человека в «золотой одежде»¹, был вскрыт курган диаметром 58, высотой 4,5 м. Он, как и другие, имел на вершине воронку диаметром 14, глубиной 2 м. Насыпали курган в два приема. Диаметр первоначально возведенной насыпи был около 40 м. Это очень хорошо прослеживается по разрезу (рис. 1).

На перекрытие могильной ямы, которое было, видимо, из бревен тьяншаньской ели, насыпали камень, затем землю, поверх нее — мелкий окатанный камень, потом снова землю и сверху камень. Камень, скорее всего, брали из русла протекающей недалеко р. Иссык.

При снятии насыпи на глубине 4,2 м от самой высокой точки (в 28 м от основания кургана с севера и в 23 м — с запада) прослежен зольный слой диаметром более 4 м, толщиной около 5 см — остатки поминальной тризны. Здесь же найден зуб лошади.

¹ Акишев К. А. Курган «Иссык» (предварительные итоги раскопок). — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 61—77.

Под зольным слоем оконтурилась прямоугольная могильная яма, ориентированная по длинной оси с СВ на ЮЗ. Стенки ее обложены камнем (размеры ямы: по верху — длина 7, ширина 3,4 м; по дну — длина 5,1, ширина 2,3 м; глубина 1,8 м). На дне погребальной камеры зафиксированы остатки перегнившего дерева от перекрытия, темно-коричневый тлен, видимо, от подстилки и отдельные угольки.

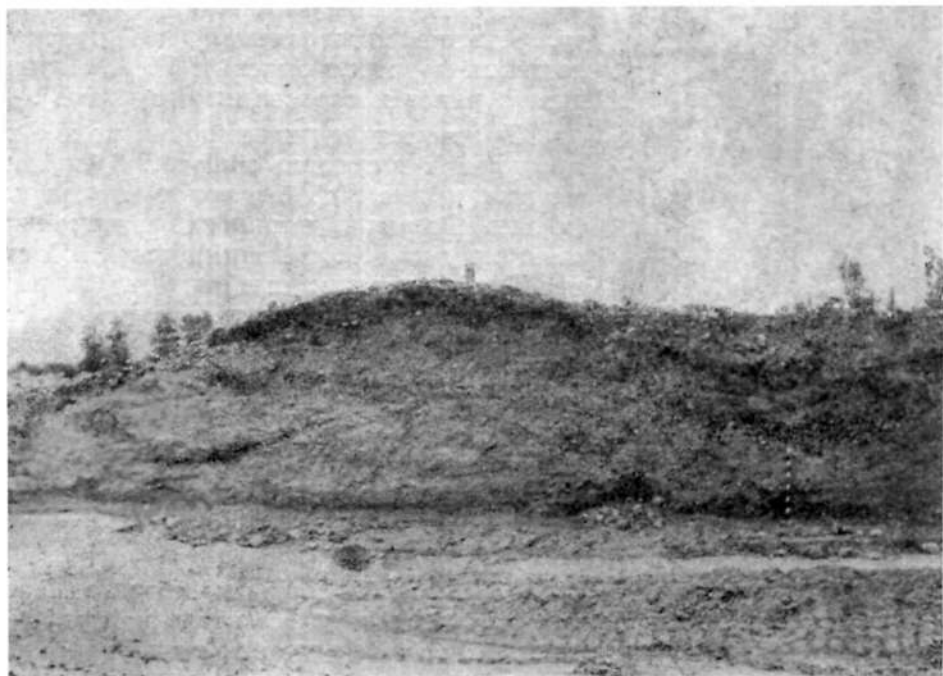

Рис. 1. Разрез курганной насыпи

При расчистке дна могильной ямы обнаружены прямоугольные, квадратные и круглые бляшки из золотой фольги с отверстиями для нашивания на одежду (рис. 2, 1—3), пронизка, фрагменты каких-то железных предметов и обломки глиняных сосудов. В южном углу ее также был найден фрагмент серьги из золотой проволоки с подвеской из (?) алмадина (рис. 2, 4). В восточном углу лежали два глиняных сосуда, а рядом стояла бронзовая курильница с угольками, золой и обгорелыми щепочками (рис. 3).

Глиняные сосуды имеют форму кувшинов с удлиненным туловом, хорошо выраженной горловиной, со слегка отогнутым наружу

венчиком и плоским подрезанным дном, скошенным на одну сторону (рис. 4, 1, 2). Сделаны они из хорошо отмученного теста на ручном гончарном круге медленного вращения. Черепок плотный. Внешняя поверхность кувшинов покрыта светло-серым ангобом со следами лощения. Размеры одного кувшина: диаметр венчика 8,3, дна 7,1, высота 22,5 см; другого — соответственно 8,7; 6,1; 19,5 см. Вероятно, в них умершему наливали какой-то напиток.

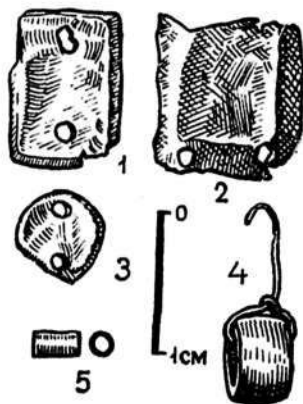

Рис. 2. Предметы украшений: 1—3 — бляшки-нашивки, 4 — подвеска от серьги, 5 — пронизка (золото)

Идентичные кувшины (по форме, тесту, технике изготовления), но красного лощения подробно описаны К. А. Акишевым в ранее исследованном кургане².

Бронзовая курильница на полый конусовидной подставке высотой 6 см, диаметром у дна 10,5 см, почти квадратной формы. Размеры чаши: по внутренним стенкам у дна 11×12 см, высота 3,6 см; край чаши курильницы плоский, ширина 1 см и выступает наружу. К одной из сторон (в середине) приварена бронзовая втулка длиной 10 см с небольшим отверстием для гвоздя. Во втулку вставлялась деревянная ручка для удобства в употреблении, чтобы не обжигать руки. Древко во втулке закреплялось гвоздем (рис. 5). По всей вероятности, курильницу ставили захороненному зажженной.

Такого же назначения были бронзовые сосуды из второго Пазырыкского кургана. Один из них в форме скифского котла на поддоне, с двумя горизонтальными ручками по бокам тулова, обернутыми берестой; другой — квадратный на четырех ножках, с приваренной к одной из сторон ручкой. Оба сосуда наполнены побывавшими в огне камнями, среди которых обнаружены обуглившиеся семена конопли³. Над ними были расставлены шестиноги (шесть древков, связанных верху между собою), покрытые войлочным и кожаным покрывалами⁴. С. И. Руденко считает, что эти курильницы предназначались не только для совершения очистительных обрядов, как писал Геродот, но ими пользовались и в обыденной жизни для курения коноп-

² Акишев К. А. Курган «Иссык», с. 69, 70.

³ Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952, с. 245, рис. 145; он же. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, с. 99, рис. 51; с. 100, рис. 52, б.

⁴ Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы, с. 243.

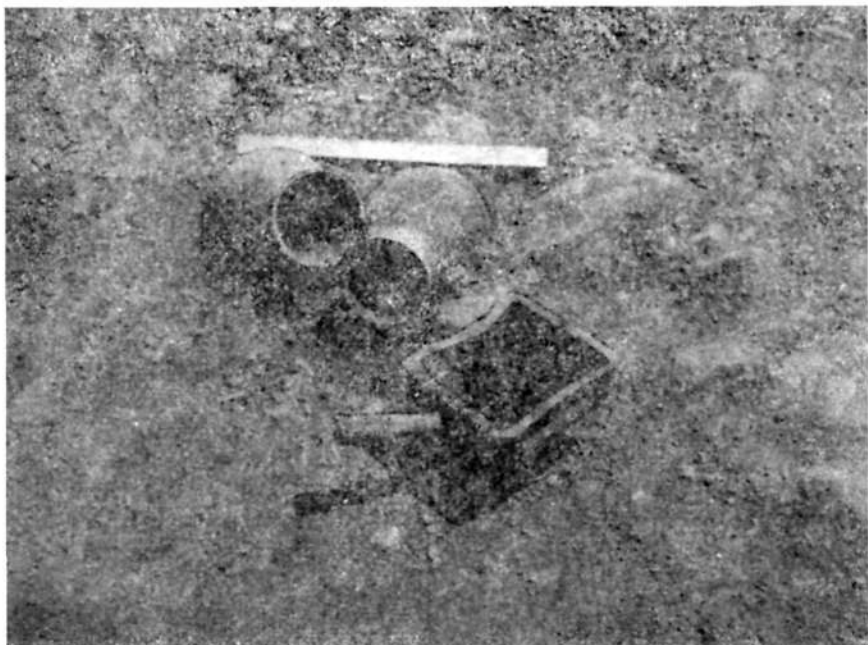

Рис. 3. Глиняные сосуды и бронзовая курильница in situ

ли⁵. По всей вероятности, эти сосуды применялись при совершении различных культовых обрядов.

Геродот подробно описал обряд очищения у скифов: «Окончив погребение, скифы очищают себя таким образом: головы они смазывают, а потом омывают себе волосы; с телом поступают так: после того как они поставят три древка, наклоненные один к другому, они покрывают их шерстяным войлоком и, создав круговую защиту как можно лучше, бросают раскаленные на огне камни в посуду, поставленную внутри этого шатра... И вот после этого скифы, взяв семена конопли, подлезают под войлок и раскидывают затем семена поверх раскаленных на огне камней; брошенное курится и получается такой пар (дым), что никакая уж эллинская парильня не превзойдет этого. Скифы, восхищенные подобной парильней, громко ликуют. Это им служит вместо омовения...»⁶.

У нас есть все основания предполагать, что находка курильницы, судя по аналогии со вторым Пазырыкским курганом и сведениям Геродота, раскрывает еще одну из сторон быта у саков Семиречья.

⁵ Там же, с. 244.

⁶ Геродот. История в девяти книгах. Кн. IV, 73—75. Перевод Мищенко.

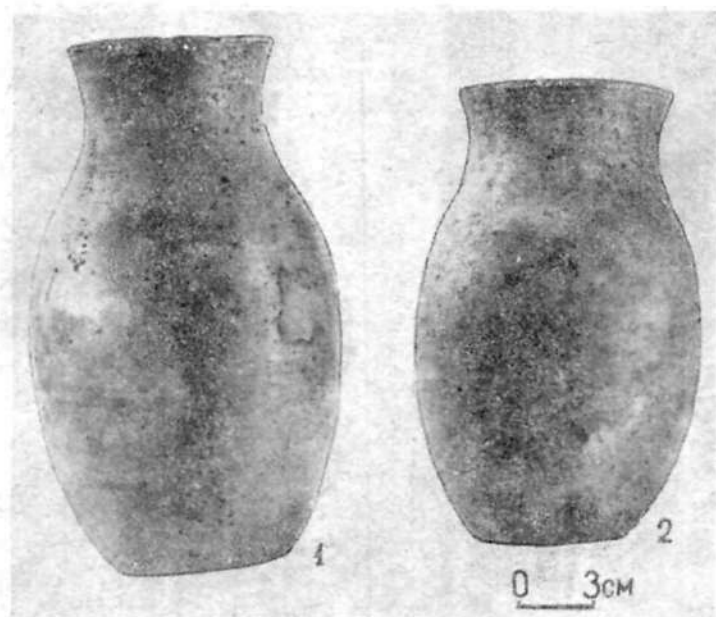

Рис. 4. Глиняные сосуды

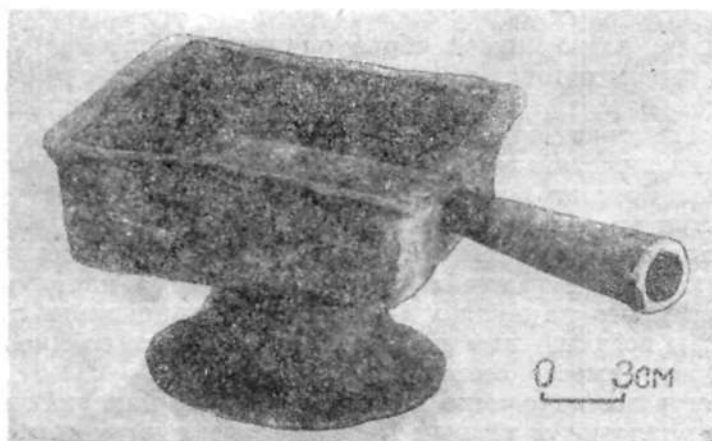

Рис. 5. Бронзовая курильница

Можно высказать гипотезу, что курильницы, употреблявшиеся при совершении различных обрядов, сопровождали в потусторонний мир только тех, которые непосредственно были связаны с ними, поскольку, по верованиям древнего человека, погребенные продолжали жить в загробном мире так же, как и на земле.

С юго-западной стороны к могильной яме от основания кургана шел грабительский ход длиной 15, высотой 1,2, шириной 1 м. В 7 м от юго-западной стенки могильной ямы, на дне хода найдено скопление угля. Не вызывает сомнения, что ограбление кургана было совершено в древности, и именно через этот ход.

Полученный при исследовании кургана материал (глиняная посуда, золотые бляшки-нашивки, золотая пронизка) имеют очень близкие аналогии в кургане «Иссык», относящемся к V в. до н. э.⁷ Этой же датировке не противоречит и находка бронзовой курильницы, имеющей большое сходство с курильницей из второго Пазырыкского кургана, датированного также этим временем⁸. Курильница из кургана Иссыкского могильника является пока единственной находкой подобного рода на территории Казахстана для сакского времени.

⁷ Акишев К. А. Курганы «Иссык»..., с. 77.

⁸ Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая..., с. 360.

О НЕПОЛИВНЫХ КРЫШКАХ ИЗ ОТРАРА

Н. И. СИНЕНЬКАЯ

В коллекции керамического материала из средневекового Отрара значительное место занимают неполивные орнаментированные крышки. Много крышек обнаружено при раскопках городища в 1969—1970 гг. В общем обзоре керамики в работе, посвященной раскопкам этих лет, исследователи выделяли различные по форме крышки, имевшие распространение в различное время, определили их назначение в быту, рассмотрели некоторые приемы оформления и отдельные элементы декора¹. Наиболее интересные по декору крышки относятся к X—началу XIII вв. Среди многочисленных фрагментов выделяются отдельные группы, в которых даже при чисто визуальном изучении заметны явные различия в принципе формообразования, декоративного оформления поверхности, а также техники исполнения декора. Учитывая то обстоятельство, что художественная керамика, будучи неразрывно связана с повседневным бытом народа,

¹ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с. 68, 67.

Рис. 1. Орнаментированные неполивные крышки

в достаточной степени свидетельствует об особенностях художественных традиций различных школ (при широкой степени обобщения материала), различных мастерских и даже отдельных творческих индивидуальностей, мы решили проследить некоторые особенности наиболее характерных групп крышек, к которым в конечном счете

примыкают многие из тех, что остались за пределами нашего анализа. Разбор этого однотипного археологического материала представляется нужным в плане уточнения вопросов развития гончарного ремесла и художественного своеобразия отарской керамики².

К первой группе относятся небольшие по размерам конические крышечки диаметром от 10 до 20 см, невысокие, различной степени обжига, черепок в изломе серого и красного цвета, в основном terra-cottas, в одном случае — покрытые светлым ангобом³ (рис. 1, I). Отличительной особенностью их являются центрические ручки, имеющие форму усеченного конусовидного шпенька с двумя рожекми или четырьмя, пятью, восемью наклепками в верхней части. Объединяет эту группу крышечек общность композиционного решения и техника исполнения декора. Здесь преобладают простые, схематические композиции, развивающие один-два орнаментальных мотива. На одной из крышек с раздвоенной рогообразной ручкой по поверхности, покрытой светлым ангобом, бессистемно расположены кружочки с зубчатым краем. В других случаях орнамент образован расходящимися от центра двумя лепестками и двумя веточками (или четырьмя лепестками и четырьмя веточками)⁴ либо радиально расположенными линиями. В целом линейное построение крышек этой группы примитивно и схематично. Только на одном фрагменте конической крышки по краю намечается кайма, представляющая собой сочетание врезных треугольников вершинами друг к другу, и ряда резных линий по нижнему краю. Рисунок во всех случаях нанесен острым предметом по слегка затвердевшей глине, в двух случаях сделан с помощью простейшего штампа и резьбы.

Грубая ручная лепка, неумелый, а иногда и механически нанесенный рисунок, полная асимметрия линий, примитивное понимание композиции и ограниченность технических приемов оформления — свидетельство того, что гончары, исполнявшие эти крышки, не обла-

² Была изучена коллекция крышек из музея археологии, опубликованная в книге К. А. Акишева, К. М. Байпакова, Л. Б. Ермакова «Древний Отар»: рис. 48 (11, 13), 49 (4, 5), 50, 51, 57, 59 (14). В процессе работы привлекались материалы

Джамбулского областного краеведческого музея — инв. $\frac{\text{КП}-3632}{\text{Б}-457}$, инв. $\frac{\text{КП}-3702}{\text{Б}-685}$, а также ранее опубликованные материалы. См.: Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. — «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 5. Алма-Ата, 1958, рис. 95, 96, 100, 105.

³ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ермаков Л. Б. Древний Отар, рис. 50 (5, 8), 57 (4, 6—9); Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений..., рис. 95.

⁴ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений..., рис. 95.

дали высоким профессиональным мастерством и развитым эстетическим вкусом⁵.

Ко второй группе относятся полусферические крышки; все они покрыты ангобом с зеленовато-желтым оттенком. Они завершались невысокой грибообразной ручкой, оформленной косыми прочерченными линиями, валиками или коническими наклепными шишечками с рифленой поверхностью, стилизованными наклепами в виде рогов архара⁶ (рис. 1, II).

Чтобы выяснить один из характерных приемов декоративного решения крышек, остановимся на двух образцах, в которых он прослеживается наиболее ярко. Поверхность крышки поделена прочерченными линиями на концентрические пояски, внутри которых орнаментальный ряд складывается из сочетаний ясно читаемых линий-полосок с зубчатыми краями (см. рис. 1, II). У основания ручки легкой гравировкой едва намечены косые линии, как бы охватывающие ее и дающие начало движению композиции. В следующем ряду расширяющиеся книзу полосы нанесены таким образом, что способствуют нарастанию вихреобразного движения, которое прерывается в среднем пояске, где расположенные под углом друг к другу полосы с зубчатыми краями с перемежающимися меж ними звездочками-цветочками образуют звездчатую розетку. Прерванное движение получает продолжение в нижнем пояске, где располагаются те же самые фигуры, но уже параллельно друг к другу и под определенным наклоном, пластично охватывая поверхность крышки. Завершением общей композиции является четко обозначенное окаймление нижней части крышки рядом наклепных конических шишечек и плавный волнистый край. В конечном счете композиция складывается из отдельных орнаментальных поясков, в каждом из которых узор размещается таким образом, что напоминает вихревую розетку. Декор естественно «вписывается» в поверхность крышки, сливается с ней и

⁵ Аналогичные крышки (фрагменты) встречены в нижних строительных горизонтах Отрара, датируемых VII—VIII вв. Крышки с ручками в виде двух рожков, четырех и более наклепов имеют аналогии в материалах Семиречья и Средней Азии. Некоторые из них имеют идентичную оттарским композиционную схему и технику прочерченного рисунка. Авторы, опубликовавшие эти крышки, датируют их разным временем, но не позже X в. См.: *Бернштам А. Н.* Чуйская долина. — МИА, т. 14. М., 1950, табл. VIII, IX; *Азеева Е. И., Пацевич Г. И.* Из истории оседлых поселений, рис. 95; *Кожемяко П. М.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959, табл. 1; *Бубнова М. Л.* Средневековое поселение Ак-Тобе у с. Орловки. — В кн.: *Археологические памятники Таласской долины.* Фрунзе, 1963, с. 139, рис. 9 (67, 68, 71, 114, 115, 117—121, 123); *Байпаков К. М.* Керамика средневекового Кулана. — В кн.: *Поиски и раскопки в Казахстане.* Алма-Ата, 1972, рис. 3 (5, 7).

⁶ *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Древний Отрар, рис. 42 (12, 13, 14), 43 (15, 16, 17).

одновременно подчеркивает ее форму. Необходимо заметить, что в размещении элементов орнамента нет строгой симметрии, однако композиция уравновешена, что красноречиво говорит о чуткости мастера к форме предмета, к материалу.

Тот же принцип построения декоративной композиции по вихревому движению прослеживается на одной из интереснейших по художественному решению крышек с ручкой в виде рогов архара из коллекции музея археологии. Четко найденное соотношение размеров крышечки с ручкой, умелое общее пластическое решение, соразмеренный ритм орнаментальных поясков, а внутри них западающих и выпуклых частей сообщают живость и законченность художественному образу.

Сделанные с большим или меньшим художественным мастерством другие крышки с желтовато-зеленым оттенком ангоба в основном повторяют разобранную композиционную схему, в каждом новом изделии построенную на сочетании различных геометрических элементов орнамента в круговых поясах. В некоторых экземплярах круговая композиция представлена в более упрощенном варианте: либо это расходящаяся от центра звездчатая розетка, либо композиция, составленная из радиально растекающихся от центра крышки к основанию орнаментальных групп.

Для всех крышек этой группы характерно применение одних и тех же приемов технического исполнения декора. Орнаментальные мотивы наносятся на поверхность крышек гравировкой, с помощью неглубоких рельефных штампов с одинаковой толщиной западающих и выпуклых частей (удлиненные прямоугольные фигуры и лунницы с зубчатыми краями, вихревые розетки), с помощью выпуклого штампа (звездочки-цветочки) и штампа с вогнутой рабочей поверхностью (рифленные конические шпешечки). Более того, в нескольких крышках прослежено применение одних и тех же штампов⁷. Единство перечисленных стилистических и технических приемов выделяет эту группу крышек в характерную для группы мастеров, имеющих одинаковый творческий почерк.

Штампы широко бытуют в это время в украшении керамики во всех крупных ремесленных центрах Средней Азии. Однако относительно штампов, применяемых на крышках разбираемой группы, отметим следующее. Вытянутые прямоугольные зубчатые полоски можно проследить на серебряных поясах кочевников (в том же раз-

⁷ Отметим, что на крышках, воспроизведенных на рис. 51 (1, 4), 61 (2), прослежен равнозначный оттиск с одного штампа (размер его 4,4 см, с двух сторон он имел по 16 зубчиков); на рис. 51 (4, 9), 61(2) — с вогнутого штампа с 12 лучиками, а на рис. 51 (2,7) — 13 лучиками одинаковой высоты (Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар).

мере и в той же конфигурации, сделанные также штампом). Рифленные конические пищечки повторяют очертания серебряных заклепок, украшающих конское снаряжение номадов. Кроме того, не лишним будет сказать, что в керамике, встреченной на поселениях и в могильниках Южной Сибири и Северной Монголии, относящихся к VI—VIII вв., широко бытует штампованный орнамент, который сплошными поясами охватывает верхнюю часть тулова, плечики и венчики сосудов. Близкий прием прослеживается и на одном из богато орнаментированных сосудов из Отрара, в котором узор, составленный из «зубчатых» лунниц, солярных знаков, в соединении с растительным мотивом, широко бытующим в тюркской орнаментике, опоясывает верхнюю часть тулова. Возможно, все перечисленные моменты имеют очень тесную связь, и применение такого приема на крышках связано с традицией в керамике определенной группы кочевых племен.

К третьей группе относятся большие по размерам сегментовидные крышки (диаметры 20—45 см), обнаруженные как в Отраре, так и при раскопках Куйрук-топе, Алтын-топе⁸. Они сделаны из теста хорошего качества, со следами подправки на круге, черепок в изломе темно-красного цвета, сверху крышки покрыты светлым ангобом, встречаются и терракотовые. В пяти фрагментах прослеживается покрытие светлым и красным ангобом одновременно. Главное внимание гончары уделяли насыщенности композиции различными орнаментальными мотивами растительного, геометрического характера⁹. Будучи сделанными различными мастерами, крышки представляют собой многообразные композиции, составленные из орнаментальных круговых поясов, из радиально расходящихся от центра к краям крышки, а также из орнаментальных групп, заключающихся в четырех секторах. Правда, ряд крышек с идентичным композиционным решением и сочетанием одних и тех же элементов декора, варьированных в каждой новой крышке по-разному, может свидетельствовать о принадлежности некоторых из них к одной мастерской. В распределении элементов орнамента большую роль играет четкое его нанесение в заранее размеченные циркульными инструментами сектора или круги, что придает художественному решению строгость и симметричность. Образцами такого рода композиций могут служить фрагменты крышек из Отрара, Алтын-топе. Размещение орнаментальных групп рассчитано не на то, чтобы подчеркнуть форму крышки, а

⁸ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар, рис. 48(11), 50(7), 61(4,5); Джамбулский областной историко-краеведческий музей. Инв. КП—3632(4,15,16,19,25,28) КП—3702(1,2); Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений..., рис. 100, 105.

⁹ В 1974 г. были найдены крышки с изображением птичек.

скорее для выявления самооценности каждой из определенных групп и каждого элемента декора. В некоторых крышках один и тот же декоративный элемент, последовательно повторяясь, сплошным кольцом опоясывает всю поверхность, но в рядом стоящих поясках совсем по-иному распределяется его нагрузка.

Иногда богатство и разнообразие оформления достигалось путем создания из одних и тех же орнаментальных элементов различных фигур (например, из удлинённых листьев создавалась розетка). На некоторых фрагментах удлинённые листья с сетчаткой внутри опоясывают всю поверхность крышки, иногда они перемежаются с поясками солярных знаков и заканчиваются по краю крышки бордюром из Х-образных фигур. Есть варианты крышек, на которых расходящиеся от основания ручки пояски с рифлеными коническими шишечками (гораздо большего размера, чем в предыдущей группе крышек и четко моделированные благодаря качественному штампу) перемежаются с поясками, оттиснутыми с квадратного штампа ромбовидных фигурок. Часто прослеживаемые четко выделенные каймы по низу крышек, образованные различного типа орнаментальными фигурами, так же, как и полосы, секторы, организующие поверхность, дают повторение одних и тех же элементов. Таким образом, при всем многообразии композиционного решения и различных компонентов растительного и геометрического орнамента все эти крышки имеют одну характерную особенность. Будучи предметами чисто функционального назначения, они выступают в качестве самостоятельного произведения искусств, в котором декор не подчеркивает форму предмета, а выявляет самооценность каждого элемента, из которого он состоит. Орнамент представляет более последовательно, чем в ранее разобранных крышках, организованный в одном ключе строй ритмически повторяющихся фигур и разнонаправленных линий.

При большом разнообразии технических приемов декорирования (гравировка, резьба, штампы, налепы) для этой группы крышек наиболее характерны штампы больших размеров, чем в предыдущей группе, и различной конфигурации (в отдельных случаях диаметр штампов до 7 см). Для накатки каймы иногда использовались и цилиндрические штампы. Широко применялись штампы с одинаковой высотой западающих и выпуклых частей, дающие четкие графические рисунки с зубчатыми краями или рельефной сетчаткой внутри (с таких отпечатывались удлинённые листовидные фигуры, «солярные знаки», звездчатые и крестообразные фигуры, в некоторых случаях полулуния), штампы с заovalенным рельефным узором (с таких делались различного рода розетки — четырех-шести- и многолепестковые, а также розетки с фигурами в виде переплетающихся стеблей, квадратные, ромбообразные и некоторые виды Х-образных

Рис. 2. Рисунки с оттисков штампов (крышки II и III группы)

фигур), штампы с вогнутой и цилиндрической рабочей поверхностью (рис. 2).

Таким образом, анализ показывает, что в художественном решении крышек проявляется эволюция в принципах формообразования (от простых, неумело вылепленных крышек к качественно исполнен-

ным, с подправкой на круге, разнообразным по форме и технике исполнения), декоративного убранства (от примитивных схематичных композиций, развивающих два-три мотива, до сложных орнаментальных, построенных на многообразии мотивов геометрического, растительного и орнитоморфного характера) и в технических приемах декорирования (от простейшей техники гравировки по слегка затвердевшей глине к сложным сочетаниям техник, включающих одновременно и резьбу, и гравировку, и различные штампы).

Наиболее простые по художественному оформлению крышки могут бытовать одновременно с богато декорированными как пример определенного уровня способностей мастеров, их изготавливавших. Распространение близких приемов художественного решения в раннее время говорит о том, что этот прием в творчестве народных мастеров удерживается в реликтовой форме.

Умелое органичное сочетание формы предмета и его декора, сравнительное единообразие композиционных приемов и технических средств декорирования, составляющие единство творческого почерка, свидетельствует о том, что крышки второй группы принадлежат одной мастерской, в определенный промежуток времени удерживающей характерную традицию художественного оформления. Крышки третьей группы, представляющие многообразие композиционных приемов и техник декорирования, тесно сосуществуют с крышками второй группы. Они являются примером художественного решения предмета, в котором преобладает орнаментальное начало, что позволяет предположить высокий взлет творческой фантазии мастеров, характеризующих целое направление в художественной керамике. Появление богато орнаментированных крышек свидетельствует о широком развитии декоративной керамики в Отраде, имеющей кроме функционального назначения большую эстетическую ценность.

**ЖИЛИЩА КАЗАХОВ
ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА
XV—XIX ВЕКОВ
ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ**

С. ЖОЛДАСБАЕВ

В результате нескольких лет работ в Южном Казахстане специального отряда ЮККАЭ, занимавшегося вопросами изучения материальной культуры казахов по данным археологии, был получен интересный материал, позволяющий охарактеризовать жилую архитектуру казахского населения этого региона.

Одним из основных видов жилья, но не единственным у казахского населения, являлась юрта. Описания ее неоднократно приводились в многочисленных публикациях как дореволюционными, так и советскими учеными. Особого внимания заслуживают работы в этой области акад. АН КазССР А. Х. Маргулана.

Исследования последних лет, проведенные казахстанскими историками, археологами и этнографами, убедительно свидетельствуют о том, что помимо экстенсивного скотоводства, являющегося, конечно, доминирующим в хозяйстве казахов, им не чужда была и земледельческая культура, берущая свои традиции из предшествующих эпох. В результате систематического изуче-

ния памятников на территории Южного Казахстана в настоящее время накоплен достаточный научный материал, свидетельствующий о бытовании оседлой культуры в районе Сырдарьи и северных склонов Каратау. Раскопки, проведенные автором в различных районах Южного Казахстана, дали достаточный материал для характеристики основных видов жилищ казахов и их строительных приемов. Задача данной статьи не в детальном описании всех обнаруженных жилых ячеек, а в выделении основных типов стационарных жилищ казахского населения Южного Казахстана. До сих пор подобный вопрос ставился только в работах этнографического характера и рассмотрение его базировалось в основном на письменных источниках. Эти дома в зависимости от строительных материалов назывались в литературе по-разному: кепе, жеруй, каратам, тамуй, агаший и т. д. Известно описание постоянных жилищ казахов, относящихся ко второй половине XIX в.¹ Среди них заслуживают внимания публикации Н. Харузина. Изучению оседлых жилищ у казахов в советский период уделялось большое внимание, особенно со времени начала коллективизации². После Великой Отечественной войны начали свои исследования казахстанские этнографы (И. В. Захарова, В. В. Востров, Х. Аргынбаев и др.). Однако все эти работы были написаны на основе только этнографических материалов. Жилища изучались главным образом в тех районах, где казахи жили в близком соседстве с русским населением, т. е. на севере и северо-западе Казахстана. Это послужило, по-видимому, поводом к неточному предположению ряда ученых о том, что переход к оседлому образу жизни начался только с середины XIX в.³

Археологические исследования последних лет говорят о том, что начало процесса оседания казахов на землю следует искать не на севере, а на юге и юго-востоке Казахстана. Зафиксированные поселения в районе Аральского приморья и этнографические исследова-

¹ Леваневский М. Очерки киргизских степей Эмбенского уезда. — «Землеведение», 1896, № 2—3; Шнз В. Зимовки и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской обл. — «Записки Зап.-Сиб. отделен. Русского географического общества», 1894, т. XVII, вып. I; Харузин Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. — «Этнографическое обозрение», 1896, № 2—3.

² Руденко С. И. Очерк быта северо-восточных казахов. — Казахи. Сборник статей антропологического отряда казахской экспедиции АН СССР, вып. 15. Л., 1930, с. 1—73; Глухов А. Н. Зимнее жилище актюбинских и адаевских казахов. — Казахи. Антропологические очерки, вып. 11. Л., 1927, с. 108—134.

³ Захарова И. Материальная культура казахов-колхозников в Юго-Восточном Казахстане. — «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. III, 1956, с. 116; Востров В. В. Из истории развития оседлого жилища у казахов. — «Материалы к историко-географическому атласу Средней Азии и Казахстана». М.—Л., 1961, с. 183.

ния⁴ последних лет еще раз доказывают ошибочность мнения вышеуказанных авторов.

Таким образом, с большой вероятностью можно полагать, что процесс оседания и занятия казахов земледелием начинался (XV—XVI вв.) в Южном Казахстане, находящемся в близком соседстве со Средней Азией, что и обусловило, например, близкое сходство не только формы жилищ, но даже и одинаковость в их названии: жертуле, какра, там, жай⁵.

В свое время среднеазиатский ученый Рузбехан писал, что Сырдарья течет среди узбекских кишлаков. В то время Рузбехан еще не мог отличать узбеков от казахов. Однако он имел в виду казахские зимовки, которые тянутся на расстоянии до трехсот монгольских ташей⁶. Это сообщение подтверждается археологическими работами, которые зафиксировали остатки развалин казахских зимовок-поселений⁷. Проводимые в последние годы археологические работы в Южном и Центральном Казахстане дали материалы, позволяющие судить о характере, структуре постоянных жилищ казахов, относящихся к XV—XVIII вв.

Жилища в исследованных поселениях можно разделить на два типа: заглубленные в землю, т. е. землянки и полуземлянки, и наземные строения. В каждом типе в зависимости от общей планировки и использованных строительных материалов можно выделить несколько видов.

Землянки и полуземлянки (жеркепе, жеруй, жертоле), изученные нами на поселениях Актасмечеть и в окрестностях Саурана, различаются между собой по глубине. Если глубина землянок колеблется от 1,5 до 2 м, то полуземлянок не превышает 60—70 см. Поэтому крыша землянки располагается почти на уровне земли, крыши полуземлянок возвышаются над землей на 1—1,5 м. В обоих случаях несущая балка лежит на двух или трех поставленных вертикально столбах. На эту балку клали более мелкие в диаметре жерди, которые одним концом упирались на края полуземлянок. Крыша таких жи-

⁴ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 273, 308; Жданко Т. А. Быт колхозников рыболовецких артелей на острове Южного Арала. — «Советская этнография», 1978, № 5, с. 30; Шалекенов У. Х. Казахи низовьев Амударьи. Ташкент, 1966, с. 76—84, 90—91, 92.

⁵ Задыкина К. Л. Узбеки дельты Амударьи. — «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции». Т. 1. М., 1952, с. 360.

⁶ Пищулина К. А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII веках. — В кн.: Казахстан в XV—XVIII веках. Алма-Ата, 1969, с. 12—13.

⁷ Жолдасбаев С. Типы оседлых поселений казахов по данным археологических исследований Южного и Центрального Казахстана (XV—XIX вв.). — В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, с. 46—59.

лиц двускатная (итарку). Формы подобных землянок и полуземлянок близки к прямоугольнику.

Другой вид заглубленных жилищ — круглые юртообразные полуземлянки. В плане они напоминают юрты (рис. 1). Крыша такой полуземлянки конусообразной формы, строение заглублено в землю на 50—60 см. Во время раскопок в центре помещений найдены облом-

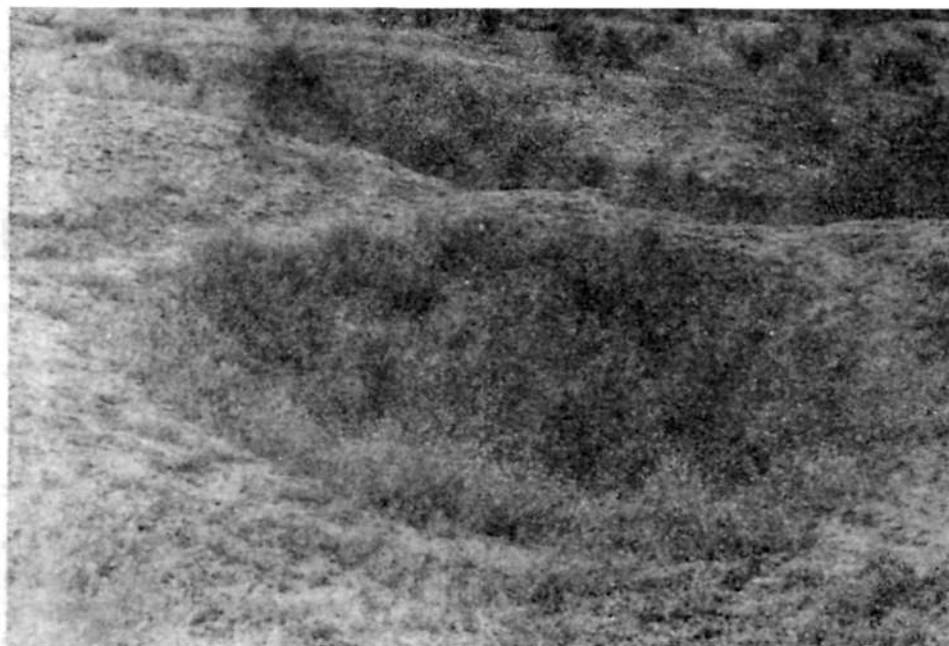

Рис. 1. Остатки юртообразных жилищ на берегу Сырдарьи

ки шынраков. Такие жилища в горных местностях строятся из камня прямо на земле (рис. 2), но их величина не превышает четырехканатную юрту. На среднем течении Сырдарьи такие жилища, относящихся к XV—XVIII вв., встречаются часто. По этнографическим данным, они отмечены по всей территории Казахстана⁸ и в каждой области назывались по-своему: «шошала», «тошала»⁹. Эти формы

⁸ Востров В. В. К истории развития..., с. 182.

⁹ Шалекенов У. Х. Казахи низовьев Амударьи. Ташкент, 1966, с. 107—208; Аргынбаев Х. Историко-культурные связи русского и казахского народов и их влияние на материальную культуру казахов в середине XIX — начале XX вв. — Там же, с. 57; Востров В. В. Некоторые вопросы этнографии казахов Кызыл-Ординской области. — «Труды ИИАЭ, АН КазССР», т. 28. Алма-Ата, 1963, с. 32—33.

жилища этнографы склонны считать исходными формами постоянных жилищ казахов¹⁰. Согласно археологическим данным, такая планировка уходит корнями в эпоху бронзы¹¹ и без особых изменений доживает почти до наших дней. В настоящее время такие заглубленные юртообразные строения используются в сельских местностях, на зимовках в качестве хозяйственных помещений.

Рис. 2. Остатки юртообразных жилищ из камня на берегу р. Кенгира (Центральный Казахстан)

Очаги в четырехугольных землянках и полуземлянках помещались на левой стороне от входа, в юртообразном жилище — в центре. Обычно напротив входа располагался тор — почетное место. Такая планировка юртообразных жилищ встречается у узбеков в Кунградском районе¹². В некоторых двух-трехкамерных юртообразных поме-

¹⁰ Востров В. В. К истории развития..., с. 183.

¹¹ Маргулан А. Х. Архитектура древнего периода. — В кн.: Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959, с. 49; Оразбаев А. М. Поселения Чаглинка (Шагалалы). Некоторые формы и типы жилищ. — В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 129—146.

¹² Задыхина К. Л. Узбеки дельты Амударьи, с. 363.

щениях очаги устраивали между комнатами, в проходе, и вдобавок к ним в центре комнат — тарелкообразные очаги (Шыгырлы I).

Согласно археологическим данным, дома наземного типа зафиксированы по всей территории Казахстана (рис. 3 и 4). Они бывают двух-четырёхкомнатные, наряду с ними встречаются также и юртообразные жилища. Характер используемого строительного материала зависел от окружающих природных условий. Если поселение распо-

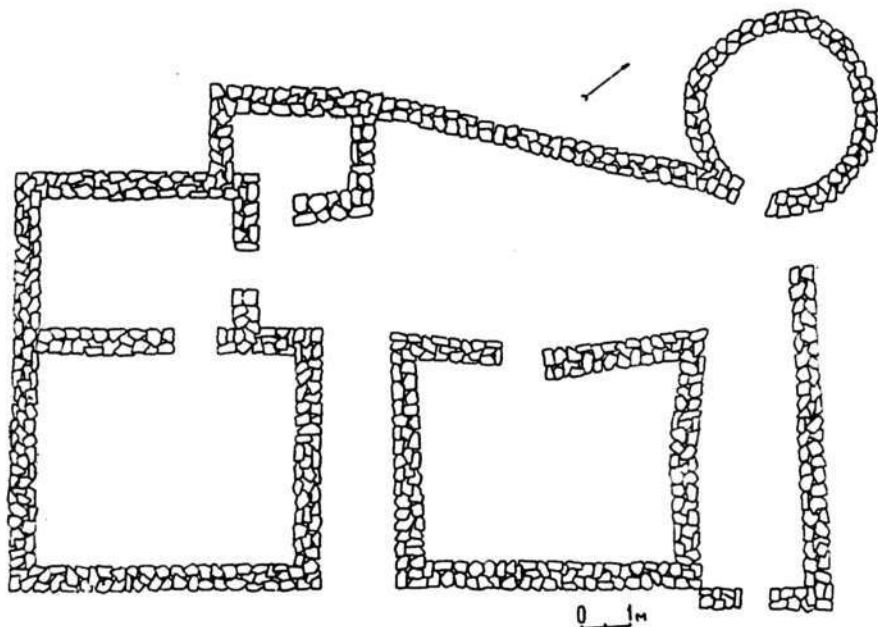

Рис. 3. Наземные жилища из камня на берегу р. Кенгира (Центральный Казахстан)

лагалось на берегу рек, то в строительство шел сырцовый кирпич размерами 30 см × 12 см × 8 см; 36 см × 16 см × 12 см или пахса (Жалгызтам, Актасмечеть)¹³; в горных местностях строительным материалом служил необработанный камень, для перегородок между комнатами использовался иногда и сырцовый кирпич размерами 32 см × 14 см × 8—9 см (Жыланкараул, Ран). Крыши домов были

¹³ Жолдасбаев С. Раскопки укрепленного поселения Жалгызтам (XV—XVIII вв.). — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 178—179; он же. Поселение Актасмечеть (XVII—XIX вв.). — В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975, с. 86—90.

двускатные или же конусообразные, на что указывают остатки центральных колонн, на которые опирались балки. Основания колонн, выложенные из камня, имели разнообразные формы: четырехугольного ящика (15 см × 20 см), четырехугольной тумбы или это просто плоские камни. Обычно комната внутри делится на две части: одна половина отводится для отдыха или приема пищи, она выше другой части на 20—30 см и называется «нары», «тахта»¹⁴ или суфа

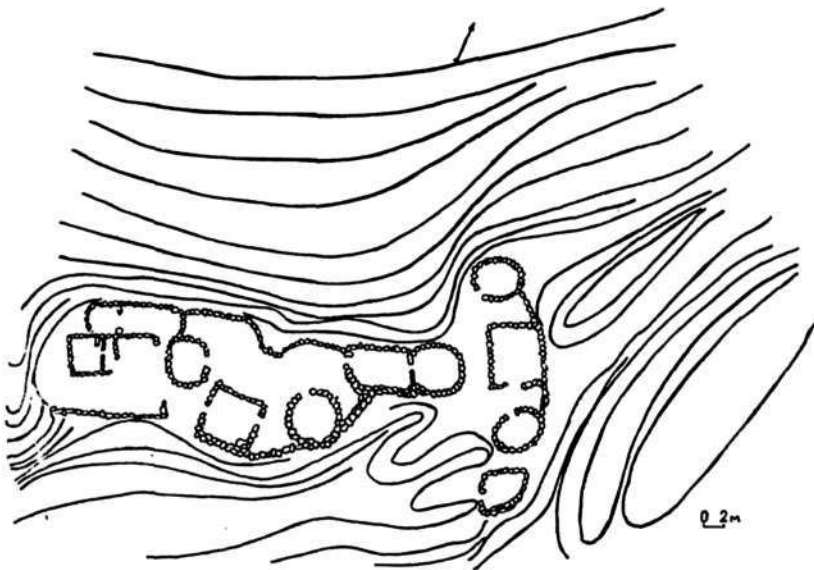

Рис. 4. Наземные жилища в Семиречье

(рис. 5), другая часть, нижняя, расположена перед очагом или при входе.

В наземном жилище выявлены очаги двух видов. Первый очаг простого типа относится к постройкам XVII—XIX вв. Он выкладывался в углу комнаты. Его дымоходный канал подходил к стене и имел выход на крыше. Эти очаги использовались для приготовления пищи (Шыгырлы I, Актасмечеть)¹⁵. Второй вид очага — тандыр — более ранний, относится к XIV—XVI вв. (Жалгызтам¹⁶, Культобе, Ран). Эти очаги преимущественно строились в центре помещения,

¹⁴ Харузин Н. История развития жилища, с. 41; Глухов А. Н. Зимнее жилище, с. 122.

¹⁵ Жолдасбаев С. Поселение Актасмечеть, с. 89, рис. 3.

¹⁶ Жолдасбаев С. Раскопки укрепленного поселения Жалгызтам, с. 178, рис. 5.

они служили для его обогрева и приготовления пищи. Тандыры внутри украшены разнообразными узорами, аналогичными узорам тандыров Баба-аты¹⁷, северного склона Каратау и Отрара¹⁸. Рядом с тандыром, на суфе, в центре помещения находятся тарелкообразные очаги, в которые вкладывались раскаленные угли из тандыра для дополнительного обогрева помещения. Перед тандыром на уровне топочного отверстия на 30—40 см ниже уровня суфы имелась пло-

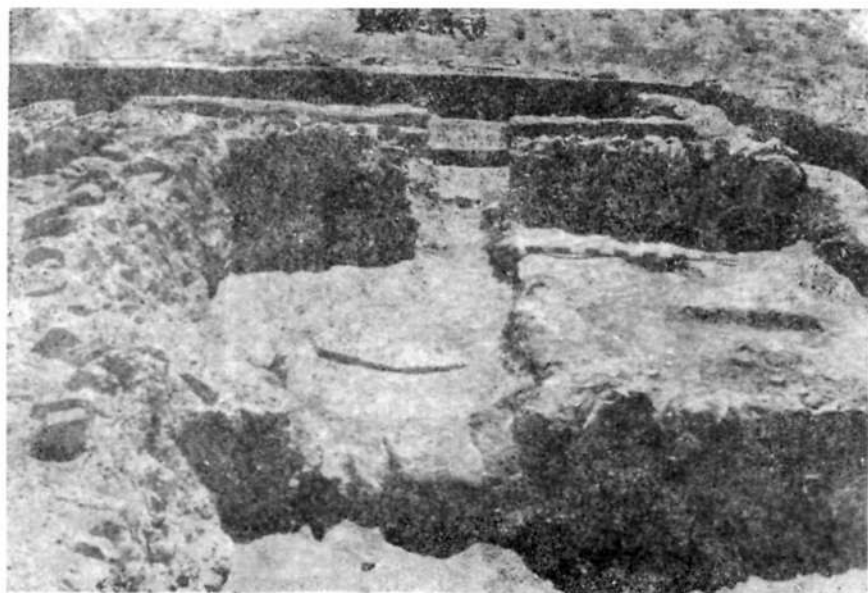

Рис. 5. Интерьер жилища городищ Культобе, Коржин-уй (Северный склон Каратау)

щадка размером $1,5 \times 2$ м; $2 \times 2,5$ м, покрытая камнем или жженым кирпичом, с отверстием для водослива (ташнау). В поздних поселениях такие водосливные ташнау уже не встречаются, их заменяют небольшие ямки рядом с очагом.

Подобного типа жилища нами зафиксированы в ущельях Каратау, на зимовках поселений Карабулак, Каражар, в поселениях Жалгызтам, Шыгырлы I, Актасмечеть. В помещениях обычно по углам

¹⁷ Агеева Е. И. Раскопки на городище Баба-ата. — «Труды ИИАЭ КазССР», т. 14, 1962, с. 206, рис. 64.

¹⁸ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с. 55.

устраиваются зернохранилища или закрома, а также хозяйственные ямы. Они четырехугольные, или овальные, с перегородками из камня и кирпича. Ямы обмазываются глиной и сверху закрываются деревянными палками. В стены наземных жилищ иногда встраиваются ниши («ойык») для посуды, мелких инструментов и светильников-чигаров. Подобное зафиксировано в третьем помещении поселения Жалгызтам, также и в жилищах-зимовках.

Выход из жилищ на зимовках ориентирован на юг и юго-восток. Дома двух-четырёхкамерные, построены в длину, так называемые «коржин-уй» (рис. 5). Передняя комната называлась «дализ», как у узбеков¹⁹, или «далан». Летом в ней проводили основную часть времени.

Во всех исследованных поселениях рядом с жилыми помещениями выявлены хозяйственные постройки, предназначенные для новорожденного мелкого скота («курке») и для ездовых и рабочих коней — («ат кора»). На зимовках жилые дома и сарай имеют общие стены и перекрыты общей крышей. Помещения хозяйственных построек, в свою очередь, разделяются в зависимости от вида скота, в них содержащегося. В культобинских и ранских жилых помещениях встречаются специально построенные хозяйственные комнаты для откорма скота. В них содержали до трех голов мелкого скота и одну две головы крупного скота, о

чем свидетельствуют невысокие кормушки («акыры»). В этих же помещениях коптили мясо, что подтверждают следы огня на полу в разных местах. На укрепленном поселении Жалгызтам жилые дома построены вдоль крепостных стен, а пустующий центр его использо-

Рис. 6. Тандыр. Северный склон Каратау

¹⁹ Воронина В. Л. Узбекское народное жилище. — СЭ, 1949, № 2, с. 60; Задыхина К. Л. Узбеки дельты Амударьи, с. 364, рис. 10; Васильева Г. П. К этнографии туркмен восточных районов Левобережного Хорезма. — В кн.: Материалы Хорезмской экспедиции. М., 1963, вып. 7, с. 149.

вался как загон для скота. Такая планировка напоминает «аула котан»²⁰ кочующих казахов — стойбище, куда загоняли скот.

Хозяйственные постройки в неукрепленном поселении Актасмечеть имеют другой облик. Здесь для хозяйственных целей использовались построенные в ряд отдельные дома — большие землянки (8×5 м; 12×5 м).

Все рассмотренные жилые помещения в укрепленных и неукрепленных поселениях и на зимовках, а также хозяйственные постройки по своей внешней и внутренней планировке имеют много общих черт со среднеазиатскими жилищами. Сходна у них и отопительная система.

На территории Южного Казахстана и Семиречья до сих пор встречаются тандыры. В настоящее время их устраивают в основном во дворах, на возвышенностях, и употребляются они только для выпечки хлеба (рис. 6). Эти данные доказывают несостоятельность мнения исследователей, утверждающих что для казахов «тандыры» не были характерны²¹.

Конечно, мы не утверждали, что тандыры были «чисто» казахскими по происхождению. Они проникли в среду казахского населения наряду с различными формами строений среднеазиатских земледельцев. Анализ строения и планировки жилищ казахов Южного Казахстана также говорит об оседлом образе жизни части казахов.

²⁰ Маргулан А. Х. Архитектура древнего периода, с. 49—50.

²¹ Ягодин В. Н. Кердерское поселение Курганча. — В кн.: Антропология и культура Кердера. Ташкент, 1973, с. 10.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Маргулан А. Х. Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане	3
Акишев К. А., Акишев А. К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры	28
Кузнецова Э. Ф. Спектральный анализ бронзовых изделий из Талды-Курганского клада	68
Ахинжанов С. М. Об этнической принадлежности каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах из Семиречья	65
Байпаков К. М. Городища типа «торткуль»	80
Кузнецова Э. Ф., Тепловодская Т. М. Некоторые вопросы технологии керамического производства позднесредневековых городищ Южного Казахстана	97
Кадырбаев М. К. Археологические данные по истории медицины в Казахстане	109
Алпысбаев Х. А. О находках индустрии каменного века в Каржантау и Караоба	117
Макарова Л. А. Материалы к охотничье-промысловой фауне эпохи неолита и бронзы Казахстана	130
Грошев В. А. Основные моменты динамики оросительной сети Отрарского оазиса в XV—XVIII вв.	140
Сапожников М. А., Шафранский Л. Л. Инфракрасные спектры эмали, дентина и цемента зубов человека	151

Публикации

- Бурнашева Р. З.**
Монетные находки с городища Отрар-тобе за
1974 год 159
- Сенигова Т. Н.**
Керамика городища Туркестан из верхнего
строительного горизонта (XVII—XVIII вв.) 171
- Максимова А. Г.**
Еще один курган Иссыкского могильника 188
- Синенькая Н. И.**
О неполивных крышках из Отрара . . . 194
- Жолдасбаев С.**
Жилища казахов Южного Казахстана.
XV—XIX веков по данным археологии . 203

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КАЗАХСТАНА

*Утверждено к печати Ученым советом Института истории, археологии и этнографии
им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР*

Рецензенты: кандидаты исторических наук
А. М. Оразбаев, Х. А. Аргынбаев

Редактор И. А. Порываева
Художник А. Б. Мальцев
Техн. редактор В. М. Муромцева
Корректор М. И. Безматерных

ИБ № 302

Сдано в набор 8/VIII 1978 г. Подписано к печати 22/XI-78 г.
УГ21142. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага: сорт типографская № 1.
Гарнитура шрифта школьная.
Печать высокая. Объем: Усл. п. л. 15,8. Учетно-изд. л. 15,8.
Тираж 2000. Заказ 126. Цена 2 руб.

Издательство «Наука» Казахской ССР.
Типография издательства «Наука» Казахской ССР.
Адрес издательства и типографии: 480021, г. Алма-Ата, Шевченко, 28

